

CONTENTS

ON THE LITERARY QUALITY OF “VOYAGE BEYOND THREE SEAS”	
Korablev Alexander Alexandrovich	11
TRAVELOGUE AS A LITERARY ENCOUNTER WITH ANOTHER: THREE AFRICAN PLOTS	
Kotelnikov Vladimir Alekseevich	33
TERMINOLOGICAL MICROSYSTEM OF THE SEMANTIC SPACE OF SUBSTANDARD LEXICAL UNITS: ON THE EXAMPLE OF THE «STRANGER» IMAGE IN CRIMINAL JARGON	
Fayzieva Galina Vladimirovna	53
DEVELOPMENT OF READING SKILLS AT RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE CLASS USING AFANASY NIKITIN'S NOTES “VOYAGE BEYOND THREE SEAS”	
Krasikova Ekaterina Nikolaevna / Krasikov Aleksandr Urievich	71
STUDYING THE LANGUAGE OF “VOYAGE BEYOND THREE SEAS” BY AFANASY NIKITIN IN CLASSES IN THE DISCIPLINE “HISTORY OF THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE”	
Nikiforova Olga Valentinovna	89
TULIP COLOUR IN THE COLOUR CONCEPTOSPHERE OF THE FLORAL SPACE OF THE RUSSIAN LANGUAGE: RED OR BLACK?	
Sivova Tatyana Viktorovna	109
THE SEMANTIC FIELD OF EXPRESSIVES DENOTING SAD EMOTIONAL STATES	
Shafaghi Maryam	131
CALENDAR SYSTEMS ON “VOYAGE BEYOND THREE SEAS”	
Vvedenskii Anton Mikhailovich	149
ON THE ISSUE OF SELECTING CULTURE- SPECIFIC LANGUAGE UNITS FOR TEACHING RUSSIAN LANGUAGE IN IRAN	
Kalashi Nahideh / Brem Natal'ia S.	165
THE PROBLEMS OF MASTERING THE GRAMMATICAL CATEGORY OF VERB ASPECT IN THE RUSSIAN LANGUAGE AMONG IRANIAN AUDIENCES: LINGUISTIC AND METHODOLOGICAL ASPECTS	
Rezaei Azin Maryam	183
PROBLEMS OF RUSSIAN WORD FORMATION IN RUSSIAN LANGUAGE CLASSES IN NON-RUSSIAN AUDIENCES	
Sharipova Nozanin Tavakalovna	203
ON THE QUESTION ABOUT THE SPELLING OF COMPOUND ADJECTIVES (complex adjectives with a supporting component - participle)	
Okhunova Salomat	221

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury

Scientific journal

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury

Iranian Association of Russian Language and Literature

The journal is published twice a year, supported by
Iranian Association of Russian Language and Literature

Managing Editor: Janolah Karimi-Motahhar

Editor-in-Chief: Marzieh Yahyapour

Executive Secretary: M. Mohammad Beygi

Scientific Editor: S.V. Shustova

Editorial Board:

Ahmadi Mireyla, Associate Professor of the Russian Language Department, Tarbiat Modarres University (Tehran, Iran)

Akhmetshin R.B., Associate Professor of the Department of the History of Russian Literature, Moscow State University (Moscow, Russia)

Gholami Hossein, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

Golovin V.V., Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

Yerofeva T.I., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Zavyalova E.E., Doctor of Philology, Professor of the Department of Literature, Faculty of Philology and Journalism, Astrakhan State University (Astrakhan, Russia)

Kazieva A.M., Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature of the Pyatigorsk Linguistic University (Pyatigorsk, Russia)

Karimi-Motahhar Janolah, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

Kotelnikov V.A., Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Department of New Russian Literature (St. Petersburg, Russia)

Mohammadi Mohammad-Reza, Associate Professor of the Russian Language Department, Tarbiat Modarres University (Tehran, Iran)

Shustova S.V., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Yahyapour Marzieh, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

It was founded in 2013.

ISSN 2345-2498

e-ISSN 2476-3500

Tehran - Iran

<http://www.journaliarll.ir>

International Editorial Board:

Aloe Stefano, Doctor of Philology, Professor of Russian literature and Slavic Studies, Department of Foreign Languages and Literatures, University of Verona (Verona, Italy)

Broda Marian, Doctor of Humanities sciences, Professor of European's explore, University of Lodz (Lodz, Poland)

Vidmarovich Natalia Petrovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language Division of the East Slavic Languages and Literatures Faculty of Philosophy, University of Zagreb (Zagreb, Croatia)

Koshemchuk Tatiana Alexandrovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Agrarian University (Saint-Petersburg, Russia)

Lepakhin Valery Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Philology of the University of Szeged (Szeged, Hungary)

Liutskanov Yordan Dimitrov, Doctor of Russian literature, associate professor of the Institute for Literature, Bulgarian Academy of Sciences (Sofia, Bulgaria)

Melville Firuza Abdullaeva, Doctor of Philology, Director of the research center of Iranian studies, Faculty of Asian and Middle Eastern Studies, University of Cambridge (Cambridge, UK)

Modebadze Irine Igorevna, Doctor of Philology, Senior Researcher, Department of Theory of Literature and Comparative Literature, Shota Rustaveli Institute Of Georgian Literature (Tbilisi, Georgia)

Molnar Angelika, Ph.D. in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of West Hungary (Szombathely, Hungary)

Motorin Alexander Vasilievich, Doctor of Philological Sciences, Professor, The Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia).

Nazibekova Mehrinissa, Doctor of Philology, Professor of Faculty of Russian language and literature, Tajik National University (Dushanbe, Tajikistan)

Nike Michelle, Ph.D., Professor at the University of Caen-Normandy (Caen-Normandy, France)

Sawada Kazuhiko, Doctor of Philology, Professor of Faculty of Humanities, Saitama University (Saitama, Japan)

Olga Alimovna Bogdanova, Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; Professor at the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities (Moscow, Russia)

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury

"Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury" is published in Iran with the aim of publishing original research on the Russian language and literature. The content of the article should correspond to the subject of the journal. Articles prepared in the following fields are accepted: general linguistics, comparative and comparative linguistics, socio- and psycholinguistics, functional grammar, literature, comparative literary criticism, linguodidactics, and translation studies.

Requirements for the article:

- The forwarded articles should be the results of research by the author(s) of the article.
- The language of the journal is Russian.
- The forwarded articles should not be sent for other journals simultaneously, or it should not be published in other journal.
- Materials forwarded to the editorial office can not be returned.
- Article structure: title, abstract (120-140 words), keywords (5-7 words), introduction, main text, conclusion and list of used literature (in Russian and English). The main text should not be less than 3000 and more than 4000 words.
- At the beginning of the article: full title of the article, name and surname, place of work, academic degree, rank, e-mail address, telephone of the author(s).
- Information about quoted sources in the text of the article have to given in parentheses, including the author's surname, year of publication of the source and page numbers (Ivanov 2013. 92).
- Bibliographic references contain the mandatory elements of the description in the strict sequence in alphabetical order of the author's surnames as follows:
 - **Book:** surname, date of publication (in parentheses), *title of main and non-main work (italics are typed)*, place of publication, publishing house.
 - **Article:** surname, name, date of publication (in parentheses), title of article, *title of journal or collection of articles (italics)*, year and magazine number, place of publication and publishing house for the first and last pages of the article.
 - **Internet sources:** surname, name, title of the work, full address of the Internet (site), date of circulation.
- Materials are provided in the following form: in the Word editor 1997-2003; font "Times New Roman"; the main text is size 14; interval 1.5; upper and lower margins -2.5 cm; left field -3 cm, right field -1.5 cm; indent (paragraph) -1.25 cm.
- You can send the article to the email address of the editor in chief:
myahya@ut.ac.ir, journaliarll@gmail.com

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

СОДЕРЖАНИЕ

О ЛИТЕРАТУРНОСТИ «ХОЖЕНИЯ ЗА ТРИ МОРЯ»	
Кораблев Александр Александрович	11
ТРАВЕЛОГ КАК ЛИТЕРАТУРНАЯ ВСТРЕЧА С ДРУГИМ: ТРИ АФРИКАНСКИХ СЮЖЕТА	
Котельников Владимир Алексеевич	33
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ МИКРОСИСТЕМА СМЫСЛОВОГО ПРОСТРАНСТВА СУБСТАНДАРТНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ: НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗА «ЧУЖОЙ» В КРИМИНАЛЬНОМ ЖАРГОНЕ	
Файзиева Галина Владимировна	53
РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ ЧТЕНИЯ НА УРОКЕ РКИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЗАМЕТОК АФАНАСИЯ НИКИТИНА «ХОЖЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ»	
Красикова Екатерина Николаевна / Красиков Александр Юрьевич	71
ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА «ХОЖЕНИЯ ЗА ТРИ МОРЯ» АФАНАСИЯ НИКИТИНА НА ЗАНЯТИЯХ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ИСТОРИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА»	
Никифорова Ольга Валентиновна	89
ЦВЕТ ТЮЛЬПАНА В ЦВЕТОВОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЕ ФЛОРИСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РУССКОГО ЯЗЫКА: КРАСНЫЙ ИЛИ ЧЕРНЫЙ?	
Сивова Татьяна Викторовна	109
СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ЭКСПРЕССИВОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПЕЧАЛЬНЫЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ	
Шафаги Марьям	131
КАЛЕНДАРНЫЕ СИСТЕМЫ В «ХОЖЕНИИ ЗА ТРИ МОРЯ»	
Введенский Антон Михайлович	149
К ВОПРОСУ ОБ ОТБОРЕ КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ИРАНЕ	
Калаши Нахидех / Брем Наталья Сергеевна	165
ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ «ВИД ГЛАГОЛА» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ИРАНскими СТУДЕНТАМИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	
Резаи Азин Марьям	183
ПРОБЛЕМЫ РУССКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА В НЕРУССКОЙ АУДИТОРИИ	
Шарипова Нозанин Тавакаловна	203
К ВОПРОСУ О ПРАВОПИСАНИИ СЛОЖНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ (сложные прилагательные с опорным компонентом-причастием)	
Охунова Саломат	221

Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы

Научный журнал Исследовательский журнал русского языка и литературы

Иранская ассоциация русского языка и литературы

Журнал выходит 2 раза в год при поддержке
Иранской ассоциации русского языка и литературы

Ответственный редактор:

Дж. Карими-Мотаххар

Главный редактор:

Марзие Яхьяпур

Ответственный секретарь:

М. Мухаммадбегии

Научный редактор:

С.В. Шустова

Редакционная коллегия:

Ахмади Мирейла, доцент кафедры русского языка, Университет тарбият модаррес (Тегеран, Иран)

Ахметшин Р.Б., доцент кафедры истории русской литературы, Московский государственный университет (Москва, Россия)

Голами Хосейн, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Головин В.В., доктор филологических наук, профессор, директор Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

Ерофеева Т.И., доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Пермь, Россия)

Завьялова Е.Е., доктор филологических наук, профессор кафедры литературы факультета филологии и журналистики ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный университет» (Астрахань, Россия)

Казиева А.М., доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Пятигорский лингвистический университет» (Пятигорск, Россия)

Карими-Мотаххар Джанолах, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Котельников В.А., доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук, Отдел новой русской литературы (Санкт-Петербург, Россия)

Мохаммади Мохаммад-Реза, доцент кафедры русского языка, Университет тарбият модаррес (Тегеран, Иран)

Шустова С.В., доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Пермь, Россия)

Яхьяпур Марзие, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Основан в 2013 году.

ISSN печатной версии 2345-2498

ISSN электронной версии 2476-3500

Тегеран - Иран

<http://www.journaliarll.ir>

Международный редакционный совет:

Алоэ Стефано, доктор филологических наук, профессор русской литературы и славяноведения, департамент иностранных языков и литератур, Университет г. Вероны (Верона, Италия)

Брода Мариан, доктор гуманитарных наук, профессор кафедры европейских исследований, Лодзинский университет (Лодзь, Польша).

Видмарович Наталия Петровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Отделения восточнославянских языков и литератур Философского факультета Загребского университета (Загреб, Хорватия)

Кошемчук Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский аграрный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Лепяхин Валерий Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Сегедского университета (Сегед, Венгрия).

Люцканов Йордан Димитров, доктор русской литературы, доцент Института литературы Болгарской академии наук (София, Болгария).

Мелвилл Фирюза Ибодуллаевна, доктор филологии, Директор Центра Иранистических исследований, Пемброк Колледж, Кембриджский университет (Кембридж, Великобритания).

Модебадзе Иринэ Игоревна, доктор филологии, старший научный сотрудник Отдела теории литературы и компаративистики, Институт грузинской литературы им. Шота Руставели (Тбилиси, Грузия)

Молнар Ангелика, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Западновенгерский Университет (Сомбатхей, Венгрия)

Моторин Александр Васильевич, доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия).

Нагзибекова Мехриниссо – доктор филологических наук, профессор, Таджикский национальный университет (Душанбе, Таджикистан)

Никё Мишель, доктор филологических наук, профессор Университета Кана-Нормандии (Кан-Нормандия, Франция)

Савада Кадзухико, доктор филологических наук, профессор гуманитарного факультета, Государственный университет Сайтама (Сайтама, Япония)

Ольга Алимовна Богданова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук; профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва, Россия)

Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы

"Исследовательский журнал русского языка и литературы" издается в Иране с целью публикации оригинальных исследований, посвященных русскому языку и литературе. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Принимаются статьи, подготовленные в следующих областях: общее языкознание, сравнительное и сопоставительное языкознание, социо- и психолингвистика, функциональная грамматика, литература, сравнительное литературоведение, лингводидактика, переводоведение.

Требования к оформлению статьи:

- Присланные статьи должны быть результатами исследований автора (авторов) статьи.
- Язык журнала – русский.
- К изданию принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся.
- Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.
- Структура статьи: название, аннотация (120-140 слов), ключевые слова (5-7 слов), введение, основной текст, заключение и список использованной литературы (на русском и английском языках). Основной текст не должен быть менее 3000 и более 4000 слов.
- В начале статьи помещаются: полное название статьи, имя и фамилия, место работы, ученая степень, звание, адрес электронной почты, телефон автора (авторов).
- Сведения о цитируемых источниках в тексте статьи приводятся в скобках, включая фамилию автора, год издания источника и номера страниц (Иванов 2013. 92).
- В библиографических ссылках приводятся обязательные элементы описания в строгой последовательности по алфавитному порядку фамилий авторов нижеследующим образом:
Книга: фамилия, дата издания (в скобках), название основного и неглавного произведения (набираются курсивом), место издания, издательство.
Статья: фамилия, имя, дата издания (в скобках), название статьи, название журнала или сборника статей (набираются курсивом), год и номер журнала, место издания и издательства для сборника статей первая и последняя страницы статьи.
Интернет-источники: фамилия, имя, название произведения, полный адрес интернета (сайта), дата обращения.
- Материалы предоставляются в следующем виде: в редакторе Word 1997–2003; шрифт "Times New Roman"; основной текст – кегль 14; интервал 1,5; верхнее и нижнее поля –2,5 см; левое поле –3 см, правое поле –1,5 см; отступ (абзац) – 1,25 см.
- Вы направляете статью на электронный адрес главного редактора: myahya@ut.ac.ir, journaliarll@gmail.com

SID

"Лицензионный договор с ООО НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА от 26 января 2016 г. № 18-01/2016 на размещение
журнала в РИНЦ."

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

"License agreement with LLC SCIENTIFIC ELECTRONIC
LIBRARY of January 26, 2016 No. 18-01 / 2016 for the publication
of the journal in the RINC."

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

ON THE LITERARY QUALITY OF “VOYAGE BEYOND THREE SEAS”

Korablev Alexander Alexandrovich^{1*}

Professor of Donetsk State University,
Donetsk, Russia.

(date of receiving: March, 2025; date of acceptance: July, 2025)

Abstract

The article examines the aspects and manifestations of the literature of Afanasy Nikitin's “Voyage beyond Three Seas”. Attention is drawn to some plot and semantic oddities (double narrative, commercial gaps, quality of information, linguistic means, text addressing, questions of faith, the fate of the author) that need an adequate explanation. The presence of literature in the text, where it is not provided for, determines two research strategies – cryptological and theoretical. In the first case, you should check the origin of the text, clarify the attribution of authorship. In the second case, the text of the “Voyage” appears as a material for a theoretical understanding of the nature of literary text generation. The cryptological approach captures the moments that can be reclassified from random to natural. The article argues that the ontological reason for the literariness of “Voyage beyond Three Seas” is a literary paradigm that acts transpersonally and determines the features of the emerging work. The traveler and author of travel notes Afanasy Nikitin, the historiographer Karamzin, the orientalist Senkovsky and many other famous and unknown personalities involved in the creative history and receptive tradition of one of the most significant and mysterious literary monuments of Russian culture deserve grateful and unbiased study.

Keywords: “Voyage Beyond Three Seas”, Literary Paradigm, Philological Cryptology, Literary Hoax, Afanasy Nikitin, Nikolai Karamzin, Osip Senkovsky.

1. E-mail: dikoepole@rambler.ru, dikoepole2@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1362-6283>

* Corresponding author

О ЛИТЕРАТУРНОСТИ «ХОЖЕНИЯ ЗА ТРИ МОРЯ»

Кораблев Александр Александрович^{1*}

Профессор Донецкого государственного университета,
Донецк, Россия.

(дата получения: март 2025 г.; дата принятия: июль 2025 г.)

Аннотация

В статье рассматриваются аспекты и проявления литературности «Хожения за три моря» Афанасия Никитина. Обращено внимание на некоторые сюжетные и смысловые странности (двойной нарратив, коммерческие лакуны, качество информации, языковые средства, адресация текста, вопросы веры, судьба автора), которые нуждаются в адекватном объяснении. Наличие литературности в тексте, где она не предусмотрена, предопределяет две исследовательские стратегии – криптологическую и теоретическую. В первом случае следует проверить происхождение текста, уточнить атрибуцию авторства. Во втором случае текст «Хожения» предстает как материал для теоретического осмысления природы литературного текстопорождения. Криптологический подход фиксирует моменты, которые могут быть перекалиброваны из случайных в закономерные. В статье высказывается тезис, что онтологическая причина литературности «Хожения за три моря» – литературная парадигма, которая действует трансперсонально и предопределяет особенности возникающего произведения. Путешественник и автор путевых записок Афанасий Никитин, историограф Карамзин, востоковед Сенковский и многие другие известные и неизвестные личности, причастные к творческой истории и рецептивной традиции одного из самых значимых и загадочных литературных памятников русской культуры, заслуживают благодарного и непредвзятого изучения.

Ключевые слова: «Хожение за три моря», литературная парадигма, филологическая криптология, литературная мистификация, Афанасий Никитин, Николай Карамзин, Осип Сенковский.

1. E-mail: dikoeppole@rambler.ru, dikoeppole2@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1362-6283>

* Ответственный автор

Введение

Основная тема рассуждений, представленных в этой статье, - литературная парадигматика, а не филологическая конспирология, как может показаться. Основная проблема – онтология литературности и, соответственно, расширение пределов и компетенций филологического познания, а методика криптоанализа привлечена как естественная когнитивная реакция на некоторые совпадения и странности в обстоятельствах написания и нахождения знаменитой рукописи XV века «Хождение за три моря».

Уточним, парадигматика литературных явлений выражается в системности разрозненных сходств. Системность литературной парадигматики проявляется во взаимосвязи формальных, содержательных или функциональных подобий, разделенных временем и пространством. Эта взаимосвязь может быть явной и неявной, непосредственной и опосредованной, объективной и субъективной, осознанной и интуитивной.

Вспомним, что история научного литературоведения – это процесс разработки и разграничения возможностей литературной верификации. Академическая наука XIX века разрабатывала методологию исследования типологического и генеалогического детерминизма, основанную на принципах жизненной-творческой взаимообусловленности. Параллельно, в XIX-XX вв., была обоснована и актуализирована *ионаучная* стратегия, преодолевающая ограничения доказательной каузальности. Сходство не перестает быть определяющим признаком, но утрачивает категоричность. В центре исследовательского внимания часто оказываются атипичные формы соответствий (мифологические, психические, эстетические и др.), вплоть до принципиальной акаузальности. В XXI в. сложно определить доминирующую тенденцию, но наблюдается распространение в разных формах парадигмального мышления, в котором сопрягаются целостность глобальных множеств и сложность единичных явлений.

«Хождение за три моря» рассматривается как пример имманентной литературности нехудожественного текста. Предстоит выяснить, чем обусловлена эта литературность: порождающим контекстом, инкорпорированным субтекстом или каким-либо иным текстопорождением. Теория литературы и филологическая криптология в этом отношении равно необходимы: одна позволяет выявлять объективные свойства литературности, другая помогает конкретизировать имена ее субъективности.

Основная часть

I. Литературность. – Зададимся простым вопросом: почему путевые заметки Афанасия Никитина, имея значение исторического и географического документа, рассматриваются как *литературный памятник*? Предварительный ответ очевиден: потому что среди других древнерусских и старорусских травелогов этот текст выделяется некоторыми особенностями, вызывающими художественное впечатление.

Литературность – это эстетическое качество словесности, наличие в текстовом сообщении дополнительной, внутренней, мирообразующей перспективы. Это заключенный в тексте эстетический потенциал формы и содержания, не обязательно реализованный, но побуждающий к реализации. «Хождение за три моря» в этом качестве представляет особый теоретический интерес как литературный памятник, который не предполагался быть таковым.

Расширяя теоретический контекст, приходится расширить и дефиницию литературности, определив ее как словесную форму художественной целостности, подразумевая, что целостность может быть не только художественной. Нехудожественная целостность сверхчеловечна: она присуща явлениям природы, жизни, истории. Нехудожественная целостность потенциально литературна – она побуждает к целостному восприятию и

творческому отношению читателя, интерпретатора или креатора. «Хожение за три моря» - классический пример такой порождающей целостности.

Изначальное отсутствие эстетической дистанции при восприятии «Хожения» по прошествии значительного времени компенсируется исторической ретроспективой. Проступающая в безыскусном и незамысловатом тексте целостность поглощает и эстетизирует его небрежности, несообразности и непритязательность. Художественность и цельность проявляются в его сюжетном движении и в общем плане открывающегося мира.

Сюжет традиционного путешествия жизнеподобен: это взаимосвязь событий и впечатлений, соединяющая начало и конец целенаправленного пространственного движения. Сюжет «Хожения за три моря» двойствен: в его основе – поездка купца Никитина, которая отражена в торговой логистике, товарной номенклатуре и не предполагает повествовательную персонализацию дорожных впечатлений. Превращение поездки в путешествие происходит в момент, когда коммерческая цель перестает быть актуальной (когда ограбленный купец лишается товара). В отличие от спутников, которые остановились в этом месте или вернулись назад, Никитин продолжил движение вперед, в неизвестность. Освобожденный от прагматической цели, его путь обретает цель в самом себе, а описание пути становится потенциально эстетическим относительно постигаемой действительности.

Наряду с трудностями путешествия, включающими и опасности для жизни, путь героя содержит и духовные испытания, которые с самого начала повествования осознаются как основные: «Се написах грѣшное свое хоженіе...» (Никитин 1958, 11). Это испытания своей веры и проблематизация своей идентичности. Чужие верования предстают путешественнику как новое и более сложное распутие, которое осознается как сверхразумное Единство: «Богъ единый, а то царь славы, творецъ небу и земли» (Никитин 1958, 20).

Образ героя, путешествующего одновременно земными и духовными путями, обладает потенциалом великих подвижников и первооткрывателей, ведомых своей судьбой. В испытаниях и в их изложении выразился характер путешественника – внешне спокойный, сдержанный, рассудительный, но внутренне способный на глубокие чувства и переживания. Совмещение в себе «своего» и «чужого» – того, что определяет его сущность, и того, что расширяет границы его сознания, придает этому образу универсальность архетипа, превращает его движение во времени и пространстве в общезначимую программу человеческого бытия.

Наконец, адресация никитинских «Хожений» тоже превышает целеполагания произведений этого жанра. Возможно, цель осложнялась последовательно: вначале записи для себя, затем – более упорядоченные – для вероятного заказчика, наконец, отредактированные – для всенародного чтения. Естественно, корректура и редакция производились уже не самим путешественником.

Адресация в большей степени, чем другие аспекты художественности, определяет литературность произведения, но литературность «Хожения за три моря» превосходит и конфессиональные регламенты. В авторском сознании концептуально соприсутствуют четыре мировые религии: христианство, ислам, буддизм и иудаизм. И сам герой оказывается в ситуации перехода из одной религии в другую. Отношение Афанасия к иноверцам лояльное, заинтересованное. Возникает впечатление, что, благодаря расширению культурного кругозора, мышление Афанасия Никитина опережает воззрения соотечественников. Возможно, такой эффект вызван неидентичным переписыванием рукописи: время путешествия (XV в.) и время последних списков (XVII в.) разделяют два века.

Литературность никитинского «Хожения» объясняет многие странности этого текста, но в то же время и сама нуждается в некоторых объяснениях.

II. Странности. – Литературность формирует особую читательскую установку, при которой обычные в тексте странности и несообразности (умолчания, иносказания, условности и т.д.) воспринимаются как формы речи. При восприятии литературного произведения такая установка предполагается изначально и не требует специальных ухищрений. Поскольку текст «Хожения за три моря» не обладает такой презумпцией, то наблюдаемые и активно изучаемые в нем признаки литературности побуждают к литературоведческой рефлексии. Учитывая, что в «Хожении за три моря» наиболее явственным выражением литературности предстает сюжет, обратим внимание, прежде всего, на основные сюжетообразующие моменты.

Кем еще, как не купцом, мог быть путешественник в XV веке? Это мог быть завоеватель, мореплаватель, паломник. Но тогда это был бы совсем другой сюжет, с другими событиями и обстоятельствами, с другим взглядом на узнаваемое в пути и с другим летописным резонансом. Для компактного и смыслового литературного произведения купец Афанасий Никитин – идеальный образ: частный взгляд, расширяющийся до универсального (эпические события, драматичные ситуации, лирические переживания).

Как и подобает купцу, Афанасий обозначает свой путь торговыми точками, особо отмечая крупные ярмарки, указывает товары и выгоду. Странности начинаются, если прочитывать текст «Хожения» буквально – не как литературный памятник, а как исторический документ.

Двойной нарратив. – Оглядывая хождение Никитина в целом, с отдаленной временной дистанции, можно отчетливее видеть некоторые концептуальные скрепы, позволившие этому тексту выйти на уровень общезначимого культурного объекта. Если эта дистанция – следствие только исследовательского восприятия, тогда нет оснований не трактовать ее текстологически. Если же она представляет последствия работы переписчиков, тогда это проблема полисубъектности текста. «Хождение за три моря», как

установлено, полисубъектно, но, сверх того, оно двойственно в повествовательном плане. В нем отчетливо проступают две нарративные позиции, различающиеся удаленностью и близостью относительно излагаемых событий: «записная», фиксирующая жизнь, и «литературная», оформляющая ее в целостный текст.

Коммерция. – Записная позиция располагала читающего сближаться с автором, помещая свою точку зрения рядом с авторской и вовлекаясь в повествование как в совместное путешествие в роли незримого спутника и соглядатая. При таком прочтении периодически может возникать неисполнимое намерение как бы заглянуть в несуществующие записи путешественника и попытаться понять то, что осталось невысказанным и невыраженным: некоторые мысли, чувства, состояния, ситуации... Например, довообразить, что должен чувствовать купец, чье коммерческое предприятие утратило смысл в самом начале, когда, пройдя таможни и препоны, его корабль с товаром был вчистую ограблен. Для сюжета это хорошо: теперь актуальны некоммерческие смыслы, но ему-то, идущему, надо же как-то жить дальше. Вопрос: на какие средства? Допустим, ему удалось утаить кое-какие ценности, но надолго ли их хватит? Хватило их на пять лет затратного заморского путешествия, включающего перемещения на кораблях, общение с местными вельможами и, опять же, с чиновниками и разбойниками, что зачастую одно и то же. Объяснения на этот счет кратки и неудовлетворительны: продал лошадь, еда дорогая... Но для *литературного текста* этих деталей вполне достаточно – остальное читатель домыслит сам.

Информация. – «Хождение за три моря» содержит не только коммерческую информацию, но также этнографическую, политическую, военную. Допустим, многое из перечисленного Никитин испытал сам и увидел лично, но некоторые сведения (например, о количестве и составе войск) сложно определить на глаз. Для литературного произведения это не проблема –

подобные сведения можно принять на веру или, в случае надобности, взять из книжных источников. Можно предположить, что эксклюзивную информацию Никитин получил от осведомленного собеседника. Но как? Для доверительного и содержательного диалога нужно и самому быть интересным, достойным и располагающим к себе человеком, а для этого, как минимум, нужно знать язык общения.

Языкознание. – Словно предвидя вопросы об источниках информации, автор «Хожения» демонстрирует знание языков непосредственно в своем тексте. Но вопросы остались: где и как он овладел языками? Вряд ли в Твери. Значит, уже на местах, в процессе общения. При скорой сообразительности и сноровке, наверное, это реально, хотя и непросто, особенно в отношении восточных языков. Незаурядность личности Афанасия Никитина упрощает признание в нем разнообразие талантов и достоинств, хотя и оставляет некоторые сомнения в окончательности и полноте такого объяснения.

Вера. – Вопрос о вере – один из самых дискуссионных среди интерпретаторов «Хожения». Сам герой осознает свое путешествие как испытание веры: «Иже кто по многым землямъ много плаваетъ, въ многыя грѣхы впадаетъ и въ рыся да лишаетъ христианские» (Никитин 1958, 23). Называние себя *грешным* может означать и степень религиозности (в соответствии с молитвой: «прости мя, грешного»). Описанный Никитиным случай несостоявшегося перехода в другую веру характеризует его как верного христианина, но, судя по тому, что заканчивается «Хожение» мусульманской молитвой, можно допустить, что переход мог и произойти.

Возвращение героя и смерть автора. – Мысль вернуться пришла герою знаменательно – в 5-й Великдень (Пасху) пребывания на чужбине, после чего началось его возвращение. Из летописного текста, сопровождающего список «Хожения», известно, что Афанасий Никитин умер по дороге к родной Твери, «не дошед» до Смоленска. Идеальная смерть для литературной биографии

путешественника: в ней и посмертный патриотизм, и мистический остракизм, и скрытая карма. А еще она сюжетна и эстетична: в ней замыкается и выполненная миссия, и жизненный круг – с долей недозавершенности и недосказанности. Эта смерть сняла неизбежность постсюжетных снижений, необязательных объяснений, добавляющих понятность, но рассеивающих ореол героики и тайны.

Как видим, странности «Хожения» не только устраняются литературностью, но и, возможно, обусловлены ею. Но тогда возникает вопрос: откуда ей взяться в этом тексте? «Рабище Афанасий» никакой не писатель, не ученый – разве что гений?

III. Публикация. – Как это нередко случается у произведений с необычной судьбой, исключительной значимостью и повышенной литературностью (например, «Слово о полку Игореве»), оригинал «Хожения за три моря» *утрачен*. Удивительно, что несколько столетий (XV, XVI, XVII и XVIII) столь значимый документ пребывал в неизвестности, пока его не обнаружил **Николай Михайлович Карамзин (1766-1826)**. А это, заметим и задумаемся, *писатель, историограф и путешественник*: – тот, кто мог по достоинству оценить литературное, историческое и географическое значения находки. Найденный документ доказывает, что честь литературного открытия Индии принадлежит России. Именно об этом писал Карамзин, предваряя публикацию «Хожения за три моря»:

«...оно доказывает, что Россия в XV веке имела своих Тавернье и Шарденей, менее просвещенных, но равно смелых и предприимчивых; что Индейцы слышали об ней прежде, нежели о Португалии, Голландии, Англии. В то время, как Васко де Гама единственно мыслил о возможности найти путь от Африки к Индостану, наш Тверитянин уже купечествовал на берегу Малабара и беседовал с жителями о Догматах их Веры» (Карамзин 1999, 224).

Если бы не авторитет Карамзина и не древность найденного списка, можно было бы, принимая во внимание государственную и национальную важность счастливой находки, заподозрить, что это мистификация. Как поступать исследователю в таких случаях, когда интуиция и логика оказываются в разладе? Наверное, позволить им выразиться более полно.

Репутация – сильный довод, но не сильнее фактов. А если прямых («упрямых») фактов нет, тогда условно-доказательную силу обретает совокупность косвенных фактов. То же относится и к совпадениям, на которые реагирует интуиция.

Если невозможно предположить, что почтенный классик и вельможа мог совершить подлог, даже из патриотических соображений, то почему не допустить, что он, не будучи профессиональным медиевистом, мог *ошибиться*, принимая искусную подделку за подлинник? Или, во славу государственности Российской, мог подсознательно или даже сознательно *обмануться*? Или, выполняя чью-то волю или подчиняясь некоторым обязательствам и настоящим рекомендациям, а может, и собственному гению, у которого *особая этика*, он все же решился вставить в роскошный многотомный венец своего творчества великолепный, хотя и поддельный, бриллиант?

Если нечто подобное в силу каких-либо обстоятельств все же произошло, тогда, дорожа своей репутацией перед грядущими потомками, а более всего – перед истиной, «последний летописец» должен был бы оставить будущим читателям какой-нибудь тайный знак, разделяющий в его издании историю и литературу.

Отчасти это очевидно: текст Афанасия Никитина помещен как *приложение* к летописно-историческому тексту Карамзина. Таким же «приложением» к карамзинской «Истории государства Российского» могли бы стать и карамзинские «Записки русского путешественника» (1791-1792), если бы

фрагмент из них был помещен в соответствующем томе «Истории государства Российского». Это были бы два вектора личной истории русского подданного, обращенные на Восток и на Запад. Это была бы текстологическая эмблема, повторяющая двуглавый герб российской империи.

Литературность и самой «Истории государства Российского» допускает подобную метатекстуальность и символическую рецепцию, так что постановка вопроса об авторстве «Хождения за три моря» представляется уже излишней. Открывающийся в авторских зеркальностях исторический символизм достаточен для расширения фактологического смысла.

IV. Мистификация? – Литературные странности найденной рукописи и ее писательское представление вызывают не только эвристический, но и эстетический эффект открытия, а сверх того и впечатление рукотворной загадочности, какое возникает при восприятии литературной мистификации. У специалистов, непосредственно работающих с манускриптами, по-видимому, преобладают иные критерии подлинности – текстологические, графологические, спектральные и т.д., но иногда, в интересах истины и с целью более широкой верификации, бывает нелишним сторонний взгляд специалиста иного профиля или дилетанта, благодаря чему очевидное вдруг воспринимается как проблема.

Поставить вопрос о мистификации вовсе не означает выразить сомнение в подлинности документа. Это вопрос научного педантизма и теоретической вероятности. Это ракурс рассмотрения от обратного, когда яснее видна сила творческой закономерности, направляющая волю даже не творческой личности.

Отсутствие научной дискуссии не означает отсутствие проблемы, как и наоборот: дискуссия о подлинности «Слова о полку Игореве» не умалила славу этого памятника. Но «Хождение за три моря» почему-то не удостоилось серьезных научных сомнений. Из этого рецептивного факта может следовать не одно, а несколько умозаключений: если у академического сообщества нет

сомнений в подлинности найденного документа, значит, для этого нет оснований, потому что академики лучше всех знают текстологические критерии подлинности. Хотя, если подойти к этому вопросу с научной строгостью, нужно допустить, что эти критерии должны быть так же хорошо известны и возможному мистификатору. А если имеется хоть малая гипотетическая вероятность мистификации, то необходима и научная экспертиза, которая бы устранила все сомнения, если таковые возникли.

Разумеется, гипотетический мистификатор, в свою очередь, должен был учесть и предотвратить такую процедуру. Может быть, это совпадение, но словно из предосторожности документ был обнародован с *двойной защитой*, нейтрализующей самую необходимость доскональной верификации. Во-первых, это авторитет придворного историографа, который подвергался бы в случае проверки унижительным подозрениям. Во-вторых, это слава русского первопроходца, которую, в интересах государственного патриотизма, не следовало дискредитировать никакими «точками зрения». Даже в настоящее время, когда независимые и неостепененные интерпретаторы, обычно дилетанты, фантазируют на тему теневой истории «Хождения за три моря», установленная защита, охраняющая литературный памятник от интеллектуальных вандалов, продолжает работать.

Конфронтация академической науки и стихийной конспирологии заведомо обречена на взаимонепонимание, и можно было бы закрыть тему, не позволив ей как следует раскрыться, если бы не возможность литературно-игрового компромисса, не требующая однозначного и категоричного ответа, а просто вводящая в интеллектуальное пространство воображаемых возможностей. Воспользовавшись ничтожно малой вероятностью литературной подделки и предоставив специалистам устанавливать степень этой вероятности, литературный визионер пытается *вообразить*, как все происходило на самом деле.

По сути, это метод самого Карамзина: он воссоздавал воображаемую историю государства Российского, используя для своей концепции выразительные факты и находя художественные доказательства. С таким же успехом он создавал и образ самого себя – «последнего летописца». Литература и жизнь, искусство и история соприкасались и взаимопроникали в его сознании.

Воображение не безгранично, поскольку жизнеподобно, и в этом выражается его научный потенциал, его художественная доказательность. Можно вообразить, основываясь на представлениях о Карамзине, вероятность его поступков, но сложно представить его в чалме. Он европеец, несмотря на свою тюркскую фамилию. Возможно, он был не прочь восполнить свои познания и азиатской культурой, но вряд ли мог их продемонстрировать. Представляя соотечественникам «Хождение за три моря», он выступал как европейски ориентированный русский патриот, но то, что он представлял, требовало другого знания и другой ориентации.

Незнание – сильный довод, хотя и не освобождающий от ответственности. Во-первых, незнание относительно; во-вторых, непостоянно, в-третьих, восполняемо коллегиально. Если Карамзин, создавая литературную историю России сообразно ее имперскому статусу, а значит, соответственно интерпретируя и редактируя составляемый текст, почувствовал необходимость убедительнее представить ее всемирное значение, а для этого усилить восточный вектор, то ему понадобился бы знающий и незаангажированный консультант.

V. Юсуф. – Если в рассматриваемом деле незнание – почти алиби, то знание – почти улика. Если компетентности Карамзина недостаточно, чтобы стилизовать старинное путешествие по заморским странам, то у кого из современников была для этого достаточная компетенция? Загадка, в общем-то, проста: это должен быть знаток восточных древностей, владеющий

восточными языками, способный к литературному творчеству и склонный к мистификациям.

Ответ тоже прост: это *Осип Иванович Сенковский (1800-1858)*, ученый-востоковед, профессор Санкт-Петербургского университета, а также популярный писатель и прославленный мистификатор. Кроме того, и это существенное дополнение к его основным качествам, он путешественник: бывал в Турции, Сирии, Египте, Нубии, Эфиопии (1819-1821), о чем рассказал в путевых заметках («Письмо из Каира», «Посещение пирамид», «Путешествие в Нубию и Верхнюю Эфиопию», «Возвратный путь из Египта, через Архипелаг»), воспоминаниях («Эбсамбул. Нубийские сцены», «Воспоминания о Сирии»), в повестях и поэмах, переведенных с восточных языков («Бедуин», «Витязь буланого коня», «Деревянная красавица», «Истинное великодушие», «Урок неблагодарным» и др.). Вызывает интерес у Сенковского, в частности, *индийская тема*: «Что́ такое люди!» (1832), «Похождения одной ревижской души» (1834). А еще примечательны его *фантастические путешествия*, где правда перемежается с вымыслом, а серьезность с сарказмом («Поэтическое путешествие по белу свету», «Ученое путешествие на Медвежий Остров», «Сентиментальное путешествие на гору Этно» и др.).

Кто, как не он, Осип Сенковский, ученый литератор и литературный критик, путешественник и путеводитель, пересмешник, предстающий в разных обликах (Барон Брамбеус, Тютюнджю-Оглу-Мустафа-Ага, А. Белкин, П. Снегин и др.), способен был сочинить правдоподобную стилизацию заморского путешествия? Вроде бы нет никого другого, в ком необходимые для этого дела качества сочетались бы так счастливо.

Имеются, разумеется, и контрдоводы, как же без них, и самый разрушительный — возраст мистификатора. Слишком молод был Осип Иванович, когда был обнародован текст «Хожения за три моря»: было ему в это время всего 18 лет.

Не пытаюсь отстоять столь фантастическую гипотезу, а только ради доскональности аргументации, обратим внимание, что Осип Иванович был рано созревший юноша. Экзаменуя 22-летнего Сенковского, академик Х.Д. Френ, имевший репутацию одного из лучших ориенталистов Европы, написал в отзыве, что знания молодого человека возбудили в нем столько же удивления, сколько и удовольствия, а в разговорном языке, по признанию мэтра, он не мог даже меряться с ним (Савельев 1858, XXIV). После столь успешного собеседования в 1822 году Сенковский возглавил сразу две кафедры Санкт-Петербургского университета – арабского и турецкого языков.

Словом, у Сенковского были и знания, и амбиции, и азарт, и внутренняя свобода, чтобы осуществить мистификацию века, из чего, разумеется, еще не следует, что он ее осуществил или хотя бы помышлял осуществить. Кроме того, кроме субъективных возможностей должны быть и объективные, а их нет. Почти нет, если допускать к рассмотрению и криптологические доводы.

Например, принятая атрибуция автора «Хождения за три моря» странным образом оказывается созвучна именам предполагаемых мистификаторов: **Никитин – Николай Карамзин; Иосиф (Осип) – Афанасий («Офанасий»)**. Более того, во время путешествия по Востоку Иосиф Сенковский, как и «Афанасий Никитин», именовал себя **Юсуф**.

Итак, определимся: прямых доказательств мистификации у нас нет, косвенные – амбивалентны, их вероятность – типологична, но герои – атипичны. Имманентная литературность рассматриваемого текста побуждает предполагать либо литературную одаренность автора, либо последующую литературную редактуру, либо изначальную литературную мистификацию. Все три варианта в большей или меньшей степени допустимы, как и все три рассматриваемые автора могут быть в большей или меньшей степени причастны к возникающему впечатлению.

Академический подход признает наличие литературной обработки текста «Хожений» (некоторые вставки, изъятия, исправления и т.п.), но в пределах авторской аутентичности (Трубецкой 1983). Криптологический подход предполагает уточнение авторской атрибуции на предмет подлинного или дополнительного авторства. В отличие от категорического академического «это невозможно», криптология формулирует свой вердикт мягче: «это маловероятно».

IV. Мистификация мистификации? – Допустим, доверяя упрямым фактам, мы согласимся, что никакой мистификации «Хожения за три моря» не было и быть не могло. Можно даже заключить, что востоковед Сенковский вообще не знал или не хотел знать о существовании какого-то неудачного купеческого «хожения», по крайней мере, не придавал ему преувеличенного значения, которое бы затмевало его собственную славу отечественного первопроходца восточных земель. Но можно ли допустить, что на волне ажиотажа, вызванного публикацией восьми томов карамзинской «Истории», и в первую очередь, конечно, из профессионального интереса он *не* прочитал опубликованный фрагмент «Хожения»? Мог ли он, реагирующий на всякую литературную мелочь, никак не отреагировать на эту находку? Не написать отзыв, рецензию, статью? Кому, как не ему об этом написать, ведь он совершил *такое же* путешествие и оставил о нем *такие же* записки.

Если хотя бы часть этих допущений хотя бы частично верна, это могло бы стать обоснованием и объяснением остроумной пародийно-фантастической повести Сенковского с характерным названием «Ученое путешествие на Медвежий Остров» (1833). Два ученых, барон Брамбеус и доктор философии Шпурцманн, не только добрались до Медвежьего Острова и достигли пещеры с загадочными письменами, но и расшифровали их, явив миру сенсационную историю *допотопной* России. Не придавая этому совпадению преувеличенное значение, все же отметим, что, по существу, в нем выражен тот же

патриотический пафос, что и в предисловии Карамзина к публикации «Хожения», но, конечно, в сниженно-ироническом смысле, поскольку самообман ученых вскоре обнаруживается, когда они более внимательно всмотрелись в стены пещеры и увидели, что *никаких иероглифов на ней нет* – это игра природы.

Так кто же эти ученые? Ясно же, что у таких образов должны быть прообразы. И назвать их не составляет труда, потому что они упомянуты в самой повести: выдающиеся французские ученые Ж. Кювье (1769-1832) и Ж.-Ф. Шампольон (1790-1832), оба умершие в 1832 году, что, по-видимому, и побудило российского пересмешника почтить их кончину столь необычным некрологом. Возможно, звучный титул «барон», добавленный к фамилии «Брамбеус», возник вследствие соотнесения этого псевдонима с *бароном* Кювье.

С не меньшей вероятностью можно также заключить, что в «Ученом путешествии...» осмеяны не только французские ученые, но и германские, на что указывает фамилия Шпурцманн. Несложно предположить, что имеется в виду известный ученый, один из основоположников френологии И.Г. Шпурцгейм (1776-1832), который скончался в том же 1832 году. Соответственно, надо полагать, пару с ним составляет его учитель Ф.Й. Галль (1758-1828).

Наконец, наибольший интерес должна вызывать российская пара ученых, уже потому, что «барон Брамбеус» - псевдоним автора, причем настолько известный, что затмил его фамилию. Не исключено, что ради этой авторской манифестации и задумывалось произведение, в котором рассказывается «фантастическая» история о фальсификации русской истории.

Сюжет повести выдержан в тех же пропорциях общего и частного. *Ученое путешествие* – это метафора научного исследования, основанная на конкретных примерах. Его высшая цель – открытие чего-то нового: знания,

понимания, явления, видения. Открытия подразумеваемых в повести иностранные коллеги впечатляют: расшифровка египетских иероглифов, реконструкция доисторических животных, характерология черепа. Но какое открытие может предъявить миру Сенковский? Изобретенный им оркестрион? Или свои «фантастические путешествия», в которых он пытается *закрыть* прославленные научные открытия? Барон Брамбеус, творческое порождение Сенковского, должен был, шутя и ерничая, сокрушить научные авторитеты современников, несмотря на их звания, знания, методологию, терминологию и т.д., но в итоге разрушил научную репутацию своего творца.

Может, сюжет о двух ученых был прочитан и понят недостаточно внимательно? Может, в нем содержится что-то еще, кроме общей проблематики? Нет ли в описанном путешествии чего-то конкретного, авторского? Например, дело, которое их на время объединило. Один – вдохновенно переводит, другой – увлеченно записывает. О чем это? Чтобы ответить на эти вопросы или хотя бы прояснить их подоплеку, нужно разгадать, кто из российских коллег Сенковского мог бы составить в повести компанию барону Брамбеусу в образе доктора Шпурцманна.

Думается, логично допустить, что фамилия «Шпурцманн» содержит еще какое-то значение, кроме созвучия или анаграмматического сходства с фамилиями «Шпурцгейм» и «Шампольон». Чтобы не менять принцип декодировки, можно попробовать видоизменить именование этого персонажа. Самое простое и естественное – заменить его первую, определяющую часть (потому что вторая является опорной: «mann» - «человек»). Например, слово «Шпурц» («spurz») заменить на созвучное ему «Шварц» («schwarz»), и тогда маловразумительное «Шпурцманн», преобразованное в «Шварцманн», будет иметь значение «черный человек», вызывая закономерную ассоциацию с этимологией фамилии Карамзина – «кара мурза» - «черный князь».

Заключение

Итак, разумеется, эти допущения и возникающие совпадения если что-то и доказывают, то лишь наличие некоторой минимальной вероятности, что их доказательность может возрасти по мере их накопления и по степени их системности. Системность образует смысловой контур, который удостоверяет реальность воспринимаемого феномена.

Литературность – свойство специфической системности, обусловленной не только каузальными и парадигмальными обстоятельствами, но и целостностью авторского высказывания. Поэтому признаки литературности в текстах, где она не предусмотрена, должны вызывать у исследователей повышенный интерес и особенное, корректирующее внимание.

Литература

- 1- Афанасий Никитин (1958). *Хождение за три моря* // *Хождение за три моря Афанасия Никитина. 1466-1472 гг.* Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР. С.11-30.
- 2- Гоголь Н. В. (1951). *Полное собрание сочинений в 14 томах*, Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, Т. 4.
- 3- Карамзин Н.М. (1897). *Письма Н.М. Карамзина к князю П.А. Вяземскому. 1810-1826*, Санкт-Петербург. – С.92.
- 4- Карамзин Н.М. (1999). *История государства Российского*, Т.6, Москва: Изд-во «Наука».
- 5- Савельев П. (1858). *О жизни и трудах О.И. Сенковского, Сенковский О.И. Собрание сочинений в 9 томах*, Санкт-Петербург, Т.1, С. XI-CXII.
- 6- Сенковский О.И. (1858). *Похождение одной ревизжской души, Собрание сочинений в 9 томах*, Санкт-Петербург, Т.3. С.3-78.
- 7- Трубецкой Н.С. (1983). *Хождение Афанасия Никитина как литературный памятник* // *Семиотика*. М., С. 435-461.

Bibliography

- 1- Afanasii Nikitin (1958). *Khozhenie za tri moria* // *Khozhenie za tri moria Afanasiia Nikitina. 1466-1472 gg.* Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. S.11-30.

- 2- Gogol' N. V. (1951). *Polnoe sobranie sochinenii v 14 tomakh*, Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, T. 4.
- 3- Karamzin N.M. (1897). *Pis'ma N.M. Karamzina k kniaziu P.A. Viazemskomu. 1810-1826*, Sankt-Peterburg. – S.92.
- 4- Karamzin N.M. (1999). *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo*, T.6, Moskva^ Izd-vo «Nauka».
- 5- Savel'ev P. (1858). *O zhizni i trudakh O.I. Senkovskogo, Senkovskii O.I. Sobranie sochinenii v 9 tomakh*, Sankt-Peterburg, T.1, S. XI-CXII.
- 6- Senkovskii O.I. (1858). *Pokhozhdenie odnoi revizhskoi dushi, Sobranie sochinenii v 9 tomakh*, Sankt-Peterburg, T.3. S.3-78.
- 7- Trubetskoi N.S. (1983). *Khozhenie Afanasiia Nikitina kak literaturnyi pamiatnik // Semiotika*. M., S. 435-461.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Korablev Alexander Alexandrovich (2025). ON THE LITERARY QUALITY OF “VOYAGE BEYOND THREE SEAS”. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 13(2), 11-32.

DOI: 10.61186/IARLL.26.1

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/360>

بررسی جنبه‌های ادبی «گذر از سه دریا»

آکساندر آلکساندروویچ کارابلیوف^{*۱}

استاد دانشگاه دولتی دانتسک،

دانتسک، روسیه.

(تاریخ دریافت: مارس ۲۰۲۵؛ تاریخ پذیرش: ژوئیه ۲۰۲۵)

چکیده

در این مقاله ابعاد و جلوه‌های ادبی «گذر از سه دریا» اثر آفاناسی نیکیتین بررسی می‌شود. توجه ویژه‌ای به برخی شگفتی‌ها و ناسازگاری‌های روایی و معنایی (دوگانگی روایت، خلأهای تجاری، کیفیت اطلاعات، ابزارهای زبانی، مخاطب متن، مسائل ایمان، سرنوشت نویسنده) شده است که نیازمند توضیحی دقیق و مناسب‌اند. حضور ادبیت در متنی که اساساً برای آن پیش‌بینی نشده بود، دو رویکرد پژوهشی را پیش می‌نهد: رویکرد رمزکاوانه و رویکرد نظری. در حالت نخست، لازم است خاستگاه متن بررسی و نسبت آن با نویسنده روشن گردد. در حالت دوم، متن «سفرنامه» به‌مثابه ماده‌ای برای تبیین نظری ماهیت زایش متن ادبی در نظر گرفته می‌شود. رویکرد رمزکاوانه لحظاتی را برجسته می‌کند که می‌توانند از رخدادهای تصادفی به الگوهای معنادار تبدیل شوند. در مقاله این فرض مطرح می‌شود که علت هستی‌شناختی ادبیت «گذر از سه دریا» همان پارادایم ادبی است که به‌صورت فرا موقعیتی عمل کرده و ویژگی‌های اثر پدیدآمده را از پیش رقم می‌زند. جهانگرد و نویسنده سفرنامه، آفاناسی نیکیتین، تاریخ‌نگار کارامزین، خاورشناس سنکوفسکی و بسیاری دیگر از شخصیت‌های شناخته و ناشناخته که در تاریخ خلاقه و سنت پذیرش یکی از مهم‌ترین و رازآمیزترین یادمان‌های ادبی فرهنگ روسی نقش داشته‌اند، شایسته مطالعه‌ای سپاسگزارانه و بی‌طرفانه هستند.

واژگان کلیدی: «گذر از سه دریا»، الگوی ادبی، رمزشناسی زبان‌شناختی، ابهام‌آفرینی ادبی، آفاناسی نیکیتین، نیکالای کارامزین، اوسپ سنکوفسکی.

1. E-mail: dikoeppole@rambler.ru, dikoeppole2@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1362-6283>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی- پژوهشی

TRAVELOGUE AS A LITERARY ENCOUNTER WITH ANOTHER: THREE AFRICAN PLOTS

Kotelnikov Vladimir Alekseevich^{1*}

Professor, Institute of Russian Literature
(Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences,
Saint-Petersburg, Russia.

(date of receiving: May, 2025; date of acceptance: July, 2025)

Abstract

The article presents a travelogue in various literary forms as reflection of a meeting with Another. This may be a discovery, both expected and unexpected. The journey is motivated by an interest in what at first appears to be alien, unknown, hints at complex content, promises heuristic surprises, which are associated with hopes for Something Else. Geographical and cultural sites with such properties were often sought just beyond the sea. During a trip around the world in 1853, I. A. Goncharov came to the interior of South Africa, their indigenous inhabitants, Blacks, Kaffirs, Bushmen, aroused his interest as representatives of Another breed of man, an ethnocultural group alien to him, and he got to know them in order to understand their characteristics and place among other similar groups. N. S. Gumilev went to Africa in search of Another One. He not only transferred his creative intuitions to African soil, but also strengthened them, extended them into the field of fiction and mythology. Above all the material that he found in his travels and which formed the content of his African poems, another topic arises, more intimate for Gumilev and more metaphysical in its meaning. It is present in him not in a consistent, distinct development, but in separate images, in associations. The purpose of the Italian writer A. Moravia's trip to Africa is to get her accurate information about the natural environment, about the social structure and about the mores of people in all the countries he visits. But along with the reality of Africa, Moravia also feels something different about the modern world. He sees here a clear evidence of the first days of peace, after which all subsequent development, from Adam to the present day, had to take place in the order described and predicted in the Old and New Testaments.

Keywords: Travelogue, Other, Africa, I. A. Goncharov, N. S. Gumilev, A. Moravia.

1. E-mail: vladilogos@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5135-6782>

* Corresponding author

ТРАВЕЛОГ КАК ЛИТЕРАТУРНАЯ ВСТРЕЧА С ДРУГИМ: ТРИ АФРИКАНСКИХ СЮЖЕТА

Котельников Владимир Алексеевич^{1*}

Профессор, Институт русской литературы
(Пушкинского Дома) Российской Академии наук,
Санкт-Петербург, Россия.

(дата получения: май 2025 г.; дата принятия: июль 2025 г.)

Аннотация

В статье представлен травелог в разных литературных формах как отражение встречи с *Другим*. Это может стать открытием – как предполагавшимся, так и неожиданным. Путешествие мотивировано интересом к тому, что вначале представляется *чужим*, неизвестным, намекает на сложное содержание, обещает эвристические неожиданности, с которыми связаны надежды на *Другое*. Географические и культурные объекты с такими свойствами нередко искали именно за морем. Во время кругосветного путешествия И. А. Гончаров в 1853 году попал во внутренние районы Южной Африки, коренные их обитатели, негры, кафры, бушмены вызвали у него интерес как представители *Другой* породы человека, *чужой* для него этнокультурной группы и он знакомился с ними, чтобы понять их особенности и место среди других подобных групп. Н. С. Гумилев в поисках *Другого* отправился в Африку. Он не только перенес на африканскую почву свои творческие интуиции, но и усилил их, продлил в область вымысла и мифологии. Над всем материалом, который он нашел в путешествиях и который составил содержание его африканских стихов, возникает другая тема, более интимная для Гумилева и более метафизическая по своему значению. Присутствует она у него не в последовательной, отчетливой разработке, а в отдельных образах, в ассоциациях. Цель путешествия в Африку итальянского писателя А. Моравиа – получить ее точные сведения о природной среде, о социальном укладе и о нравах людей во всех посещаемых им странах. Но вместе с реальностью Африки Моравиа ощущает здесь и *Другое* современного мира. Он видит здесь наглядное свидетельство первых дней миротворения, после чего все последующее развитие, от Адама до наших дней должно было совершаться тем порядком, который описан и предсказан в Ветхом и Новом Заветах.

Ключевые слова: травелог, Другое, Африка, И. А. Гончаров, Н. С. Гумилев, А. Моравиа.

1. E-mail: vladilogos@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5135-6782>

* Ответственный автор

Введение

В европейских литературах оппозиция *свое–чужое* в плане географических и этнокультурных сопоставлений была актуальна и творчески продуктивна на протяжении тех эпох, когда шло интенсивное освоение романскими, германскими, англосаксонскими народами исторически неродственных им областей. тот процесс осуществлялся в ходе войн, политических и колонизаторских экспансий, миссионерства и, конечно, в ходе культурного освоения самого материала чужой жизни – ее быта, языка, менталитета, общественных форм, природной среды. С расширением европейского цивилизационного пространства естественно возрастал взаимообмен между своим и чужим, частично стирались границы между ними. Бывшее некогда безусловно чужим воспринималось европейцем теперь как возможное внутри его собственной цивилизации. Так некоторые восточные культы и религиозные практики, прежде выступавшие как экзотические объекты культурного интереса, по мере изучения и применения теряли черты чужеродности, использовались как средство обновления духовной жизни и наконец вошли в состав европейской культуры. Постепенно многое *чужое* становилось все менее чужим, но одновременно, нужно заметить, и многое *свое* становилось все менее своим.

Если чужое находилось «за морем», дистанция между ним и своим оказывалась более значительной и устойчивой. И хотя она тоже постепенно сокращалась, она все-таки не исчезала вполне. При общем нивелировании цивилизационных уровней и поныне сохраняется существенная разница между культурными организмами, развивающимися по разные стороны больших морей или океанов. Такая разница, отразившаяся в архаичных сегодня топонимах Старый Свет – Новый Свет (L’Ancien Monde – Le Nouveau Monde; the Old World – the New World; die Alte Welt – die Neue Welt), не устраняется окончательно даже в эпоху теснейшего, казалось бы, сближения

этих миров в единой евроатлантической цивилизации. Поверхностное перемещение из одного в другой не дает заметить различие. Но перемещение, затрагивающее глубокие их структуры, часто становится крупным событием в интеллектуальной и нравственной жизни личности. Когда человек, воспитанный в исконно европейских традициях, предпринимал «заморское» путешествие – например, в Соединенные Штаты – проникая при этом в глубокие слои социокультурного уклада страны, данная разница выступала со всей очевидностью. По крайней мере так было вплоть до 1960-х годов.

Однако названной оппозицией не исчерпываются отношения качественной полярности при рассмотрении феноменов, принадлежащих к исторически неродственным областям. Для европейского Я, в его психической и культурной самоопределенности, значимо не только *чужое*, то есть явление, экзистенциально далекое от Я, но не противостоящее ему онтологически. Весьма значимо и *Другое* (L'Autre, the Other, der Andere) – как аспект собственного бытия Я, выступающий как выражение и вместе с тем отрицание последнего. Так, личность Я, с ее уверенностью в своем центральном положении в бытийной сфере, находит себя вместе с отрицанием себя в личности *другого*, уверенной в том же. Для жизненной реальности Я его *другое* это реальность мифа, фантазма, художественного образа. Существование Я находит свое *другое* в смерти. Для человека в его целом *Абсолютно Другое* есть Бог. В отношениях Я к *Другому* заключено онтологическое противостояние и одновременно влечение Я к своей собственной глубине.

Основная часть

Многие явления могут восприниматься как формы *Другого*. Увлекаемый ими, человек устремляется вдаль, всматривается в *чужое*, надеясь найти в нем более глубокое содержание, чем просто незнакомая, подлежащая познанию и

освоению действительность. Могучим творческим порывом к *Другому* был романтизм, и в этом стремлении он двигался зачастую через чужие страны и культуры (Восток), через чужие для современности эпохи (Средневековье) и стили (готика).

Путешествие может быть поиском *Другого* и может стать открытием его – как предполагавшимся, так и неожиданным. Путешественником движет вначале интерес к тому, что имеет неотчетливые познавательные очертания и репутацию загадочного, намекает на многосложность содержания, обещает эвристические неожиданности, с которыми связаны надежды на *Другое*. Литературным отражением этого становятся травелоги. Основательных исследований философского аспекта травелогов в этом ключе почти нет; психологический аспект затрагивается в краткой работе Н. А., Никитиной и Н. А. Туляковой (Никитина Н. А., Тулякова Н. А. 2013. 132—138).

Географические и культурные объекты с такими свойствами нередко искали именно за морем. За наиболее известным европейцу морем – Средиземным – находилась наименее известная ему часть света – Африка.

Конечно, ее северная, доступная с моря часть была хорошо знакома и осваивалась уже в древности, и Льву Африканскому, работавшему в Тоскане в 1520-е годы, нетрудно было составить знаменитый энциклопедический обзор ее по впечатлениям своих путешествий и различным источникам.

Но подлинная большая Африка, чужая даже для автора этого обзора, человека африканского происхождения и магрибинской культуры, находилась к югу от средиземноморских территорий Марокко, Туниса, Ливии, Нижнего Египта. Туда стремились многие европейцы; история проникновения в Сахару, в Экваториальную Африку богата не только приключениями и географическими открытиями, но и встречами с *Другим*.

В травелогах XIX и особенно XX века есть эпизоды, которые свидетельствуют о таких встречах, – в разной степени отрефлексированных авторами, но очень характерных для европейского мировосприятия.

Один из колоритных эпизодов такого рода содержится в большом травелоге И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”». Когда автор в 1853 году попал во внутренние районы Южной Африки, коренные их обитатели, негры и кафры, вызывали у него интерес как представители неизвестной ему этнокультурной группы, и он, знакомясь с ними, хотел уяснить для себя их особенности и место среди других подобных групп. Увиденный же рядом с ними бушмен вызвал у писателя совсем иные ощущения и вопросы. «Перед нами стояло существо, едва имевшее подобие человека, ростом с обезьяну. <...> Едва ли он имел, казалось, сознание о том, где он, что с ним делают. <...> “И это мой *брат, ближний!*” – думал я, болезненно наблюдая это какое-то недосозданное, жалкое существо» (Гончаров 1997. 206).

Гончаров не может не признать, что перед ним человек, не может отрицать свое родство с ним. Одновременно он ясно чувствует, что встретился не просто с низкой, доисторической степенью развития собственно человеческих качеств, а с явлением почти внечеловеческим. Потому-то и производит на него эта встреча «болезненное» впечатление, что он нашел в африканском бушмене свое *Другое*¹ – то, что отождествляется с человеком и одновременно отрицает его своей принадлежностью к темным недрам природы. Тема не получила продолжения у Гончарова; он не любил надолго задаваться «метафизическими вопросами», и скоро иные стороны южноафриканской жизни заняли его внимание².

1. Это связано также с фундаментальной оппозицией «свое-чужое». Ее касается Е. П. Истомина, говоря о мотиве границы в данном произведении Гончарова (Истомина 2010. 238–242).

2. В двадцатом столетии эта проблематика приобрела особую актуальность и получила разностороннюю разработку в русле философско-антропологических, психоаналитических исследований. Среди литературных ее разработок можно указать на «Собачье сердце» М. Булгакова, на роман Vercors «Les animaux dénaturés».

Полвека спустя в Африку собирается Николай Гумилев, уже начавший блестящую поэтическую карьеру стихотворным сборником с характерным названием «Путь конквистадоров» (1905).

Истинный европеец по складу личности, образование свое завершивший в Париже, Гумилев рано определился как одинокий скиталец, «в нездешнее влюбленный» («Носорог», 1907 – Гумилев 1998. 155), как «искатель нездешних Америк» («Renvoi», 1907 – Гумилев 1998. 164). Уже на том этапе вырисовывается географическое направление его исканий иного мира, удаленного и резко отличного от Европы, от всего культурно *своего*. Отчетливо он сформулирует это позже – в стихотворении «Приглашение в путешествие» (1918), но с юности нечто настойчиво зовет его туда, где

За морем Средиземным, Красным

И за пустыней есть страна... (Гумилев 1999. 273)

Возможно, некоторую роль в выборе Гумилевым африканского вектора судьбы сыграл трагический в своих итогах выбор, сделанный в 1880 году Артюром Рембо, любимым поэтом Гумилева. Хотя важным мотивом последней «восточной» авантюры Рембо было отвращение к европейской цивилизации, он все-таки в течение проведенных в Африке десяти лет действовал как типичный ее представитель: служил во французской фирме, приумножал капитал, занимался географическими изысканиями, первым пройдя путь в Антокто, по которому вскоре пролегла железная дорога в Эфиопию. Начав с бунта против европейской морали и литературы, он напоследок не открывал в Африке свое *Другое*, а скорее закрывал его, погребал под очередной новоевропейской постройкой на «черном континенте». Рембо-поэт, Рембо-бунтарь здесь уже бездействовал.

Гумилев не только перенес на африканскую почву свои творческие интуиции, но и усилил их, продлил в едва различимые дали вымысла и

мифологии. Своеобразный травелог составил у него из ряда поэтических произведений, связанных с пребыванием на Черном континенте, и писем этого периода.

Путешествовал в Африку он четыре раза.¹

В первую свою поездку туда осенью 1908 года он посетил только Каир, Александрию и их окрестности. В сущности, это еще не была Африка.

Настоящие африканские путешествия – в Эфиопию и Сомали – происходили в декабре 1909 – январе 1910 года, затем с осени 1910 по март 1911 года и, наконец, с апреля по август 1913 года. Последнее путешествие совершалось под эгидой Российской Академии наук, поэтому Гумилев попутно занимался сбором этнографических коллекций,² описанием обрядов и обычаев, записью местного фольклора.

Непосредственное прикосновение к этой плоти африканского быта (Гумилев сам разыскивал и отбирал вещи, близко общался с жителями), а еще более к природной плоти Африки – к земле, к растениям и животным (Гумилев участвовал там и в охоте) давали ему ощущение живой реальности этого мира. Его африканский опыт получал чувственную весомость, насыщенную всеми телесными формами, красками, запахами Африки. Все это прекрасно вписывалось в акмеистическую эстетику Гумилева. Можно даже сказать, что она, сложившись в основном к концу 1900-х годов, тогда уже предвосхищала будущий опыт Гумилева-путешественника, намечала стиль его поэтической разработки. Поэтому еще до больших путешествий могли в 1907 году появиться такие вещи, как «Жираф», «Носорог», «Озеро Чад».

1. О фактической стороне его путешествий см.: (Давидсон 1988. 642–716).

2. Они состоят из предметов материальной культуры народов коту и арусси, из вещей, собранных в Сомали и Эфиопии. Коллекции хранятся ныне в Музее антропологии и этнографии в Петербурге.

Но над всем материалом, добытым в путешествиях и составившим сюжетное и изобразительное содержание его африканских стихов, возникает другая тема, более интимная для Гумилева и более метафизическая по своему значению. Присутствует она у него не в последовательной, отчетливой разработке, а в отдельных образах, в ассоциациях, рождающихся, однако, именно из данного материала.

В стихотворении «Нигер» (1918) Гумилев крупными, сильными мазками рисует поэтическую карту большой африканской реки, насыщая ее тропическими красками, ландшафтной, зоологической, топонимической экзотикой. В последней же строфе он переходит от мира, где все так точно и красиво названо им, к представлениям неназываемым.

Сердце Африки пенья полно и пыланья,
И я знаю, что, если мы видим порой
Сны, которым найти не умеем названья,
Это ветер приносит их, Африка, твой! (Гумилев 2001. 49)

Не следует пренебрегать этим указанием на упомянутую выше тему и считать «сны без названья» малосодержательным в своей условности поэтизмом. В январе 1910 года Гумилев писал М. Кузмину из Харрара:

«Мне кажется, что мне снятся одновременно два сна, один неприятный и тяжелый для тела, другой восхитительный для глаз. Я стараюсь думать только о последнем и забываю о первом».

Гумилев имеет в виду не столько ночные грезы, сколько то, что предстает его художественному взору, устремленному и на природно-человеческую плоть африканской жизни, и поверх нее – в область «снов» и мифов. Там возникают образы религиозно-метафизического порядка, как, например, во «Вступлении» (1918) к сборнику «Шатер»:

Оглушенная ревом и топотом,
Облеченная в пламень и дымы,
О тебе, моя Африка, шепотом
В небесах говорят серафимы.

И, твое открывая Евангелье,
Повесть жизни ужасной и чудной,
О неопытном думают ангеле,
Что приставлен к тебе, безрассудной. (Гумилев 2001. 12)

На смысл этих строф (и стихотворения в целом как выражения гумилевской позиции) проницательно указал О. П. Ильинский:

«Вот она, так сказать, центральная подоплека Африки, вот ее братство со всем миром и место ее в нем, вот огромное, почти мифологическое обобщение. Африка поручена «неопытному ангелу». В Африке Гумилева, несмотря на темную стихию, слышатся отзвуки рая, только Адам в нем темный и «безрассудный». В Африке видится Гумилеву детство человечества. <...> И через эту-то первобытную наивность поэт раскрывает себя самого и чувствует свое братство с этим черным Адамом. Он ведь и себя вписывает в африканский пейзаж» (Ильинский 2007. 104).

Возражение здесь вызывают только два пункта. Во-первых, в христианском представлении (а О. П. Ильинский усматривает именно христианскую ориентацию у Гумилева) с раем не может быть соотносим темный и «безрассудный» черный Адам. Если он таков, то он уже вне рая. Во-вторых, чувство «братства» Гумилева с этим Адамом сомнительно; отношения между ними иного рода.

Действительно, в поэтической разработке Гумилевым африканского материала происходит его мифологизация в направлении эдемского мифа, но создающаяся картина не совпадает с христианским пониманием Эдема. Это покинутый Богом, запущенный и одичавший рай (или во всяком случае такая его часть, оставшаяся доступной человеку). Здесь природа вышла из состояния богопослушности и предоставлена своей тварной свободе. Поэтому в ней столь чрезмерна витальность, порождающая невероятное плодородие и безудержную плотоядность всего живого.

Культурно-религиозная память Гумилева сохраняет в себе образ «Божьего сада» и связанный с ним дохристианский образ «золотого века». В поэзии Гумилева, как и в европейской культуре вообще, это сильный творческий фактор. В Африке он нашел свое *Другое* этих образов. В создаваемой Гумилевым картине выразился его собственный «внутренний рай», но с отрицательным значением, это рай падшего человека и падшей природы. Богу, конечно, здесь уже нет места, и не случайно образ Бога отсутствует в африканских стихах поэта.

Так же и в отношениях с Адамом. В образе первочеловека, как он оформился в христианском сознании, сохранялась свобода первоначального выбора между Богом и его антагонистом и, несмотря на грехопадение, возможность возвращения к Богу оставалась открытой, а явление Исккупителя сделало эту возможность реальной. Воспитанный в христианской традиции Гумилев не утратил христианского Адама в себе, но в поисках его прямых наследников на земле, создавая на этом пути новый эстетический культ – «адамизм» (чем, по сути, и была акмеистическая поэзия), он в Африке нашел свое *Другое* – «черного Адама», чей выбор мира без Бога оказывался уже необратимым. Этот Адам начинает здесь всю человеческую историю заново, с торжества плоти и силы, с поклонения солнцу и слону. Тем самым африканский Адам отрицает уже пройденный библейским Адамом

исторический путь, отрицает добытое им религиозное и культурное достояние, составляющее основу европейской личности, и предлагает все начать снова.

Позволю себе пока опустить подробную аргументацию этих тезисов – отчасти по ее очевидности и легкодоступности в гумилевских текстах, а отчасти по необходимости дать здесь лишь конспективное изложение предмета.

Еще через полвека с небольшим в Африку отправился другой европеец – итальянский писатель Альберто Моравиа¹.

Его путешествия по Кот д'Ивуар, Сахаре, Кении, Заиру совершались с другими целями, с иной познавательной установкой и, конечно, в совершенно иных условиях, нежели путешествия Гумилева. Моравиа хочет получить возможно более точные сведения о природной среде, о социальном укладе и о нравах людей во всех посещаемых им странах – и ему это всегда удастся. Все увиденное он постоянно сопоставляет с тем, что для него, человека западной цивилизации, является нормой. Он превосходно рассказывает о своих впечатлениях, его описания точны и колоритны, суждения остроумны и убедительны, он не скрывает своих настроений и не скуп на выражение разных чувств, хотя сдержанные интонации, естественно, преобладают.

На этом фоне современного очеркового письма, столь характерного для послевоенной европейской литературы, особенно заметно, что именно африканский материал побуждает Моравиа выходить к тем же точкам тематического обзора, к тем же источникам образов и ассоциаций, которые находим у Гумилева.

Уже в начале «Ивуарийского дневника» он обращается к тому стихотворению Бодлера, заглавие которого было использовано Гумилевым для

1. Цели и некоторые подробности его путешествия освещаются, в частности, в работах А. Кадииоли и Л. Капеллини (Cadioli 1972; Capellini 2016).

его программной вещи, – «L'invitation an voyage» («Приглашение в путешествие»), а второй главе дневника дает эффектное заглавие: «Адам остается в Эдеме». Словно перекликаясь с гумилевской картиной африканского рая, Моравиа пишет по поводу увиденных у Берега Слоновой Кости лагун: «Право же, эти места вместе с атоллами Полинезии больше всего напоминают древний библейский Эдем. Но из этого рая Адама никогда не изгоняли. Впрочем, может, он сюда вернулся после короткой ссылки и на сей раз устроился со всеми удобствами. Адам – француз, немец или же миланец. Он банкир, промышленник, рантье. В этот уцелевший земной рай он приезжает, чтобы отключиться от адского ритма метрополии» (Моравиа 1987. 23).

При всей ироничности автора по отношению к европейским потомкам Адама мысль об африканской природе как некоем возможном воплощении мифического эдемского топоса не совсем чужда Моравиа. По крайней мере она окрашивала его ожидания в начале поездки по Африке. Однако реальность заставила его вспомнить о противоположном мифическом топосе. Чем ближе автор подъезжал к Сахаре, тем явственнее второй давал о себе знать. После зрелища сахарской солеварни Моравиа заключает: «Мы мчались навстречу раю, а очутились в аду». (Моравиа 1987. 85)

Что обращение писателя к этим образам имеет целью не только чисто литературный эффект, а и несет некий метафизический смысл подтверждается тем необычным для трезвого интеллектуала мироощущением, которое захватило Моравиа в его африканском путешествии. Прежние поездки его в Америку, в арабские страны, в Советский Союз, в европейские города всегда были приурочены к определенной фазе исторического движения, фазе, сдвинутой или к прошлому, или к будущему, но неизменно включенной в реальное общечеловеческое время. В Африке все оказалось не так.

«До сих пор мне не случалось путешествовать вне времени, точнее, вне истории, в измерении, которое я бы назвал... внеисторическим, религиозным, что ли... Путешествие по Сахаре заполнило этот пробел. <...> Короче говоря, это путешествие в метафизическом пространстве. Европейские хиппи, буржуа едут сюда, скорее всего, подсознательно, также и для того, чтобы посмотреть на место, похожее на то, где зародилась их религия. <...> Почему же вновь устремляются в пустыню с нашего дождливого, плодородного и столь небогатого метафизическими палестинами континента европейцы, снова ставшие язычниками и философами? Моя гипотеза, признаю, рискованная и весьма субъективная. И все же я убежден: в нашу не слишком счастливую эпоху мода на пустыню, повторяю, место смерти, где жизнь проявлялась лишь в виде Божественного откровения, говорит о том, что человек испытывает атавистическую тоску по древности, когда существовало столь плодотворное противоречие между язычеством и христианством, политеизмом и монотеизмом, партикуляризмом и универсализмом». (Моравиа 1987. 75-76)

Если бы именно пустыня как особая географическая зона заключала в себе возможность возврата человека к той древности, когда высшей реальностью для человека было Божественное откровение, а главным двигателем развития – названное Моравиа противоречие, то естественнее всего было бы европейцам направиться в те пустыни Ближнего Востока, где действительно дано было народу израильскому Откровение, откуда затем и началось собственно историческое развитие человечества. Но, вероятно, африканская пустыня, и Африка вообще, говорят современному человеку нечто более значимое для него в этом плане.

Не случайно же в восприятии самого автора «окрестности озера Рудольф» дают достаточно точное представление о том, каким был мир после создания

земли и неба, как сказано в Книге Бытия, земля “была безвидна и пуста, и тьма над бездною”». (Моравиа 1987. 133)

Опять-таки не приходится видеть здесь только литературный прием, использующий библейскую образность. Африканские пейзажи то и дело непосредственно внушают автору ощущение того, что здешняя природа, вся Африка есть наглядное свидетельство первых дней миротворения, после чего все последующее развитие, от Адама до наших дней должно было совершаться тем порядком, который описан и предсказан в Ветхом и Новом Заветах. О заирском озере Иди-Амин-Дада Моравиа пишет: «Озеро – невыразимо африканское. Его безбрежная, неподвижная водная гладь источает дикое очарование черного континента, равнодушно-чужого ко всему «историческому», иными словами, связанному с памятью и культурой. Это – очарование древнего хаоса». (Моравиа 1987. 205)

И африканский бегемот здесь получает библейский, будто из Книги Иова явившийся облик: «Даже издали нам понятно: бегемоты уверены, что так будет всегда. Что миллионы и миллионы лет день будет следовать за днем. Что солнце будет всегда восходить и заходить. Что река всегда примет их в свои воды. Эта уверенность в вечности мира особенно заметна в их играх». (Моравиа 1987. 206).

Кажется, многое в этой книге Моравиа, наводит на мысль, что и вполне секуляризованная европейская личность все-таки остается христианской в своих истоках и культурных основаниях и теперь находит в Африке свое религиозное *Другое*. В новейшей работе профессор из Алжира С. Саидани также касается этой проблематики, говоря об Африке как Ином (the Other) для Моравиа, но не раскрывает смысл феномена, а ограничивается описание путешествия итальянского писателя, акцентируя этические и политические его аспекты (Samia Saidani 2022).

Заключение

Очевидно, что в показанных травелогах – как и в ряде им подобных – первичным и наиболее глубоким мотивом является не просто стремление увидеть и литературно описать новые, не известные прежде субъекту, находящиеся вне его культурного опыта явления, открывшиеся ему в путешествии. Осознанное ранее или осознаваемое во время путешествия, человеком движет стремление психологически и экзистенциально опознать *Другое – Другое* как входящее в него и расширяющее его субъектный мир инобытие.

Литература

- 1- Гончаров И. А. (1997). *Гончаров И. А. Фрегат «Паллада»* // Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т., Т. 2. СПб.: Издательство «Наука». 1997. – 747 с.
- 2- Гумилев Н. С. (1998). *Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 1.* М.: Издательство «Воскресенье». 1998. – 502 с.
- 3- Гумилев Н. С. (1999). *Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 3.* М.: Издательство «Воскресенье». 1999. – 464 с.
- 4- Гумилев Н. С. (2001). *Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 4.* М.: Издательство «Воскресенье». 2001. – 394 с.
- 5- Давидсон А. (1988). *Давидсон А. Муза дальних странствий* // Африка. Литературный альманах. Выпуск 9. М.: Издательство «Художественная литература». 1988. – С. 642–718.
- 6- Ильинский О. П. (2007). *Ильинский О. П. Основные принципы поэзии Н. Гумилева* // Литературные очерки: Филадельфия: Встречи. 2007. – С. 95–124.
- 7- Истомина Е. П. (2010). *Истомина Е. П. Конструктивная роль понятия «Граница» в очерках путешествия И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”»* // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 3. С. 238–242.
- 8- Моравиа А. (1987). *Моравиа А. Письма из Сахары.* Перевод с итальянского Л. А. Вершинина. М.: Издательство «Прогресс». 1987. – 216 с.
- 9- Никитина Н. А., Тулякова Н. А. (2013). *Никитина Н. А., Тулякова Н. А. Жанр травелога: когнитивная модель* // Homo Loquens: Актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. СПб.: Астерион, Вып. 5. 2013. – С. 132–138.

- 10- Cadioli A. (1972). *Cadioli A. Introduzione in "A quale tribu appartieni?"*. Milano,: Bompiani. 1972. – 294 pp.
- 11- Capellini L. (2016). *Capellini L. La mia Africa con Alberto Moravia*. Bologna: Minerva Edizioni. 2016. – 207 pp.
- 12- Samia Saidani (2022). *Samia Saidani. Alberto Moravia in Africa. I misteri dell'Africa nera in «A quale tribù appartieni?»*. Aleph. 2022 | 9 (20) <https://aleph.edinum.org/6003#tocfrom1n1>

Bibliography

- 1- Goncharov I. A. (1997). *Goncharov I. A. Fregat «Pallada»* // Goncharov I. A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 20 t., T. 2*. SPb.: Izdatel'stvo «Nauka». 1997. – 747 s.
- 2- Gumilev N. S. (1998). *Gumilev N. S. Polnoe sobranie sochinenii: V 10 t. T. 1*. M.: Izdatel'stvo «Voskresen'e». 1998. – 502 s.
- 3- Gumilev N. S. (1999). *Gumilev N. S. Polnoe sobranie sochinenii: V 10 t. T. 3*. M.: Izdatel'stvo «Voskresen'e». 1999. – 464 s.
- 4- Gumilev N. S. (2001). *Gumilev N. S. Polnoe sobranie sochinenii: V 10 t. T. 4*. M.: Izdatel'stvo «Voskresen'e». 2001. – 394 s.
- 5- Davidson A. (1988). *Davidson A. Muza dal'nikh stranstvii* // Afrika. Literaturnyi al'manakh. Vypusk 9. M.: Izdatel'stvo «Khudozhestvennaia literatura». 1988. – S. 642–718.
- 6- Il'inskii O. P. (2007). *Il'inskii O. P. Osnovnye printsipy poezii N. Gumileva* // Literaturnye ocherki: Filadel'fiia: Vstrechi. 2007. – S. 95–124.
- 7- Istomina E. P. (2010). *Istomina E. P. Konstruktivnaia rol' poniatii «Granitsa» v ocherkakh putesthestviia I. A. Goncharova «Fregat "Pallada"»* // Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2010. № 3. S. 238–242.
- 8- Moravia A. (1987). *Moravia A. Pis'ma iz Sakhary*. Perevod s ital'ianskogo L. A. Vershinina. M.: Izdatel'stvo «Progress». 1987. – 216 s.
- 9- Nikitina N. A., Tuliakova N. A. (2013). *Nikitina N. A., Tuliakova N. A. Zhanr traveloga: kognitivnaia model'* // Homo Loquens: Aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki prepodavaniia inostrannykh iazykov. SPb.: Asterion, Vyp. 5. 2013. – S. 132–138.
- 10- Cadioli A. (1972). *Cadioli A. Introduzione in "A quale tribu appartieni?"*. Milano,: Bompiani. 1972. – 294 pp.
- 11- Capellini L. (2016). *Capellini L. La mia Africa con Alberto Moravia*. Bologna: Minerva Edizioni. 2016. – 207 pp.

- 12- Samia Saidani (2022). *Samia Saidani. Alberto Moravia in Africa. I misteri dell'Africa nera in «A quale tribù appartieni?»*. Aleph. 2022 | 9 (20)
<https://aleph.edinum.org/6003#tocfrom1n1>

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Kotelnikov Vladimir Alekseevich (2025). TRAVELOGUE AS A LITERARY ENCOUNTER WITH ANOTHER: THREE AFRICAN PLOTS. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 13(2), 33-51.

DOI: 10.61186/IARLL.26.2

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/381>

سفرنامه به مثابه مواجهه ادبی با «دیگری»: سه روایت آفریقایی

ولادیمیر الکسیویچ کاتلنیکوف^{*۱}

استاد، انستیتو ادبیات روسی (خانه پوشکین) وابسته به فرهنگستان علوم روسیه،
سن پترزبورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: مه ۲۰۲۵؛ تاریخ پذیرش: ژوئیه ۲۰۲۵)

چکیده

در این مقاله، سفرنامه در قالب‌های گوناگون ادبی به منزله بازتابی از مواجهه با «دیگری» بررسی می‌شود. این مواجهه می‌تواند هم از پیش انتظار رفته باشد و هم به‌طور غیرمنتظره رخ دهد. سفر، برآمده از علاقه به چیزی است که در آغاز بیگانه و ناشناخته جلوه می‌کند؛ چیزی که بر پیچیدگی محتوا دلالت دارد و نویدبخش شگفتی‌های اکتشافی است که امید به «دیگری» با آن پیوند خورده است. معمولاً چنین موضوعات و مکان‌هایی با ویژگی‌های یادشده در آن سوی دریاها جست‌وجو می‌شدند. در جریان سفر دریایی - جهانی خود در سال ۱۸۵۳، ای. آ. گنچاروف به نواحی درونی آفریقای جنوبی راه یافت. ساکنان بومی آنجا - سیاهان، کافرها و بوشمن‌ها - برای او جالب بودند، چراکه آنان را نمایندگان نژادی دیگر از انسان و متعلق به گروهی قوم‌فرهنگی بیگانه می‌دانست و کوشید از رهگذر شناخت آن‌ها، ویژگی‌ها و جایگاهشان را در میان سایر گروه‌های مشابه دریابد. ن. س. گومیلیوف نیز در جست‌وجوی «دیگری» رهسپار آفریقا شد. او نه تنها دریافت‌های شهودی و خلاقه خود را به بستر آفریقا منتقل کرد، بلکه آن‌ها را تقویت نمود و به قلمرو خیال و اسطوره گسترش داد. بر فراز تمام موادی که از سفرهایش به دست آورد و محتوای اشعار آفریقایی او را شکل داد، موضوعی دیگر پدیدار می‌شود: موضوعی صمیمی‌تر برای گومیلیوف و از حیث معناشناختی، متافیزیکی‌تر. این موضوع نه در قالب پرداختی پیوسته و روشن، بلکه در تصویرها و تداعی‌های پراکنده حضور دارد. هدف سفر نویسنده ایتالیایی، آلبرتو مورایا، به آفریقا دستیابی به داده‌های دقیق درباره محیط طبیعی، ساختار اجتماعی و آداب و رسوم مردم در کشورهای مختلف بود. با این حال، مورایا همراه با واقعیت آفریقا، در آنجا «دیگری» جهان معاصر را نیز احساس می‌کند. او آفریقا را همچون شاهدی عینی بر روزهای آغازین آفرینش جهان می‌بیند، پس از آن بود که تمام تحولات بعدی، از آدم تا به امروز، باید مطابق با نظمی روی می‌داد که در عهد عتیق و عهد جدید توصیف و پیش‌بینی شده است.

واژگان کلیدی: سفرنامه، دیگری، آفریقا، ای. آ. گنچاروف، ن. س. گومیلیوف، آلبرتو مورایا.

* نویسنده مسئول 1. Email: vladilogos@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5135-6782>

TERMINOLOGICAL MICROSYSTEM OF THE SEMANTIC SPACE OF SUBSTANDARD LEXICAL UNITS: ON THE EXAMPLE OF THE «STRANGER» IMAGE IN CRIMINAL JARGON

Fayzieva Galina Vladimirovna^{1*}

Professor of Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev,
Astrakhan, Russia.

(date of receiving: January, 2025; date of acceptance: April, 2025)

Abstract

The active development of substandard lexicography, which began at the end of the twentieth century, led to an increase in the number of studies aimed at describing and systematizing substandard lexemes, as well as representing images in the substandard linguistic picture of the world in differently structured languages. A significant part of the research has been conducted and is still being conducted on the basis of the Russian language, one of the most ancient, the vernacular vocabulary of which has more than a thousand years of history. Note, however, that the history of the lexicographic presentation of colloquial lexemes is not so long and on Russian-speaking soil has only about three hundred years. It is the reason for the active scientific search of researchers of the Russian vernacular language, especially in terms of the description of vocabulary, representing the figurative component in the Russian substandard linguistic picture of the world. The description of the semantic space of substandard lexical units deserves special attention. The present study describes the terminological microsystem of the semantic space of substandard lexemes, representing the image of "Stranger" in the Russian substandard linguistic picture of the world.

Keywords: Substandard, Substandard Vocabulary, Vernacular Vocabulary, Substandard Lexicography, Terminology.

1. E-mail: fayzievagv@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0627-2045> * Corresponding author

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ МИКРОСИСТЕМА СМЫСЛОВОГО ПРОСТРАНСТВА СУБСТАНДАРТНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ: НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗА «ЧУЖОЙ» В КРИМИНАЛЬНОМ ЖАРГОНЕ

Файзиева Галина Владимировна^{1*}

Профессор, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева,
Астрахань, Россия.

(дата получения: январь 2025 г.; дата принятия: апрель 2025 г.)

Аннотация

Активное развитие субстандартной лексикографии, наметившееся в конце XX столетия, стало причиной увеличения количества исследований, направленных на описание и систематизацию субстандартных лексем, а также репрезентацию образов в субстандартной языковой картине мира в разноструктурных языках. Значительная часть исследований проведена и до сих пор проводится на базе русского языка – одного из самых древних, просторечная лексика которого насчитывает более, чем тысячелетнюю историю. Отметим, однако, что история лексикографической презентации просторечных лексем не такая длительная и на русскоязычной почве насчитывает всего около трехсот лет. Именно этот факт и является причиной активного научного поиска исследователей русского просторечного языка, особенно в части описания лексики, репрезентирующей образную составляющую в русской субстандартной языковой картине мира. Отдельного внимания заслуживает описание смыслового пространства субстандартных лексических единиц. Настоящее исследование представляет описание терминологической микросистемы смыслового пространства субстандартных лексем, репрезентирующих образ «Чужой» в русской субстандартной языковой картине мира.

Ключевые слова: субстандарт, субстандартная лексика, просторечная лексика, субстандартная лексикография, терминология.

1. E-mail: fayzievagv@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0627-2045> * Ответственный автор

Введение

Становление новой отрасли науки – субстандартной лексикографии (или социолексикографии) – потребовало уточнения, а в некоторых случаях и формулировки некоторых терминов, категорий и понятий применительно к данной области научного знания. Эта задача – далеко не простое дело, так как речь идет об описании лексических единиц, выходящих за границы литературной нормы, зачастую имеющих несколько диаметрально противоположных значений, употребляющихся в зависимости от коммуникативной ситуации, лексем, используемых в определенном социальном контексте в рамках окказионального употребления и языковой нормы.

Субстандартная лексика характеризуется ограниченной сферой употребления, территориальной незакрепленностью и ненормативностью, что в свою очередь затрудняет приведение субстандартного вокабуляра к какому-либо единым правилам описания и систематизации. В самом общем понимании, субстандартная лексика – это совокупность лексических единиц, относящихся к внелитературному пласту, представленному просторечием, жаргонизмами, сленгизмами, арготизмами, вульгаризмами и другими языковыми категориями, выходящими за пределы литературного языка (Багринцева, Файзиева 2023).

В многочисленных исследованиях, посвященных исследованиям в области социолексикологии и социолексикографии, приведено значительное количество определений понятия «субстандартная лексика». Назовем лишь некоторые, являющиеся, на наш взгляд, наиболее ёмкими:

- лексический фонд обиходной речи (Рябичкина 2010);
- лексика обиходно-бытового диалога на уровне устной речи (Попов, Валькова и др. 1978);

- лексика нейтрального или общеупотребительного стиля и слова с эмоционально-экспрессивной окраской (ласкательные, бранные, иронические, шуточные и т. д.) (Гез 1974);
- «нормативная подсистема национального языка, в которой преобладают некодифицированные, узуальные нормы» (Быков 2001. 11);
- «все то, что находится на периферии традиционного литературного языка (диалект, просторечие, общий жаргон, интержаргон, сленг)» (Кудинова);
- профессиональные лексические системы, профессиональные жаргоны, корпоративные жаргоны, кент (арго) деклассированных (Беляева, Хомяков 1985. 41);
- «лексика, находящаяся за пределами стандартного, литературного языка, и имеющая свои законы и правила развития» (Багринцева, Файзиева 2023. 34).
- совокупность лексических единиц, относящихся к внелитературному пласту, представленному просторечием, жаргонизмами, сленгизмами, арготизмами, вульгаризмами и другими языковыми категориями, выходящими за пределы литературного языка (Рябичкина 2009).

Несмотря на неоднозначность толкований и некоторые терминологические трудности, однозначно, что субстандартная лексика представляет собой значительный пласт лексики, который отличается богатством и колоритом благодаря своей гибкости, креативности и способности быстро адаптироваться к изменениям в обществе. Субстандарт является неотъемлемой частью языка, способствующей его обогащению и образованию новых слов, что делает этот лексический слой увлекательным объектом исследования (Лысикова 2023).

В целом субстандартные лексические единицы являются синонимами литературных, стандартных лексем, передают значение тех же предметов,

действий или объектов, но имеют социальную, ситуационную и экспрессивную маркированность. Субстандартные языковые элементы представляют своего рода оппози́т литературного языка, их семантика фиксирует определенные представления о действительности, характерные для коммуникантов, а сама субстандартная лексика является признанным инструментом моделирования языковой картины мира, благодаря которому четко и ясно представляется менталитет носителей языка, демонстрируется опыт народа по освоению и отражению реальности.

Особенно ярко, в связи с этим, представляется образность субстандартных лексических единиц, формирующих определенные языковые паттерны – как относительно личности (например: образ человека в целом, образ чужого, образ врага, образ своего, образ матери, образ врача и т.д.), так и относительно отдельных ее характеристик (например, соматизмы, зоонимы, профессионализмы и т.д.) в субстандартной лексике.

В настоящем исследовании мы придерживаемся «узкого» подхода в изучении интересующего нас фрагмента субстандартной языковой картины мира, сосредоточив свое внимание исключительно на языковом материале, представленном в словарях субстандартной лексики русского языка. Это «Словарь русского арго» В.С. Елистратова, «Краткий словарь уголовного сленга» О. Мазурина, «Феня. Словарь уголовных терминов», «Словарь уголовного жаргона» М. Грачева, А. Гурова, В. Рябина, «Словарь современного жаргона преступного мира» Э.Л. Складова, А.С. Малаховского

и др.¹ Акцент на семантику в описании микросистемы сделан в связи с тем, что «семантическая основа номинации является наиболее объективной формой отражения ментальных представлений» (Якушкина 2003. 5) и связана, таким образом, с интерпретацией явления или образа в сознании человека.

Основная часть

Термин «социальная лексикография» был предложен В.П. Коровушкиным, определившим в качестве объекта исследования словари нестандартной лексики и фразеологии, а самой социолексикографии придав статус автономной отрасли языкознания (Коровушкин 1996). Сфокусировав свое внимание на прикладном аспекте лексикографической науки, выраженном посредством изучения практики описания в субстандартных словарях нестандартных лексических систем, в наших исследованиях мы детально анализируем смысловое пространство субстандартного лексического слоя на базе разноструктурных языков.

Анализ языковой вариативности отражает социальную дифференциацию общества, которая передается лексикографическими средствами и с помощью лексикографического инструментария в словарях субстандартной лексики. Все это помогает наглядно представить и детально описать понятийную систему субстандартного лексикографического отражения социальных вариантов определенных экзистенциальных форм языка и соответствующий лексикографический аппарат соотнесенных с этими формами понятий,

1. Словарь русского арго: (Материалы 1980-1990-х гг.): Ок. 9000 слов, 3 000 идиомат. выражений / В.С. Елистратов; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М. : Рус. слов. 2000. 693 с.; Краткий словарь уголовного сленга О. Мазурина <https://samlib.ru/m/mazurin/slowarx.shtml>; Феня. Словарь уголовных терминов https://www.lesjeunesrussisants.fr/dictionnaires/documents/DICTIONNAIRE_RUSSE_TERMES_PENITENTIAIRES.pdf; Грачев М., Гуров А., Рябинин В. Словарь уголовного жаргона. Киев: Сигма-Тор, 1991. 22 с.; Скляр Э.Л., Малаховский А.С. «Словарь современного жаргона преступного мира». Архангельск: Солти, 1993. 96 с.

используемых в словарях нестандартной лексики для фиксации социализирующих функций языка, выраженных в лексикографируемом материале, а главное – для отражения особенностей восприятия явлений, переданных субстандартными лексическими единицами, в сознании народа-носителя исследуемого языка.

Эти особенности отражаются в виде определенных образов, которые, как яркие мазки кисти художника, позволяют воссоздать целостную языковую картину мира. Именно образность слова связана с отражением образного видения мира человеком, демонстрирует особенности языковой интерпретации действительности, что подчеркивает значимость проводимого нами исследования.

В рамках настоящей работы мы представим отражение смыслового пространства субстандартных лексических единиц посредством репрезентации образа «Чужой» – одного из центральных в субстандартном лексическом фонде. Эта роль изучаемого образа объясняется исторически – появление субстандартной лексики связано с необходимостью сделать речь коммуникантов непонятной чужим, не относящимся к определенному социуму, кругу, группе, т.е. выполняет конспиративную функцию. До настоящего времени эту функцию выполняет часть вокабуляра уголовного жаргона, некоторых профессиональных жаргонов (например, жаргон специалистов IT сферы), а также некоторые подязыки (бесспорно – французский верлан).

Рассматривая репрезентацию образа «Чужой» через призму терминологической микросистемы, отражающей смысловую дифференциацию в рамках семантической характеристики образа в целом, или в пределах одной субстандартной лексической единицы, в частности («пространство – поле – подполе – группа – подгруппа – ряд»), обозначим для начала основные категории.

Наиболее четкое и ёмкое определение понятия «семантическое пространство» ввели в научный обиход З.Д. Попова и И.А. Стернин, поясняя, что «семантическое пространство языка – часть национальной концептосферы, обозначенная языковыми средствами, названная в языке и представленная семемами и семами» (Попова, Стернин 1999. 28-29).

Мы разделяем мнение М.Ф. Панкиной, поясняющей, что семантическое пространство связано с системой категорий индивидуального сознания, при помощи которых посредством анализа имеющихся значений происходит оценка и классификация различных объектов и понятий (Панкина 2004. 146). В этом случае, анализируя семантическое пространство изучаемого нами на уровне субстандарта образа «Чужой», можно представить его как систему значений, сформированных в сознании народа-носителя (в нашем случае – русского языка) и формирующих смысл образа в субстандартной картине мира.

В наших предварительных исследованиях такой смысл был установлен (Трофимова, Файзиева 2023, Файзиева 2024, Файзиева 2024). С одной стороны, это пространство сформировано на основе характеристик, вызывающих исключительно отрицательные эмоции, независимо от исходной интенции автора, и сопрягает образ чужого с восприятием опасности. Вероятно, стоит пояснить, что восприятие исследуемого образа будет более наглядным в бинарной оппозиции «чужой – свой», тогда «свой» – исключительно позитивный образ, умиротворяющий в осознании единства – духовного или социального; в «чужой», как уже отмечалось выше – негативный, некомфортный, сформированный на основе противоположности.

С другой – это комплексное понятие, связанное с языковой картиной мира. В этой связи семантическое пространство лингвистической репрезентации образа чужого мы определяем по следующим основным параметрам:

- (1) «чужой – думающий, не как все»,
- (2) «чужой – внешне отличный от всех, непохожий»,
- (3) «чужой – ведущий себя не как все».

При этом ядро образа составляют лексемы, передающие внутреннее понимание чуждости (например: *гниляк, хомяк, удод, вишварь* и др.), срединное – лексические единицы, характеризующие внешние атрибуты чужого (например: *петух гамбургский, фуфло, чударь, сивак* и др.), периферийное – лексемы, соответствующие образу поведенческого проявления чужого (например: *овца, быдло, лось, лох* и др.) (Трофимова, Файзиева 2023).

В соответствии с названными тремя параметрами смыслового пространства и можно сформулировать соответствующие семантические поля, понимая под этой категорией объединение слов различных частей речи, имеющих в своем значении один общий семантический признак. В этом случае каждый из приведенных параметров («думающий, не как все», «выглядящий не как все» и «ведущий себя не как все») будет представлять собой разветвленную ветвь определенных семантических подполей.

Таким образом, вырисовывается целостное понимание смыслового пространства изучаемого нами образа:

1. смысловое пространство «Чужой» – другой, иной, не такой, как я/все, не принадлежащий мне – исключительно отрицательная характеристика;
2. семантическое поле Чужой» – триединство характеристик (подполей) «думающий, не как все» (характеристика человека по образу мыслей), «выглядящий не как все» (характеристика человека по внешности) и «ведущий себя не как все» (характеристика человека по поведению);
3. семантические подполя – объединения в рамках общего семантического поля «Чужой» – «думающий, не как все» (репрезентирующее образ мыслей, религиозные убеждения, политические взгляды, социальные детерминанты и

т.д.); «выглядящий не как все» (одежда или ее элементы, общий внешний облик и проч.), «ведущий себя не как все» (поведение, ритуальные манеры, жестикация и др.). Представим также основные семы (части речи как системно-структурного образования), составляющие семантическое пространство каждого подполя, и возможности их языковой реализации. Мы отмечаем одинаковый набор базовых сем во всех выявленных лексико-семантических подполях. Это семы «признак» (например: *порожний, левый, ходовой*), «носитель признака» (например: *скудоум, тюфяк, фраер*), «действие» (например: *бычить, петушить*) и «признак действия» (например: *лажово, фиолетово*). Однако в каждом подполе распределение материала по ним и акценты различны.

4. Семантическая группа – один из важнейших способов систематизации лексического состава языка – **объединяет слова одной части речи с общим основным компонентом значения**. Например, в настоящем исследовании: *брёт, жмудик, дёмон* – чужой, не из воровской шайки.

5. Семантическая подгруппа, как объединение внутри семантической группы по более мелким семантическим признакам, позволяет расширить информацию об изучаемом образе, представленную в субстандартной языковой картине мира. Например, *брёт* – человек, вызывающий отвращение своим неподобающим поведением и *чувырло* – человек, вызывающий отвращение из-за нарушения «воровского закона».

6. Семантический ряд – представляет собой комплекс словозначений, имеющих семантически близкий или, напротив, семантически противоположный смысл; например: *жиган* (человек, знающий воровской жаргон и живущий в соответствии с ним) – *жмудик* (чужой, не из воровской шайки).

В ходе проведенного исследования из 5 словарей, являющихся экспериментальной базой, была осуществлена выборка 287 субстандартных

лексем (100%), репрезентирующих образ «Чужой» в субстандартном лексическом фонде русского языка. Повторяющиеся лексемы к исследовательскому анализу и осмыслению принимались только один раз. Представленное количество составляет смысловое пространство рассматриваемого образа.

К анализу намеренно не принимались субстандартные лексемы, относящиеся к эвфемизмам, обценнизмам, вульгаризмам и табуизмам (в соответствии с приведенными в словарях пометами). Также в ходе выборки не принимались во внимание лексемы, характеризующие неживые объекты.

100% выборки были распределены нами на семантические поля в соответствии со следующими характеристиками:

- «думающий, не как все» – 63 субстандартные лексические единицы (22%);
- «выглядящий не как все» – 89 субстандартных лексем (31%);
- «ведущий себя не как все» – 135 субстандартных лексических единиц (47%).

Соответственно, наиболее актуальным семантическим полем анализируемого образа является объем лексики, отражающей восприятие носителем русского языка поведения человека.

При распределении лексических единиц по семантическим подполям результаты сложились следующим образом:

- «думающий, не как все»: репрезентация образа мыслей – 14 субстандартных лексем (22,1%); отражение религиозных убеждений – 6 субстандартных лексических единиц (9,5%); представление политических взглядов – 9 субстандартных лексем (14,4%); отображение социальных детерминант – 14 субстандартных лексических единиц (22,1%); отображение социального статуса – 8 субстандартных лексических единиц (12,8%); влияние гендера – 7 субстандартных лексических единиц (11,2%); отражение уровня образования – 5 субстандартных лексем (7,9%).

- «Выглядящий не как все»: представление предметов одежды или ее элементов – 19 субстандартных лексем (21,3%); репрезентация общего внешнего облика – 32 субстандартные лексические единицы (36%); отражение антропометрических данных (рост, телосложение и т.д.) – 38 субстандартных лексем (42,7%).

- «ведущий себя не как все»: репрезентация поведенческих особенностей – 91 субстандартная лексема (67,4%); отражение ритуальных манер – 19 субстандартных лексических единиц (14,1%); жестикуляция – 12 субстандартных лексем (8,9%); отражение фонетических и иных аудиальных признаков – 13 субстандартных лексических единиц (9,6%).

В ходе анализа нами было определено 12 семантических групп, преимущественно состоящих из лексем-существительных (203 субстандартные лексемы, 70,7%). Лексических единиц-прилагательных в выборке всего 45 (15,7%), лексем-глаголов – 39 единиц (13,6%).

Субстандартные лексические единицы (287 лексем, 100%) распределены по следующим семантическим группам:

- внешняя (физическая) характеристика человека – 24 субстандартные лексические единицы (8,4%);
- внутренняя (психическая) характеристика человека – 31 субстандартная лексема (10,8%);
- индивидуально-личностные свойства человека (характеристики эмоционального состояния) – 17 субстандартных лексических единиц (5,9%);
- социальный статус – 52 субстандартные лексемы (18,1%);
- мировосприятие человека – 36 субстандартных лексических единиц (12,5%);
- отношение к труду – 14 субстандартных лексем (4,9%);
- отношение к окружающим – 37 субстандартных лексических единиц (12,9%);

- интеллект – 25 субстандартных лексем (8,7%);
- социальные характеристики человека (национальность, религия) – 8 субстандартных лексических единиц (2,8%);
- гендер, характеристики пола – 13 субстандартных лексем (4,5%);
- атрибуты (одежда, предметы деятельности, орудия труда) – 9 субстандартных лексических единиц (3,2%);
- профессиональные характеристики – 21 субстандартная лексема (7,3%).

В ходе анализа также была определена структура исследуемых групп слов, представленная нами в виде семантических рядов, отражающих как синонимичные понятия, так и бинарные оппозиции.

Заключение

Таким образом, можно утверждать, что смысловое пространство образа «Чужой» представляет собой сформированную гармоничную микросистему, состоящую из иерархически выстроенных и взаимосвязанных элементов и отражающую восприятие изучаемого образа в русскоязычной субстандартной языковой картине мира.

Проведенное исследование позволило сделать вывод о регулярности, большей или меньшей частотности и степени выраженности основных семантических характеристик субстандартных лексических единиц.

При рассмотрении всего корпуса единиц, характеризующих образ «Чужой», отметим, что наиболее представлены в изучаемом образе субстандартные лексемы-существительные (203 из 287 субстандартных лексем, характеризующих образ «Чужой» – 70,7%), имеющие характеристику «ведущий себя не как все» (135 субстандартных лексических единиц – 47%). В данном семантическом подполе наиболее частотна группа субстандартных лексических единиц, репрезентирующих поведенческие особенности (91 субстандартная лексема – 67,4%; наименее частотна – группа, представляющая проявления жестикюляции – 12 субстандартных лексем (8,9%).

Среди семантических групп, характеризующих образ «Чужой», наибольшее количество субстандартных лексем представлено в группе «Социальный статус» – 52 субстандартные лексемы (18,1%), наименьшее – в группе «Социальные характеристики человека (национальность, религия)» – 8 субстандартных лексических единиц (2,8%).

Проведенное исследование является базой для анализа особенностей репрезентации образа «Чужой» в разноструктурных языках.

Литература

- 1- Багринцева О.Б. (2023). Файзиева Г.В. *Термины родства в «Интернет-словаре сленга и жаргона «Сленгер»* // Евразийский гуманитарный журнал. № 3. С. 32–38.
- 2- Беляева Т. М., Хомяков В. А. (1985). *Нестандартная лексика английского языка [Текст]: монография* / Т.М. Беляева, В.А. Хомяков. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 138 с.
- 3- Быков В. Б. (2001). *Лексикологические и лексикографические проблемы исследования русского субстандарта: автореф...д. филол. н., М., 30 с.*
- 4- Гез Н.И. (). *Устная речь. Очерки по методике обучения немецкому языку*. М. : «Высшая Школа», 1974. 307 с.
- 5- Коровушкин В.П. (1996). *Английская лексикография*. Череповец : ЧГПИ, 43 с.
- 6- Кудинова Т.А. (2024). *Стандарт и субстандарт в языке: к обоснованию понятий* URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16256853> (дата обращения 10.12.2024)
- 7- Лысикова И.В. (2023). *К вопросу о дефинициях категории «субстандарт»* // Язык и межкультурная коммуникация/ сборник статей XVI Международной научно-практической конференции. Астрахань, 2023. С. 64–67 URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=quuzoh> (дата обращения 22.12.2024)
- 8- Панкина М.Ф. (2004). *Семантическое пространство языка и подходы к его изучению*. Вопросы когнитивной лингвистики. №1 (001). 2004. С 146–149.
- 9- Попов Р.Н., Валькова Д.П., Маловицкий Л.Я., Федоров А.К. (1978). *Современный русский язык*. М. : Просвещение, 1978. 464 с.
- 10- Попова З.Д., Стернин И.А. (1999). *Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях*. Воронеж. Изд-во Воронежского ун-та. 1999. С. 28–29.

- 11- Рябичкина Г.В. (2009). *Лексикографическое описание лексического субстандарта русского языка: история, проблемы, перспективы* // Вопросы лингвистики и литературоведения. 2009. № 1. С. 22–26.
- 12- Рябичкина Г.В. (2010). *История русской просторечной лексикографии постреволюционного периода*. Астрахань, 2010. 153 с.
- 13- Трофимова А.Н., Файзиева Г.В. (2023). *Междисциплинарность категории "чужой" как основа лингвистического образа "чужой" в английском и русском языках* // Евразийский филологический вестник. 2023. № 3 (3). С. 121–136.
- 14- Файзиева Г.В. (2024). *Образ чужого в субстандартных зоонимах английского и русского языков* // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 3 (485). С. 49–54.
- 15- Файзиева Г.В. (2024). *Лексико-семантическое поле «чужой» в сознании носителей русского языка* // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 13. С. 78–85.
- 16- Якушкина Е.И. (2003). *Сербохорватская этическая лексика в этнолингвистическом освещении: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.03 / Е.И. Якушкина. М., 2003. 175 с.*

Bibliography

- 1- Bagrintseva O.B. (2023). Faizieva G.V. *Terminy rodstva v «Internet-slovarе slenga i zhargona «Slenger»* // Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal. № 3. S. 32–38.
- 2- Beliaeva T. M., Khomiakov V. A. (1985). *Nestandardnaia leksika angliiskogo iazyka [Tekst]: monografiia / T.M. Beliaeva, V.A. Khomiakov. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 138 s.*
- 3- Bykov V. B. (2001). *Leksikologicheskie i leksikograficheskie problemy issledovaniia russkogo substandarta: avtoref...d. filol. n., M., 30 s.*
- 4- Gez N.I. (). *Ustnaia rech'. Ocherki po metodike obuchenii nemetskomo iazyku. M. : «Vysshiaia Shkola», 1974. 307 s.*
- 5- Korovushkin V.P. (1996). *Angliiskaia leksikografiia. Cherepovets : ChGPI, 43 s.*
- 6- Kudinova T.A. (2024). *Standart i substandart v iazyke: k obosnovaniiu poniatii* URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16256853> (data obrashcheniia 10.12.2024)
- 7- Lysikova I.V. (2023). *K voprosu o definitsiiakh kategorii «substandart»* // Iazyk i mezhkul'turnaia kommunikatsiia/ sbornik statei XVI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Astrakhan', 2023. S. 64–67 URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=quuzoh> (data obrashcheniia 22.12.2024)
- 8- Pankina M.F. (2004). *Semanticheskoe prostranstvo iazyka i podkhody k ego izucheniiu. Voprosy kognitivnoi lingvistiki. №1 (001). 2004. S 146–149.*

- 9- Popov R.N., Val'kova D.P., Malovitskii L.Ia., Fedorov A.K. (1978). *Sovremennyi russkii iazyk*. M. : Prosveshchenie, 1978. 464 s.
- 10- Popova Z.D., Sternin I.A. (1999). *Poniatie «kontsept» v lingvisticheskikh issledovaniakh*. Voronezh. Izd-vo Voronezhskogo un-ta. 1999. S. 28–29.
- 11- Riabichkina G.V. (2009). *Leksikograficheskoe opisanie leksicheskogo substandarta russkogo iazyka: istoriia, problemy, perspektivy* // Voprosy lingvistiki i literaturovedeniia. 2009. № 1. S. 22–26.
- 12- Riabichkina G.V. (2010). *Istoriia russkoi prostorechnoi leksikografii postrevoliutsionnogo perioda*. Astrakhan', 2010. 153 s.
- 13- rofimova A.N., Faizieva G.V. (2023). *Mezhdistsiplinarnost' kategorii "chuzhoi" kak osnova lingvisticheskogo obraza "chuzhoi" v angliiskom i russkom iazykakh* // Evraziiskii filologicheskii vestnik. 2023. № 3 (3). S. 121–136.
- 14- Faizieva G.V. (2024). *Obraz chuzhogo v substandartnykh zoonimakh angliiskogo i russkogo iazykov* // Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2024. № 3 (485). S. 49–54.
- 15- Faizieva G.V. (2024). *Leksiko-semanticheskoe pole «chuzhoi» v soznanii nositelei russkogo iazyka* // Gumanitarnye issledovaniia. Istoriia i filologiya. 2024. № 13. S. 78–85.
- 16- Iakushkina E.I. (2003). *Serbokhorvatskaia eticheskaja leksika v etnolingvisticheskom osveshchenii*: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.03 / E.I. Iakushkina. M., 2003. 175 s.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Fayzieva Galina Vladimirovna (2025). TERMINOLOGICAL MICROSYSTEM OF THE SEMANTIC SPACE OF SUBSTANDARD LEXICAL UNITS: ON THE EXAMPLE OF THE «STRANGER» IMAGE IN CRIMINAL JARGON. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 13(2), 53-69.

DOI: 10.61186/IARLL.26.3

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/344>

ریز سامانه اصطلاح‌شناختی فضای معنایی واحدهای واژگانی غیراستاندارد:

مطالعه موردی بازنمایی «بیگانه» در ژارگون مجرمان

گالینا ولادیمیروونا فایزیوا^{*۱}

استاد، دانشگاه دولتی و. ن. تاتیشچف آستراخان،
آستراخان، روسیه.

(تاریخ دریافت: ژانویه ۲۰۲۵؛ تاریخ پذیرش: آوریل ۲۰۲۵)

چکیده

رشد فعال زبان‌نگاری واژگان غیراستاندارد که از اواخر قرن بیستم آغاز شد، سبب افزایش شمار پژوهش‌هایی گردید که به توصیف و نظام‌مندسازی واژه‌های غیراستاندارد، و نیز بازنمایی تصویرها در چشم‌انداز زبانی غیراستاندارد در زبان‌های گوناگون ساختاری، اختصاص یافته‌اند. بخش قابل توجهی از این تحقیقات بر پایه زبان روسی انجام شده؛ زبانی که یکی از کهن‌ترین زبان‌ها به‌شمار می‌رود و واژگان عامیانه آن پیشینه‌ای بیش از هزار سال دارد و همچنان ادامه دارد. با این حال، باید یادآور شد که تاریخ زبان‌نگاری واژه‌های عامیانه در حوزه زبان روسی چندان طولانی نیست و تنها حدود سیصد سال را در بر می‌گیرد. همین امر علت جست‌وجوی علمی فعال در میان پژوهشگران زبان عامیانه روسی است، به‌ویژه در زمینه توصیف واژگانی که بُعد تصویری چشم‌انداز زبانی زیراستاندارد روسی را بازنمایی می‌کنند. در این میان، توصیف فضای معنایی واحدهای واژگانی غیراستاندارد شایان توجهی ویژه است. پژوهش حاضر به توصیف ریز سامانه اصطلاح‌شناختی فضای معنایی واژه‌های غیراستاندارد می‌پردازد که تصویر «بیگانه» را در چشم‌انداز زبانی غیراستاندارد روسی بازنمایی می‌کنند.

واژگان کلیدی: غیراستاندارد، واژگان غیراستاندارد، واژگان عامیانه، زبان‌نگاری غیراستاندارد، اصطلاح‌شناسی.

1. Email: fayzievagv@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0627-2045>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی - پژوهشی

DEVELOPMENT OF READING SKILLS AT RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE CLASS USING AFANASY NIKITIN'S NOTES "VOYAGE BEYOND THREE SEAS"

Krasikova Ekaterina Nikolaevna^{1*}

Educational center "Knowledge is Power",
Mikhailovsk, Russia

Krasikov Aleksandr Urievich²

Educational center "Knowledge is Power",
Mikhailovsk, Russia

(date of receiving: March, 2025; date of acceptance: July, 2025)

Abstract

Developing reading skills is one of the cornerstones of language learning. The article discusses the concept of "reading", there are many incomplete definitions, but the authors provide a more complete one: "Reading is the process of extracting meaning from written texts. It is a complex skill that requires the coordination of interrelated sources of information". For the student of Russian as a foreign language, reading is the way, and sometimes the goal, of learning Russian. Afanasy Nikitin's travel notes - a monument of Old Russian literature can be used in Russian as a foreign language lessons starting from A2 level. This unique literary work by a merchant from Tver, entitled "Voyage beyond Three Seas", is a fascinating record of his journey to India in the period from 1468 to 1474. The authors of this article describe the methodology and stages of working with texts, they emphasize that every reading lesson plan should include three stages: the pre-reading, reading, and post-reading stages. According to constructivists, we create new knowledge by building on our prior knowledge. The ability to decode information from a text alone is not enough. Teachers should encourage students to use their own knowledge of the world and worldview to make sense of the text. This knowledge, often called schemas, is essential to the process of constructing meaning. The way reading skills are taught depends on what the teacher's goals are and how he or she constructs lesson plans. For this purpose, the teacher needs to decide on the objectives of the reading comprehension lesson. Teachers should activate students' knowledge of the topic of the text they are about to read by using the following activities: brainstorming, discussions, pictures, primers, prediction, and others. Activities during reading are exercises that help students focus on text features and comprehension. In addition to helping students better comprehend the text, these activities also help students to understand the text. The authors of the article have developed exercises to develop reading skills based on the work of Afanasy Nikitin.

Keywords: Reading Skills, Russian Lesson, Stages of Learning to Read, Afanasy Nikitin.

1. E-mail: katenika1@rambler.ru; ekaterina.krasikovalf@gmail.com;

<https://orcid.org/0000-0003-4871-9965>

2. E-mail: datcentik@rambler.ru

* Corresponding author

РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ ЧТЕНИЯ НА УРОКЕ РКИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЗАМЕТОК АФАНАСИЯ НИКИТИНА “ХОЖЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ”

Красикова Екатерина Николаевна^{1*}

Доцент, Кандидат педагогических наук,
Образовательный центр «Знание-Сила»,
Михайловск, Россия.

Красиков Александр Юрьевич²

Образовательный центр «Знание-Сила»,
Михайловск, Россия.

(дата получения: март 2025 г.; дата принятия: июль 2025 г.)

Аннотация

Развитие навыков чтения - один из краеугольных камней изучения языка. В статье рассматривается понятие “чтение”, существует много неполноценных определений, но авторы приводят более полное: “Чтение – это процесс извлечения смысла из письменных текстов. Это сложный навык, требующий координации взаимосвязанных источников информации”. Для студента РКИ чтение – способ, а иногда и цель, изучения русского языка. Путевые заметки Афанасия Никитина - памятник древнерусской литературы может быть использованы на уроках русского языка как иностранного начиная с уровня А2. Данная уникальная литературная работа купца из Твери, под названием "Хождение за три моря", представляет собой увлекательные записи о его путешествии в Индию в период с 1468 по 1474 годы. Авторы данной статьи описывают методику и этапы работы с текстами, они подчеркивают, что каждый план урока чтения должен включать три этапа: этап подготовки к чтению, чтения и после чтения. Согласно конструктивистам, мы создаем новые знания, опираясь на наши предыдущие знания. Одной способности декодировать информацию из текста недостаточно. Учителя должны поощрять учащихся использовать свои собственные знания о мире и мировоззрение, чтобы понять смысл текста. Эти знания, которые часто называют схемами, являются необходимым условием для процесса построения смысла. Способ обучения навыкам чтения зависит от того, какие цели ставит перед собой учитель и как строит планы уроков. Для этого учителю необходимо определиться с целями урока понимания прочитанного. Учителя должны активизировать знания учащихся о теме текста, который они собираются читать, используя следующие виды деятельности: мозговой штурм, обсуждения, картинки, букварь, прогнозирование и другие. Занятия во время чтения - это упражнения, которые помогают учащимся сосредоточиться на особенностях текста и его понимании. Помимо того, что эти задания помогают учащимся лучше понять текст. Авторы статьи разработали упражнения по развитию навыков чтения на основе произведения Афанасия Никитина.

Ключевые слова: навыки чтения, урок РКИ, этапы обучения чтению, Афанасий Никитин.

1. E-mail: katenika1@rambler.ru; ekaterina.krasikovalf@gmail.com;

<https://orcid.org/0000-0003-4871-9965>

* Ответственный автор

2. E-mail: datcentik@rambler.ru

Введение

Словарное определение **чтения** звучит следующим образом: «Чтение – это действие или навык чтения письменных или печатных материалов молча или вслух». Данное определение неполноценно. В нем не говорится о том, что у чтения есть цель. Обычно мы читаем с определенной целью. Например, люди читают, чтобы следовать инструкциям, найти конкретную информацию, уловить главную мысль текста, развлечься и т. д. Для студента РКИ чтение – способ, а иногда и цель, изучения русского языка.

Кроме того, в процесс чтения вовлечено множество вещей. Читатели обладают предварительными знаниями, которые помогают им заполнить пробелы при чтении текста. Более точным является определение Андерсона: «Чтение – это процесс извлечения смысла из письменных текстов. Это сложный навык, требующий координации взаимосвязанных источников информации» (Андерсон, 1985, с. 6.).

Практика навыков чтения - один из краеугольных камней изучения языка. Они не только улучшают общую языковую компетенцию, но и развивают критическое мышление, аналитические навыки и служат источником информации. В связи с этим, в данном исследовании, **поднимается вопрос**: «Как использовать путевые заметки Афанасия Никитина “Хождение за три моря” для развития навыков чтения на уроках русского языка как иностранного (РКИ)?».

Основная часть

Предметом исследования является обучение чтению на уроках РКИ, а предметом – использование путевых заметок Афанасия Никитина, как памятника древнерусской литературы.

Исходя из вышеизложенных теоретических предпосылок, при обучении навыкам чтения мы, как учителя, должны соблюдать некоторые

фундаментальные принципы, которые способствуют развитию навыков чтения.

1. Чтение - это целенаправленное занятие.

Обучение студентов навыкам чтения должно осуществляться для достижения различных целей: поиск конкретной информации с помощью скимминга и сканирования; для изучения и получения знаний по различным темам; развлечься; реагировать на текст и высказывать свое мнение о его содержании.

2. Соответствие уровню учащихся

Деятельность по чтению должна соответствовать уровню владения языком учащихся. Учителя должны использовать упрощенные тексты, которые немного выше уровня учеников.

3. Знание лексики

Что касается словарного запаса, то учащиеся должны читать с 98-процентным охватом лексики в тексте, чтобы они могли выучить оставшиеся 2 процента, догадываясь по контексту.

4. Интеграция навыков

Деятельность по чтению должна интегрировать другие навыки. Настоятельно рекомендуется плавное включение упражнений на говорение, аудирование и письмо. Эти виды деятельности следует задавать на этапах до, во время или после чтения.

5. Навыки чтения

Основное внимание должно быть уделено развитию таких навыков чтения, как фонемное восприятие, орфографическая практика, изучение лексики и грамматики.

6. Стратегии чтения

Стратегия чтения - это осознанный план, который хороший читатель применяет для понимания текста. Зная эти целенаправленные стратегии,

учащиеся могут полностью контролировать понимание текста. Соответственно, преподаватели должны обучать учащихся таким стратегиям чтения, как: предварительный просмотр, постановка цели, прогнозирование, задавать вопросы, подключение к фоновым знаниям, обращая внимание на структуру текста, угадывание слов по контексту, размышление над текстом и реакция на него.

7. Тип текста

Получение знаний о типе текста - еще одна область, в которой учащиеся должны совершенствоваться. Они должны уметь различать жанры текстов: электронные письма, отчеты, рассказы, газетные статьи, научные тексты и тп.

8. Много читать

Учащихся также необходимо поощрять много читать. Обширное чтение помогает им стать беглыми и развить скорость чтения различных текстов - компетенцию, столь необходимую для академических успехов и будущей карьеры учащихся.

Способ обучения навыкам чтения зависит от того, какие цели ставит перед собой учитель и как строит планы уроков. Для этого учителю необходимо определиться с целями урока понимания прочитанного. Например, при обучении навыкам чтения учителя руководствуются следующими целями:

Чтение по сути?

Чтение для получения конкретной информации?

Чтение для детального понимания?

Развитие скорости чтения?

Обучение учащихся конкретным стратегиям чтения?

Выявление смысла из контекста?

Комбинация вышеперечисленных целей?

То, как обучать чтению, зависит и от того, как построен урок. Фактически, любой план урока чтения должен включать три этапа:

- этап подготовки к чтению
- этап чтения
- этап после чтения.

Согласно конструктивистам, мы создаем новые знания, опираясь на наши предыдущие знания. Одной способности декодировать информацию из текста недостаточно. Учителя должны поощрять учащихся использовать свои собственные знания о мире и мировоззрение, чтобы понять смысл текста. Эти знания, которые часто называют схемами, являются необходимым условием для процесса построения смысла.

Работа перед чтением является важной частью урока чтения по определенным причинам. Они помогают учащимся лучше подготовиться к тому, что им предстоит прочитать. Эта деятельность помогает учащимся предвосхитить тему чтения. Формулирование ожиданий относительно содержания текста помогает учащимся подготовиться к тому, какой язык, лексика и даже грамматика могут быть использованы в тексте. Эти действия создают потребность в чтении текста, чтобы узнать больше о теме. Создавая потребность узнать больше о теме, эти виды деятельности повышают мотивацию учащихся.

Учителя должны активизировать знания учащихся о теме текста, который они собираются читать, используя следующие виды деятельности:

Мозговой штурм

Это можно сделать следующим образом с использованием **заметок Афанасия Никитина “Хождение за три моря”**:

В группах учащиеся проводят мозговой штурм идей, связанных с темой **“Хождение за три моря”**.

Все члены группы вносят свой вклад в создание идей по теме. Все идеи должны быть приняты. Учитель устанавливает время для проведения мозгового штурма. После генерирования достаточного количества идей

группы упорядочивают свои идеи и формируют предложения. Наконец, они делятся своими идеями со всем классом. Эту процедуру также можно проводить всем классом (Крючкова Л.С., 2009, с. 45).

Обсуждения

Это можно сделать следующим образом:

Учитель готовит противоположные мнения по теме текста или просто приводит цитату, из заметок. Учащиеся работают в группах, обсуждая и реагируя на эти мнения или цитаты. Затем они пишут короткий отчет, который зачитывает представитель каждой группы. Группы реагируют на мнения друг друга.

Картинки

Вот как можно использовать иллюстрации к “Хожение за три моря” в качестве предваряющего чтение занятия. Учитель раздает картинки, связанные с данным текстом. В группах учащиеся вместе пытаются понять смысл картинок и догадаться, о чем будет текст. Представитель каждой группы по очереди излагает свои идеи.

Букварь

Чтобы подготовить учеников к теме и лексике для чтения, учитель может использовать упражнение «Букварь», используя иллюстрации. Учитель составляет список лексических терминов или понятий, относящихся к текущей теме или разделу. Учитель просит одного ученика из каждой группы выйти к доске. Ученик по секрету от учителя называет первое слово или понятие. Ученик рисует картинку, изображающую этот термин или понятие. Учитель дает группе учеников короткое время на отгадывание слова или понятия. Если их группа правильно определит слово или понятие за отведенное время, они получают очко.

Список слов по запискам Афанасия Никитина может включать: хождение, отплытие, препятствие, плыть, судно, мель.

Прогнозирование

Учитель может подготовить учащихся к прогнозированию того, о чем будет идти речь в тексте, используя различные элементы текста:

Учитель обращает внимание учащихся только на заголовок, подзаголовки, картинки и/или иллюстрации, сопровождающие текст. Они обсуждают в группах, чтобы предсказать тему. Группы сообщают о своих прогнозах.

Диаграмма ЗХВ (Знаю, Хочу узнать, Выучил)

Диаграмма ЗХВ - это отличная стратегия чтения, которая помогает учащимся ориентироваться в тексте. Цель - выявить предварительные знания учащихся по теме текста и определить цель читательской деятельности. Вот как следует действовать:

Учащиеся рисуют таблицу, вначале они пишут все, что им уже известно по теме, в колонке З (Знаю). Затем в колонке Х (Хочу узнать) учащиеся перечисляют вопросы о том, что они хотят узнать об этой теме. Во время или после чтения учащиеся отвечают на вопросы в этой колонке и записывают их в колонку В (Выучил) (Кричевская К.С., 2006, с. 13).

Облако слов

Это отличное задание для подготовки учащихся к теме текста и лексике, с которой им предстоит познакомиться. Учитель называет название текста, учащиеся работают в группах, чтобы сделать предположения о теме. Затем учитель дает облако разбросанных слов (релевантных и нерелевантных тексту), учитель пытается определить, какие из этих слов учащиеся найдут в тексте (можно использовать словарь).

Деятельность во время чтения

Занятия во время чтения - это упражнения, которые помогают учащимся сосредоточиться на особенностях текста и его понимании. Помимо того, что эти задания помогают учащимся лучше понять текст, их целью может быть: связать предыдущие знания учащихся с содержанием прочитанного; помочь

им приобрести новые знания; подготовить их к работе с аналогичным текстом в будущем.

Ниже приведем примеры нескольких видов деятельности во время чтения (Крючкова Л.С., 2009, с. 37).

Скимминг

Беглое чтение текста с целью проверки прогнозов - это вид деятельности во время чтения, который является продолжением некоторых видов деятельности перед чтением. Скимминг можно определить как быстрое чтение текста, чтобы получить общее представление об отрывке. Ученикам не обязательно читать все подряд. Скимминг включает в себя, помимо прочего: чтение заголовка, рубрик и подзаголовков; чтение введения или первого абзаца; чтение тематического предложения каждого абзаца; рассматривать картинки, диаграммы или графики; обращайте внимание на слова и фразы, выделенные курсивом или жирным шрифтом; чтение заключительного абзаца.

Например:

«В Индийской земле купцов поселяют на подворьях. Варят гостям хозяйки, и постель стелют хозяйки, и спят с гостями. (Если имеешь с ней тесную связь, давай два жителя, если не имеешь тесной связи, даешь один житель. Много тут жен по правилу временного брака, и тогда тесная связь даром); а любят белых людей.

Зимой у них простые люди ходят - фата на бедрах, другая на плечах, а третья на голове; а князья да бояре надевают тогда на себя порты, да сорочку, да кафтан, да фата на плечах, другой фатой себя опояшет, а третьей фатой голову обернет. (О боже, боже великий, господь истинный, бог великодушный, бог милосердный!)

И в том Джуннаре хан отобрал у меня жеребца, когда узнал, что я не бесерменин, а русин. И он сказал: "И жеребца верну, и тысячу золотых

впридачу дам, только перейди в веру нашу - в Мухаммеддини. А не перейдешь в веру нашу, в Мухаммеддини, и жеребца возьму, и тысячу золотых с твоей головы возьму". И срок назначил - четыре дня, на Спасов день, на Успенский пост.

Да господь бог сжалился на свой честной праздник, не оставил меня, грешного, милостью своей, не дал погибнуть в Джуннаре среди неверных. Накануне Спасова дня приехал казначей Мухаммед, хорасанец, и я бил ему челом, чтобы он за меня хлопотал. И он ездил в город к Асад-хану и просил обо мне, чтобы меня в их веру не обращали, да и жеребца моего взял у хана обратно. Таково господне чудо на Спасов день. А так, братья русские христиане, захочет кто идти в Индийскую землю - оставь веру свою на Руси, да, призвав Мухаммеда, иди в Гундустанскую землю».

Афанасий Никитин "Хождение за три моря"

Упражнение 1. Ответьте на вопросы.

1. Где размещают купцов на индийской земле?
2. Как одеваются люди в тех краях?
3. В чем была причина конфликта с Джуннар Ханом?

Сканирование

Сканирование - это чтение с целью найти конкретную информацию, например имя, дату или номер. Этот прием используется, когда человек заинтересован в быстром поиске конкретной информации. Как учитель, вы можете попросить своих учеников просканировать текст, чтобы найти ответы на определенный вопрос или вопросы. Поставив перед собой эти вопросы, ученики читают текст, пытаясь найти ответы только на них. Они могут игнорировать не относящуюся к делу информацию. Учащиеся могут использовать заголовки и любые другие подсказки, которые помогут им

определить, в какой части текста может содержаться нужная информация. Другими словами, им придется читать выборочно и пропускать не относящиеся к делу фрагменты текста.

Например:

«За молитву святых отцов наших, господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй меня, раба своего грешного Афанасия Никитина сына.

Записал я здесь про свое грешное хождение за три моря: первое море - Дербентское, дарья Хвалисская, второе море - Индийское, дарья Гундустанская, третье море - Черное, дарья Стамбульская.

Пошел я от Спаса святого златоверхого с его милостью, от государя своего великого князя Михаила Борисовича Тверского, от владыки Генндия Тверского и от Бориса Захарьича.

Поплыл я вниз Волгою. И пришел в монастырь калязинский к святой Троице живоначальной и святым мученикам Борису и Глебу. И у игумена Макария и святой братии получил благословение. Из Калязина плыл до Углича, и из Углича отпустили меня без препятствий. И, отплыв из Углича, приехал в Кострому и пришел к князю Александру с другой грамотой великого князя. И отпустили меня без препятствий. И в Плес приехал без препятствий».

Афанасий Никитин “Хождение за три моря”

Упражнение 2. Ответьте на вопросы.

1. Какие 3 моря были указаны?
2. По какой реке поплыл Афанасий Никитин?
3. В какой монастырь прибыл купец?

Вопросы для понимания

Большинство учебников содержат вопросы на понимание, на которые учащиеся должны ответить во время чтения. Эти вопросы проверяют как

умение писать, так и умение читать. Эти вопросы могут быть буквальными или инференциальными. На инференциальные вопросы отвечать сложнее. Ответом на прономинальные вопросы может быть одно слово, фраза или полное предложение. Если целью учителя является проверка понимания, можно допустить орфографические и грамматические ошибки (Кричевская К.С., 2006, с. 16).

Команды

Вместо вопросов учащиеся отвечают на такие команды, как: определите, обведите, подчеркните, опишите, объясните.

Например:

«И тут Индийская страна, и люди ходят нагие, а голова не покрыта, а груди голы, а волосы в одну косу заплетены, все ходят брюхаты, а дети рождаются каждый год, а детей у них много. И мужчины, и женщины все нагие да все черные. Куда я ни иду, за мной людей много - дивятся белому человеку. У тамошнего князя - фата на голове, а другая на бедрах, а у бояр тамошних - фата через плечо, а другая на бедрах, а княгини ходят - фата через плечо перекинута, другая фата на бедрах. А у слуг княжеских и боярских одна фата на бедрах обернута, да щит, да меч в руках, иные с дротиками, другие с кинжалами, а иные с саблями, а другие с луками и стрелами; да все наги, да босы, да крепки, а волосы не бреют. А женщины ходят - голова не покрыта, а груди голы, а мальчики и девочки нагие ходят до семи лет, срам не прикрыт.

Из Чаула пошли посуху, шли до Пали восемь дней, до Индийских гор. А от Пали шли десять дней до Умри, то город индийский. А от Умри семь дней пути до Джуннара». Афанасий Никитин «Хождение за три моря»

Упражнение 3.

1. Опишите Индию со слов Афанасия Никитина.
2. Объясните почему автор был удивлен стилю одежды.

Вопросы “да/нет”

Вопросы типа “да/нет” требуют коротких ответов. На эти типы вопросов легко ответить, и они не требуют высокого уровня владения письменной речью. Вероятность того, что учащиеся дадут правильный ответ, составляет 50%.

Например:

«И приехал я в Нижний Новгород к Михаилу Киселеву, наместнику, и к пошленнику Ивану Сараеву, и отпустили они меня без препятствий. А Василий Папин, однако, город уже проехал, и я в Нижнем Новгороде две недели ждал Хасан-бека, посла ширваншаха татарского. А ехал он с кречетами от великого князя Ивана, и кречетов у него было девяносто. Поплыл я с ними вниз по Волге. Казань прошли без препятствий, не видали никого, и Орду, и Услан, и Сарай, и Берекезан проплыли и вошли в Бузан. И тут встретили нас три татарина неверных да ложную весть нам передали: "Султан Касим подстерегает купцов на Бузане, а с ним три тысячи татар". Посол ширваншаха Хасан-бек дал им по кафтану-однорядке и по штуке полотна, чтобы провели нас мимо Астрахани. А они, неверные татары, по однорядке-то взяли, в Астрахань царю весть подали. А я с товарищами свое судно покинул, перешел на посольское судно».

Афанасий Никитин “Хождение за три моря”

“Хождение за три моря”

Упражнение 4. Ответьте на вопросы:

1. Афанасий приехал в Нижний Новгород?
2. Он ждал Хасан-бека три недели в Нижнем Новгороде?
3. У великого князя Ивана было девяносто кречетов?
4. В Бузане их встретили четыре татарина?
5. Афанасий Никитин покинул свое судно и перешел на польское?

Упражнения после чтения помогают учащимся обобщить полученные знания, глубже их понять и упорядочить свои мысли и идеи. Вот примеры таких заданий.

Что я узнал

Некоторые элементы вышеупомянутой таблицы KWL, а именно столбец L (Learned), должны быть заполнены после прочтения текста.

Обсуждение

Группы реагируют на содержание отрывка. Каждая группа докладывает другим группам краткое изложение своих выводов с последующим обсуждением во всем классе.

Подведение итогов

В качестве упражнения после чтения учителя могут попросить учеников написать резюме основных положений текста. Чамберс и Бригхем (Chambers and Brigham, 1989, цит. по Nation, 2009) сообщают об интересной стратегии, помогающей учащимся обобщать отрывок. Эта стратегия называется «резюме путем удаления». Она включает в себя следующие шаги:

- учащиеся читают отрывок и удаляют все предложения, которые просто развивают основные предложения;
- удаляют все ненужные предложения и фразы из основных предложений;
- удаляют все ненужные слова из оставшихся;
- заменяют оставшиеся слова своими собственными выражениями;
- пишут окончательный вариант резюме.
- пересказ рассказа
- пересказ истории поможет учащимся обсудить содержание отрывка. Для учителя это возможность интегрировать навык говорения в процесс чтения.

Обдумайте-Обсудите

Это отличное задание, помогающее учащимся обобщить полученные знания и обсудить их с другими сверстниками. Вот как следует действовать:

студенты записывают свои мысли по теме отрывка. Затем они обсуждают их с партнером и, наконец, они делятся своими мыслями со всем классом.

Этот вид деятельности также способствует взаимодействию и приводит к формированию различных точек зрения и понимания.

Рисование

Учитель предлагает учащимся перевести содержание текста в раскадровки, мультфильмы или рисунки. Например, они должны перевести наиболее важные идеи, факты или события в форму картинок, сопровождаемых пояснениями в виде подписей.

Поисковый квест

После прочтения текста учитель предлагает ученикам провести поисковый квест, чтобы узнать больше о теме текста.

Видео

Ученики могут использовать камеры на своих мобильных телефонах, чтобы снять видеоролик о тексте. Это может быть сделано в виде: ролевой игры, репортажа, интервью и т. д.

Презентации

Студентам может быть предложено подготовить презентацию по тексту. Они могут использовать интернет для поиска документов, связанных с темой. Эти документы могут быть в виде картинок, фильмов, песен, стихов и т.д.

Работа над лексикой

Чтобы добиться когнитивной глубины изученной лексики, необходимо поощрять учащихся к работе над вновь приобретенными лексическими единицами: учащиеся определяют вновь приобретенные слова в отрывке; они проверяют друг друга на части речи и значение этих слов.

Студенты выбирают 10 слов из текста, которые они должны использовать для составления 10 предложений или написания сочинения на заданную тему.

Проверка сверстников

Учащиеся работают в парах или группах. Они должны подготовить вопросы по только что прочитанному тексту. Члены каждой пары или каждой группы должны ответить на них.

Заключение

Для того чтобы урок РКИ по развитию навыков чтения прошел продуктивно, учитель должен провести его, следуя следующим этапам:

- предварительное чтение - подготовить учащихся к чтению, задать контекст, познакомить с неизвестной лексикой, вызвать интерес;
- во время чтения - это основная задача занятия по чтению, направленная на вопросы на понимание;
- после чтения - его целью является дальнейшее понимание текстов через критический анализ прочитанного или персонализация.

Использование путевых заметок Афанасия Никитина “Хождение за три моря” позволяют проводить продуктивные занятия по чтению, используя следующие виды деятельности: мозговой штурм, диаграмма знаю/хочу узнать/выучил и другие.

Литература

- 1- Алиева А. Э. (2015). Особенности использования информационных технологий на уроках чтения и письма // International scientific review. 2015. № 3. С.59-61.
- 2- Афанасий Никитин “Хождение за три моря” - http://lib.ru/HISTORY/RUSSIA/afanasij_nikitin.txt
- 3- Кричевская К.С. (2006). Прагматические материалы, знакомящие учеников с культурой и средой обитания жителей страны изучаемого языка. Иностранные языки в школе, 2006 №1 С. 13-17
- 4- Крючкова Л.С. (2009). Практическая методика обучения русскому как иностранному: учебное пособие М.: Флинта: Наука, 2009. 78 с.

- 5- Anderson R.C., Hiebert E.H., Scott J.A., Wikinson I.A.G. (1985). *Becoming a Nation of Readers: The report of the Comission on reading*, (BNR), 1985. 147p.
- 6- Breen M. P. (1985). Authenticity in the Classroom. *Applied Linguists*. 1985. No. 6/1. Pp. 60-70.

Bibliography

- 1- Alieva A. E. (2015). *Osobennosti ispol'zovaniia informatsionnykh tekhnologii na urokakh chteniia i pis'ma* // International scientific review. 2015. № 3. C.59-61.
2. Afanasii Nikitin "Khozhenie za tri moria" - http://lib.ru/HISTORY/RUSSIA/afanasij_nikitin.txt
- 2- Krichevskaja K.S. (2006). *Pragmaticskaia metodika obucheniia russkomu kak inostrannomu: uchebnoe posobie M.: Flinta: Nauka, 2009. 78 s.*
- 3- 4.Kriuchkova L.S. (2009). *Prakticheskaja metodika obucheniia russkomu kak inostrannomu: uchebnoe posobie M.: Flinta: Nauka, 2009. 78 s.*
- 4- Anderson R.C., Hiebert E.H., Scott J.A., Wikinson I.A.G. (1985). *Becoming a Nation of Readers: The report of the Comission on reading*, (BNR), 1985. 147p.
- 5- Breen M. P. (1985). *Authenticity in the Classroom*. *Applied Linguists*. 1985. No. 6/1. Pp. 60-70.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Krasikova Ekaterina Nikolaevna/Krasikov Aleksandr Urievich (2025). DEVELOPMENT OF READING SKILLS AT RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE CLASS USING AFANASY NIKITIN'S NOTES "VOYAGE BEYOND THREE SEAS". *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 13(2), 71-88.
DOI: 10.61186/IARLL.26.4
URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/367>

گسترش مهارت‌های خواندن در درس روسی به‌عنوان زبان خارجی با استفاده از یادداشت‌های آفاناسی نیکیتین «گذر از سه دریا»

یکاترینا نیکولایونا کراسیکووا^{۱*}

دانشیار، دکترای علوم تربیتی، مرکز آموزشی «دانش-قدرت»،
میخایلوفسک، روسیه.

الکساندر یوریویچ کراسیکوف^۲

مرکز آموزشی «دانش-قدرت»،
میخایلوفسک، روسیه.

(تاریخ دریافت: مارس ۲۰۲۵؛ تاریخ پذیرش: ژوئیه ۲۰۲۵)

چکیده

توسعه مهارت‌های خواندن یکی از ارکان اساسی یادگیری زبان است. در این مقاله، مفهوم «خواندن» بررسی شده است. تعاریف ناقص زیادی وجود دارد، اما نویسندگان تعریف جامع‌تری ارائه می‌دهند: «خواندن فرایند استخراج معنا از متون نوشتاری است. این مهارت پیچیده‌ای است که نیازمند هماهنگی منابع اطلاعاتی مرتبط با یکدیگر است.» برای دانشجویان روسی به‌عنوان زبان خارجی، خواندن هم وسیله‌ای و گاهی هدفی برای یادگیری زبان روسی است. یادداشت‌های سفر آفاناسی نیکیتین، که یادمانی از ادبیات کهن روسیه به شمار می‌رود، می‌تواند در درس‌های روسی برای زبان‌آموزان خارجی از سطح A2 به بعد مورد استفاده قرار گیرد. این اثر ادبی منحصر به فرد، با عنوان «سفر به سه دریا»، شامل یادداشت‌های جذاب درباره سفر او به هند در بازه سال‌های ۱۶۶۸ تا ۱۶۷۴ است. نویسندگان مقاله، روش و مراحل کار با متون را توضیح می‌دهند و تأکید می‌کنند که هر برنامه درس خواندن باید شامل سه مرحله باشد: مرحله آماده‌سازی برای خواندن، خود خواندن و پس از خواندن. بر اساس نظریه‌های سازنده‌گرایانه، ما دانش جدید را بر اساس دانش پیشین خود ایجاد می‌کنیم. توانایی تنها در رمزگشایی اطلاعات از متن کافی نیست. معلمان باید دانش‌آموزان را تشویق کنند تا از دانش خود درباره جهان و جهان‌بینی‌شان برای درک معنای متن استفاده کنند. این دانش که اغلب به عنوان «الگوها» شناخته می‌شود، شرط لازم برای فرایند ساخت معنا است. روش آموزش مهارت‌های خواندن بستگی به اهدافی دارد که معلم تعیین می‌کند و نحوه برنامه‌ریزی درس‌ها را مشخص می‌کند. برای این منظور، معلم باید اهداف درس درک مطلب را تعیین کند. معلمان باید دانش پیشین دانش‌آموزان درباره موضوع متن را فعال کنند و از فعالیت‌هایی مانند طوفان فکری، بحث گروهی، تصاویر، کتاب‌های آموزشی، پیش‌بینی محتوا و دیگر روش‌ها استفاده نمایند. فعالیت‌های حین خواندن، تمرین‌هایی هستند که به دانش‌آموزان کمک می‌کنند تا بر ویژگی‌های متن و درک آن تمرکز کنند. علاوه بر این، این تمرین‌ها به دانش‌آموزان کمک می‌کنند تا متن را بهتر بفهمند. نویسندگان مقاله تمرین‌هایی برای توسعه مهارت‌های خواندن بر اساس اثر آفاناسی نیکیتین طراحی کرده‌اند.

واژگان کلیدی: مهارت‌های خواندن، درس روسی به‌عنوان زبان خارجی، مراحل آموزش خواندن، آفاناسی نیکیتین.

1. E-mail: katenika1@rambler.ru; ekaterina.krasikovalf@gmail.com;

<https://orcid.org/0000-0003-4871-9965>

2. E-mail: datcentik@rambler.ru

* نویسنده مسئول
نوع مقاله: علمی- پژوهشی

STUDYING THE LANGUAGE OF “VOYAGE BEYOND THREE SEAS” BY AFANASY NIKITIN IN CLASSES IN THE DISCIPLINE “HISTORY OF THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE”

Nikiforova Olga Valentinovna^{1*}

Associate Professor, Department of Russian Language and Literature,
Arzamas Branch of UNN,
Arzamas, Russia.

(date of receiving: March, 2025; date of acceptance: June, 2025)

Abstracts

The article is devoted to the study of the language of “Voyage beyond Three Seas” by Afanasy Nikitin in classes at a university in the discipline “History of the Russian Literary Language”. One of the written monuments of the Moscow period is analyzed - “Voyage beyond Three Seas” by Afanasy Nikitin. It is shown that using examples from the text you can learn more about both Russian history, reflected in the monument, and about India. Linguistic innovation has been revealed: the work of Afanasy Nikitin does not correspond to the norms of the book-Slavic type of language and is based primarily on the colloquial speech of the Great Russian people. This is manifested in the predominance of words with East Slavic phonetic features over Church Slavonicisms, the use of colloquial syntactic constructions, and the reflection of changes in grammatical structure in the text. It is noted that, along with Old Russian colloquial and vernacular words, Afanasy Nikitin uses Turkic, Persian, and Arabic vocabulary acquired during the trip. It is characteristic that he resorts to foreign language vocabulary even when he expresses his innermost thoughts about the Russian land, about love for his homeland and condemns the injustice of Russian nobles. It is emphasized that the distinctive feature of the style of “Voyage beyond Three Seas” is its laconicism, accuracy and strict factuality. In addition, interactive forms, methods and technologies of teaching are considered, providing for joint creative activity of the teacher and students while studying the language of Afanasy Nikitin’s work “Voyage beyond Three Seas” in the classroom.

Keywords: Afanasy Nikitin, “Voyage Beyond Three Seas”, History of the Russian Literary Language, Travel Style, Spoken Language, Lexical and Grammatical Features, Active/Interactive Learning Methods.

1. E-mail: snegaovnik@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4463-9792> * Corresponding author

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА «ХОЖЕНИЯ ЗА ТРИ МОРЯ» АФАНАСИЯ НИКИТИНА НА ЗАНЯТИЯХ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ИСТОРИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА»

Никифорова Ольга Валентиновна^{1*}

Доцент, кафедра русского языка и литературы Арзамасского филиала ННГУ,
Арзамас, Россия.

(дата получения: март 2025 г.; дата принятия: июнь 2025 г.)

Аннотация

Статья посвящена изучению языка «Хожения за три моря» Афанасия Никитина на занятиях в вузе по дисциплине «История русского литературного языка». Анализируется один из памятников письменности Московского периода – «Хожение за три моря» Афанасия Никитина. Показано, что на примерах из текста можно узнать больше как о русской истории, отражённой в памятнике, так и об Индии. Выявлено языковое новаторство: произведение Афанасия Никитина не соответствует нормам книжно-славянского типа языка и опирается преимущественно на разговорную речь великорусской народности. Это проявляется в преобладании слов с восточнославянскими фонетическими чертами над церковнославянизмами, употреблении разговорных синтаксических конструкций, отражении в тексте изменений в грамматическом строе. Отмечено, что, наряду с древнерусскими разговорными и просторечными словами, Афанасий Никитин использует тюркскую, персидскую, арабскую лексику, усвоенную во время путешествия. Характерно, что к иноязычной лексике он прибегает и тогда, когда выражает сокровенные мысли о Русской земле, о любви к родине и осуждает несправедливость русских вельмож. Подчёркивается, что отличительной особенностью стиля «Хожения за три моря» является его лаконизм, точность и строгая фактичность. Кроме того, рассматриваются интерактивные формы, методы и технологии обучения, предусматривающие совместную творческую деятельность преподавателя и студентов во время изучения языка произведения «Хожения за три моря» Афанасия Никитина на занятиях.

Ключевые слова: Афанасий Никитин, «Хожение за три моря», история русского литературного языка, стиль путешествий, разговорный язык, лексические и грамматические особенности, методы активного обучения.

1. E-mail: snegaovnik@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4463-9792>

* Ответственный автор

Введение

Важность изучения дисциплины «История русского литературного языка» обусловлена целью курса – дать студентам целостное представление об истории возникновения, становления и развития русского литературного языка в тесной связи с историей русского народа, его культуры, литературы; сформировать представление о становлении и развитии функциональных стилей русского языка, начиная с X века до современности. В ходе изучения истории русского литературного языка у студентов-филологов должно быть выработано умение анализировать язык текстов, относящихся к различным историческим периодам, с учётом жанровой принадлежности и содержания этих текстов. (Никифорова 2024. 125–131). Если учесть, что в современной лингвистике активно развивается теория речевых жанров, то дисциплина «История русского литературного языка» открывает большие возможности для анализа жанрово-стилистической организации текста. Через весь курс истории русского литературного языка проходят сквозные линии, образуемые обращением к той или иной жанровой традиции на разных этапах языковой эволюции. Большой интерес для истории русского литературного языка представляет жанр «путешествие». В силу содержательного своеобразия жанр «путешествий» характеризуется широким охватом действительности, с чем связано и разнообразие применяемых языковых средств. На протяжении разных периодов истории русского литературного языка в текстах «путешествий» отражалось взаимодействие исконно русских языковых средств с церковнославянизмами и лексикой, заимствованной из других языков. (Колесникова, Самойлова 2020. 182)

Анализируя язык памятников литературного языка Московского периода, обращаем внимание на то, что содержание понятия «литературный язык» для этого периода отличается от предыдущего. В XIV– XV вв. на смену литературному языку Киевского периода, основой которого был

древнерусский язык восточных славян, приходят литературные языки трёх новых самостоятельных народностей: великорусской, украинской и белорусской. Центром формирующейся русской народности и единого Русского государства постепенно становится город Суздальской Руси – Москва. Литературный язык Московского государства развивался неравномерно. Эволюция его может быть разделена на два периода: первый – с XIV до начала XVI в.; второй – с XVI до начала XVII в. В основе такого деления лежит характер взаимодействия типов литературного языка между собой и с разговорной речью. В первый период между книжно-славянским и народно-литературным типами языка и разговорной речью в силу лингвистических и экстралингвистических причин образуется значительный разрыв, что особенно ярко находит отражение в стиле «плетение словес». В XVI – начале XVII вв. идёт процесс сближения и взаимопроникновения книжно-славянского и народно-литературного типов языка. Книжно-славянский тип языка расширяет сферу своего употребления: он функционирует не только в церковно-религиозной литературе, но и в публицистических текстах, исторических повестях. В это же время развивается структура делового языка: он употребляется не только в собственно «деловой письменности», но и в произведениях, предназначенных для «широкого» чтения, в частности в «Домострое».

При изучении письменного наследия Московской Руси необходимо обратить особое внимание на «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, которое, продолжая традицию «хождений», «путешествий», преодолевает ограничения, свойственные этому жанру в эпоху Киевской Руси, поскольку предметом описания в произведении является не паломничество к христианским святыням, а поездка с торговой целью в нехристианскую страну. Содержательное новаторство тесно связано с новаторством языковым: произведение Афанасия Никитина не соответствует нормам книжно-

славянского типа языка и опирается преимущественно на разговорную речь великорусской народности. Кроме того, наряду с древнерусскими разговорными и просторечными словами, в тексте используется тюркская, персидская, арабская лексика, усвоенная Афанасием Никитиным во время путешествия.

Основная часть

Лекция на тему «Литературный язык великорусской (русской) народности (XIV – начало XVII в.)» предполагает рассказ об образовании и росте централизованного русского государства и формировании языка великорусской народности (XIV – начало XVII в.). Далее даётся общая характеристика литературного языка Московского государства, подчёркивается роль книгопечатания. Анализируя зарождение демократических тенденций в литературном языке XVII в., преподаватель называет новые демократические стили литературного языка: нравоучительно-бытовой («Домострой»), стиль путешествий («Хождение за три моря» Афанасия Никитина). Анализ языка памятников письменности Московского периода («Житие Стефана Пермского» Епифания Премудрого; «Хождение за три моря Афанасия Никитина»; «Домострой») осуществляется на практическом занятии.

На лекционном занятии целесообразно отметить, что «Хождение за три моря» дошло до наших дней в двух изводах конца XV в.: в составе летописей Львовской и Софийской II 1475 г., основанных на своде 1518 г., отразившем летописный свод конца XV в., и в Троицком (Ермолинском) сборнике конца XV в. Если имя автора обнаруживается во Львовской летописи: «...окаянный аз, рабище Афонасей», то отчество путешественника – «сын Никитин» – сохранено в Троицком списке, обнаруженном Н.М. Карамзиным. Интерес представляют слова: *«...а имя ми Офонасий, а бессерменьское имя хоза Исуфъ*

Хоросани», отразившие обычай европейцев, живших на Востоке, пользоваться восточными именами, созвучными христианским. Согласно Львовской летописи под 1475 г., Афанасий Никитин хотел совершить путешествие, присоединившись к каравану московского посла Василия Папина, направлявшегося в Ширван. Время путешествия Афанасия Никитина вызывает у учёных различные оценки. И.И. Срезневский, Н.В. Водовозов, Н.И. Прокофьев указывали в качестве дат начала и окончания путешествия 1466 и 1472 гг. Л.С. Семенов и Я.С. Лурье датировали путешествие 1471–1475 гг. Летописец сообщает о том, что автор «Хожения» умер близ Смоленска, не дойдя до родного города, а его собственноручные записки оказались в руках дьяка Посольского приказа, от которого и были получены. Другие сведения биографического характера извлекаются только из самого текста «Хожения».

Жанр хождений – описаний средневековых путешествий – начал своё развитие с хождений паломнических. Самым ранним образцом произведений древнерусской очерковой литературы было описание путешествия к святым местам, совершённого в начале XII в. игуменом одного из черниговских монастырей Даниилом. В первые века существования древнерусской книжности основной разновидностью этого жанра были именно паломнические хождения. Например, Хождение игумена Даниила, Хождение Антония Новгородского в Царьград, Хождение священноинока Варсанофия ко святому граду Иерусалиму не содержат информации ни об иноземных красотах, ни о рынках и товарах, но о церквях и монастырях рассказывают со всеми подробностями. Поэтому ранние хождения нельзя назвать книгами о путешествиях, это повествования о паломничествах. В дальнейшем появились рассказы о путешествиях, осуществлявшихся купцами (гостями), дипломатами и первопроходцами, открывавшими для московских государей пространства Сибири и Дальнего Востока. Цель и маршрут путешествия отражались на общей тональности и содержании произведений. Поскольку в Средние века

определяющей была не национальная, а конфессиональная принадлежность человека, настроение авторов менялось в зависимости от соответствия увиденного их религиозным убеждениям. Так, тверской купец Афанасий Никитин попал в земли, населённые мусульманами и индустами. Для древнерусского путешественника, оказавшегося в одиночестве в иноконфессиональной среде, это обстоятельство стало серьёзным испытанием.

Путешествия в Средние века требовали от человека немало мужества и решительности. Ограниченность географических познаний, разнообразие опасностей, подстерегавших в пути, отсутствие развитых путей сообщения, слабая информированность о событиях, происходящих даже в не очень отдалённых землях, превращали средневековые странствия в своего рода подвиг. Для торговой экспедиции на Восток Афанасием Никитиным был избран водный путь, как наиболее удобный и быстрый способ, продиктованный географическим положением исходного пункта путешествия. Тверской купец оказался в Индии до появления там представителей западноевропейских государств. Морской путь в Индию был открыт португальцем Васко да Гама на несколько десятилетий позже, чем достиг индийских берегов русский торговый гость, в 1498–1502 гг., о чём написал Н.М. Карамзин в VI томе «Истории государства Российского», в главе VII: «Доселе географы не знали, что честь одного из древнейших, описанных европейских путешествий в Индию принадлежит России Иоаннова века. Может быть, Иоанн и не ведал о сем любопытном странствии: по крайней мере, оно доказывает, что Россия в XV в. имела своих Тавернье и Шарденей, менее просвещённых, но равно смелых и предприимчивых; что индейцы слышали об ней прежде, нежели о Португалии. Голландии, Англии. В то время как Васко да Гама единственно мыслил о возможности найти путь от Африки к Индостану, наш Тверитянин уже купечествовал на берегу Малабара и беседовал с жителями о догматах их веры». (Карамзин 2024. 324). Афанасий

Никитин сам объясняет название произведения – «Хождение за три моря»: *«Се написах свое грешное «Хождение за три моря», 1-е море Дербеньское (Каспийское), дория Хвалитьскаа; 2-е Индейское (Индийский океан), дория Гундустанская; 3-е море Черное, дория Стембольская»*. (Афанасий Никитин 1986. 5). Движимый стремлением увидеть малоизвестную страну Индию и, конечно, удовлетворить свой торговый интерес (*«посмотреть товаров на русскую землю»*), Афанасий отправляется в плавание из Твери вниз по Волге.

Учитывая важность использования интерактивных форм, методов и технологий обучения при изучении дисциплины «История русского литературного языка», студентам можно предложить задание, предусматривающее вовлечение их в процесс познания субъектов образовательного процесса. (Никифорова 2024. 125–131).

Задание 1. «Хождение за три моря» Афанасия Никитина можно назвать первым русским тревел-блогом, в котором дальние страны и захватывающие путешествия описаны увлекательно и познавательно. Представьте, что вы – Афанасий Никитин. Основываясь на тексте памятника, запишите видеоролик о путешествии тверского купца.

Предполагается, что студенты пройдут путь Афанасия Никитина, представленный в тексте памятника. Афанасий Никитин намеревался доплыть вниз по Волге до Дербента. Первая остановка – в Калязине, посещение недавно основанного Троицкого монастыря, молитва в церкви Бориса и Глеба. Далее – Углич, затем – Кострома, Плес, Нижний Новгород, Казань, Орда, Услан, Сарай, Берекезан, Дербент, Баку, Чапакур, Ормуза. Дальнейший путь русского странника пролегал на корабле через Индийский океан к западному побережью полуострова Индостан. Афанасий Никитин достиг цели своего путешествия – Индийской страны, которая манила своими сказочными сокровищами. Несмотря на то что практическая цель, толкнувшая Афанасия на рискованное путешествие, не была достигнута, результатом странствий

этого на рискованное путешествие, не была достигнута, результатом его странствий стало первое реальное описание далёкой страны, волновавшей воображение человека Древней Руси. Ср. легенды и литературные произведения о сказочно богатой Индии, в частности «Александрия», «Сказание об Индии богатой».

Русский человек XV века своими глазами увидел экзотические земли и талантливо рассказал о них соотечественникам. Известно, что в языке получает выражение содержание жизни человека, представления об окружающем мире, о предметах, категориях и связях действительности, то есть национальное языковое сознание. Учитывая, что выдающийся памятник древнерусской письменности «Хождение за три моря тверского купца Афанасия Никитина» представляет интерес с точки зрения описания русского языкового сознания, студентам можно предложить задание.

Задание 2. Русский путешественник едет в «неведомую Индейскую страну» с важной для государства миссией – «посмотреть товаров на Русскую землю». По словам самого Афанасия Никитина, «Азъ же от многия беды поидох до Индия, занже мне на Русь пойти не с чем, не осталось у меня товару ничего». Положение русского человека, попавшего на Восток, его мысли и чувства помогают описать русскую языковую картину мира, особенно через такие понятия, как своё – чужое, судьба, тоска, родина. (Торпакова Е.А., Королева Т.В. 2016). Основываясь на тексте «Хождения», представьте Афанасия Никитина как незаурядную личность русского человека, прокладывающего путь в неведомые страны ради «пользы Русския земли» и знакомства с Индией.

Ю.Н. Караулов выработал план описания языковой личности. Вначале предлагается охарактеризовать «семантико-строевой уровень организации данной языковой личности», то есть обрисовать портрет этого человека как «представителя конкретного языкового строя». Далее – синтезировать

языковую модель мира этого человека, на основе произведённых им текстов составить его тезаурус. В заключении – выявить жизненные установки, мотивы деятельности, скрытые и явные цели, которые находят отражение в процессе создания своих и восприятия чужих текстов. (Караулов 2010).

Афанасий Никитин как индивид, интериоризировавший определённую партитуру национального языка, на котором написано его произведение, представляет собой языковую личность. В Индии Афанасий Никитин ощущал себя прежде всего *«гарипом»* – иноземцем («гариб» – араб. ‘чужеземец’), *«белым человеком»*, противостоящим всем «чёрным жителям» и особенно «бесерменам» (мусульманским завоевателям), которых он воспринимал как хозяев страны. Оказавшись в Индийской стране, Афанасий поразился внешнему облику её жителей: *«и люди ходят все наги, а голова не покрыта, а груди голы, а власы в одну косу не заплетены, а все ходят брюхаты, а дети родятся на всякий год, а детей у них много. А мужики и жонки все наги, а все черны»*; облику местного князя и его окружения: *«а князь их фота на голове (по всей видимости, чалма), а другая на гузне (т.е. на бедрах); а бояре у них – фота на плече, а другаа на гузне, княгини ходят – фота на плече обогнута, а другаа на гузне»*; видом простоволосых женщин: *«а женки ходят голова не покрыта, а сосцы голы»*; видом мальчиков и девочек: *«сором не покрыт»*; социальному неравенству и религиозной розни: *«сельския люди голы велми, а бояре силны добре и пыины велми; все их носить на кроватех своих на серебряных, да пред ними водят кони в снастех золотых»*. Афанасия особенно поразил вид «простоволосых» замужних женщин, ведь для русской женщины распустить волосы было величайшим позором.

Купец Афанасий Никитин не паломник, ему интересно в первую очередь земное: *«Зима у них началась с Троицына дня. Зимовал я в Джуннаре, жил тут два месяца. Каждый день и ночь – целых четыре месяца – всюду вода да грязь. В эти дни пашут у них и сеют пшеницу, да рис, да горох, да все*

съестное. Вино у них делают из больших орехов, кози гундунстанские называются, а брагу – из татны. Коней тут кормят горохом, да варят кхичри с сахаром да с маслом, да кормят ими коней, а с утра дают шешни. В Индийской земле кони не водятся, в их земле рождаются быки да буйволы – на них ездят и товар и иное возят, все делают». Произвели впечатление на русского путешественника и боевые слоны: «А бой их все слоны»; и особенности климата Индии: «А в Гурмызе есть сонце варно, человека сожжет. В Гундустани же силнаго вару нет. Силен варъ в Гумызе да в Кятобагряни. А в Хоросанской земле варно, да не таково. А в Гиляи душно велми да парище лих, да в Шамахее пар лих». Согласно В.И. Далю, «Варъ – солнечный зной, жара, палящий зной. Варный – стар. знойный, палящий; солнечный зной, жара, палящий зной». (Даль 2002. 223) Что едят и как одеваются, какие праздники празднуют и сколько тратят на пропитание, как молятся и чего боятся жители неведомых стран – всё подмечает Афанасий Никитин и скрупулезно записывает в «Хождении»: «Зимой у них простые люди ходят – фата на бедрах, другая на плечах, а третья на голове; а князья да бояре надевают тогда на себя порты, да сорочку, да кафтан, да фата на плечах, другой фатой себя опояшет, а третьей фатой голову обернет».

Афанасий, сообщив местным жителям, какой он веры, назвал своё христианское имя, расспрашивал их о вере и пришёл к выводу: «А вер в Индеи всех 80 и 4 веры». Возможно, автор имеет в виду различные касты, на которые разделялось население этих мест, исповедовавшее индуизм. Афанасий Никитин отмечает, что люди разных вер друг с другом не пьют, не едят и не женятся. По наблюдениям путешественника, никто из местных жителей не ест «воловины», хотя в рацион входят баранина, куры, яйца и рыба. Для Афанасия вся Индия, независимо от вероисповедания её различных групп, была «нечистым местом», территорией, не «связанной с Божьей властью»,

наполненной «иноземцами»: *«В Индейской замли княжат все хоросанцы, и бояре все хоросанцы, а гундустанци все пешеходы, ходят борзо, а все наги да босы»* («хоросанцы» – мусульмане не индейского происхождения, «иноземцы», составляющие в то время группировку правящей верхушки). К середине книги христианские молитвы начинают звучать на мусульманский манер, а завершает книгу мусульманская молитва, хотя автор неоднократно заверяет читателей, что веры басурманской не принял. Противопоставление *Христос – Махмет* традиционно для произведения Афанасия Никитина: *«...а молятся каменным болванам, а Христа не знают, ни Махмета не знают; въскресения Христова не ведают. Махмет дени розсулял»*. Исследователи «Хожения» спорят, сохранил ли Афанасий Никитин православную веру в чужой земле, почему последняя молитва в его книге, такая страстная и пространная, звучит с чужого голоса. Никакими угрозами невозможно заставить его «креститься в Махмет дени», ведь это для него равносильно измене родине. Находясь в чуждых условиях, Афанасий Никитин свято хранит образ Родины – Русской земли. Хотя на Руси много непорядков, хотя вельможи Русской земли несправедливы, ему дорога Отчизна: *«Русская земля, да будет богом хранима!.. Да станет Русская земля благоустроенной и да будет в ней справедливость! А Русь... Боже, храни ее!.. Но почему князья Русской земли не живут друг с другом как братья? Пусть стройся Русская земля, в то мало в ней справедливости, боже!»*. Кроме того, в Индии Афанасий молился по-русски: «непонятно окружающим», вернувшись же в Россию, он начинает писать на восточных языках: *«Милостию божию преидох же три моря. Дигерь худо доно, олло перво дигерь дано. Аминь! Милна рахмали рагим»*. Примечательно то, что в начале записей Афанасий произносит: *«За молитву святых отец наших, господи Исусе Христе, сне божий, помилуй мя, раба своего»*, а заканчивает словами арабской молитвы: *«Во имя господи милостивого... Исус дух божий, мир тебе. Бог велик»* со

словом «бог» на четырёх языках: арабском, персидском, русском и тюркском. По мнению Я.С. Лурье, здесь выражается «своеобразный синкретизм Афанасия Никитина, признавшего «правой верой» любой монотеизм, лишь бы он сочетался с духовной силой». (Лурье 1986. 83)

Практическое занятие в курсе «Истории русского литературного языка» посвящено анализу языка «Хождения за три моря». Студенты, составляя таблицу «Языковые особенности произведения Афанасия Никитина», делают вывод, что текст характеризуется преобладанием слов с восточнославянскими фонетическими чертами над церковнославянскими: *«И яз грешный привезлъ жеребца в Бндійскую землю, и дошелъ есми до Чюнеря богъ далъ поздорову все»; «Ядят же в день двожды, а ночи не ядят, а вина не пють, ни сыты. А один с одним ни пьет, ни ѣ сть, ни з женою. А ѣ дят брынец, да кичири с маслом, да травы розные ядят. Ежедень и ноцъ 4 мѣсяцы всюду вода да грязь»; «А жоны их с мужи своими спят в день, а ночи жены их ходят спати к гарипом; ...смотри есми на Великую ноцъ на Великий день Волосына да Кола».* Студенты отмечают:

- слова с полногласными сочетаниями: *«жеребца», «поздорову»;*
- начальное я в соответствии с церковнославянским начальным а: *«яз»;*
- начальное о в соответствии с церковнославянским начальным е: *«один»;*
- начальное ро в соответствии с церковнославянским начальным ра: *«розные»;*
- ч в соответствии с церковнославянским щ: *«ночи».*

Церковнославянизмы отмечены в тех частях текста, где Афанасий Никитин кается в том, что на чужбине он не имеет возможности исполнять христианские обряды: *«Аз же рабище божий Афонасий сжалихся по вере кристьянской. Уже проидоша 4 великая говейна и 4 проидоша Великыя дни, аз же грешный не ведаю, что есть Велик день».* Характерно, в частности, использование в данном религиозно-покаянном контексте

церковнославянского местоимения «аз». Ср. рассуждения Афанасия о противопоставлении *православный – неверный*: «...и т остави веру свою на Руси, да воскликнув Махмета да поити в Гундустаньскую землю. А в томъ Чюнере ханъ у меня взял жерепца, а увидал, что азъ не бесерменинь, русинь».

Текст «Хожения за три моря» отражает тенденцию к возрастанию количества заимствований из тюркских языков, в частности лексики восточного происхождения, свойственную русскому языку эпохи Московской Руси. В речи Афанасия отмечается большое количество восточных слов: *качма* (татар.), *батманъ* (перс.), *краскуния* (перс.), *фота* (турец.), *кафары* (араб.), *колкоковов* (инд.), *кентарь* (араб.), *бут* (перс.) и др. Значительное место, которое занимают в тексте «Хожения» слова и выражения, заимствованные из индийских, арабских, персидских и тюркских языков (по подсчетам учёных, арабских слов в записках Афанасия Никитина около 280), связано не только с естественной потребностью сообщать о реалиях и явлениях, которые невозможно обозначить на родном языке, поскольку на Руси не было тех предметов, которые встречал путешественник в восточных странах: «*гарип*» – иностранец, «*булгак*» – мятеж. Иноязычная лексика применяется и с другими целями. (Прокофьев 1980. 115). Средства восточных языков используются с целью придания изображаемому местного колорита, воспроизведения атмосферы чужой земли. Это особенно видно в тех случаях, когда даётся пояснение иноязычным словам: «*Поехали мимо Хазтарахан, а месяц светит, и царь нас видел и татарове нам кликали: «Качма, не бегайте»*». Афанасий Никитин даёт точный перевод: «*качма*» – не бегайте. Кроме того, использование тюркской лексики можно объяснить желанием автора скрыть от чужого глаза свои сокровенные мысли. Так, в одной из молитв содержится, помимо выражения любви к родине, упрёк в адрес сильных мира сего: «*А Русь тангрыд сакласын; олло сакла, худо сакла! Бу даниада муну кибить ерь*

ектуръ; нечикъ Урус ери бегляри акой тугиль; Урус ерь абодан болсынъ; растъ кам даретъ. Олло, худо, бог, данъиры». Эти молитвенные обращения переводятся следующим образом: «*А Русь Бог да сохраним! Боже сохрани ее! Господи храни ее! На этом свете нет страны, подобной ей, хотя эмиры Русской земли несправедливы. Да устроится Русская земля и да будет в ней справедливость! Боже, боже, боже, боже!* (обращение к богу на четырех языках)». Крамольные мысли о русских правителях могли принести создателю «Хожения» большие неприятности. Интересно, что при переписываниях текста эти суждения Афанасия сохранились. Вероятно, русские писцы не понимали, что переписывают. В противном случае такие смелые суждения средневекового писателя подверглись бы редакторской правке.

Задание 3. Проанализируйте отрывки из «Хожения за три моря Афанасия Никитина», обращая внимание на черты языка, сближающие его с разговорным языком. Выделите эти черты в лексике, фразеологии, грамматике (разговорные синтаксические конструкции, преобладание простого перфекта, изменения форм существительных, творительного, предложного падежей и др.). Сделайте вывод о роли демократических тенденций в народно-литературном типе языка.

И тут есть индейская страна, и люди ходять нагы все, а голова не покрыта, а груди голы, а волосы в одну косу плетены, а все ходят брюхаты, дети родять на всякий год, а детей у них много, а мужы и жены все черны; яз хожу куды, ино за мною людей много, дивятся белому человеку. А князь их – фата (покрывало) на голове, а друга на бедрах; а бояре у них ходять – фата на плече, а друга на бедрах; а княгыни хоятъ – фата на плечем обогнута, а друга на бедрах.

Задание 4. Проанализируйте текст из «Хожения за три моря» Афанасия Никитина и выделите разговорно-бытовую лексику, представив ее в виде лексико-тематических групп.

«Индее же вола зовут отцем, а корову материю»; «...а на которой хорошине сидеть, то тут человекъ умереть, ...а мамонъ живутъ в горе»; «А кто у них умерет, ини тех жгут..., а у жены дитя ся родит».

Задание 5. Проанализируйте язык текста «Хождения за три моря» Афанасия Никитина по следующему плану: а) исконно русские фонетические, лексические, грамматические элементы; б) языковые черты устного народного творчества; в) особенности, типичные для «делового языка»; г) книжные и архаические черты. Мотивируйте их употребление и значение в лингвистической организации текста.

И язъ грешный...приидох...къ святымъ мученикомъ Борису и Глебу. И господь богъ смилосая, не остави от меня милости своя грешнаго. ...яко никоея же добродетели в нужи тый не сътворихъ тебе, господи боже мой, яко дни своя преплыхъ во зле все, Божию благодатию зло ся не учинило. А все черныя, а все злодеи. И тут наехали насъ три татарины поганыи, и сказало намъ лживыя вести. А все черныя, да ложь. О благоверни християне! ...да руку правую подыаъ высоко до простеръ ее; а в левой руке у него копие. ...а едятъ все рукою правою, а левою не примется ни за что. Горе мне окаянному, яко отъ пути истиннаго заблудихся и пути не знаю уже. Господи! Не отвори лица отъ рабища твоего, яко в скорби есмь. А все черныя люди, а все злодеи, а жонки все веде, да тати, да ложь. О благоверни русстии кристьяне! Иже кто по многимъ землямъ много плаваетъ во многия беды впадаютъ и веры ся да лишаютъ кристьянскыя. Азъ же рабище божий Афонасий сжалихся по вере кристьянскыя. Ино, братие русстии християне, кто хочетъ поити въ Индейскую землю, и ты остави веру на Руси. А дворъ же его чуденъ вели, все на вырезе да на золоте, и последний камень вырезанъ да златомъ описанъ вели чудно. Къ бухану же съезжается вся стана Индейская на чудо бутново – птица «гу-кукъ». А с одну страну его женъгель злый, а с другую страну прииошъ долъ и чудна места вели, угодна все. А ходятъ на гору день по одному человеку: дорога тесна, а двема поити нелзя.

Заключение

Таким образом, изучение «Хожения за три моря Афанасия Никитина» позволяет не только реконструировать языковую личность Древней Руси, но и понять, чем отличаются национальные культуры, как они дополняют друг друга на уровне мировой культуры. Анализ текста «Хожения» в курсе «Истории русского литературного языка» показывает, что произведение Афанасия Никитина характеризуется преобладанием слов с восточнославянскими чертами над церковнославянизмами, что отражает основные особенности, которые произошли в русском литературном языке Московского государства XIV – начала XVII в.в. Кроме того, на примере анализируемого произведения можно говорить о формировании новых демократических стилей литературного языка периода русской народности. «Хожение за три моря Афанасия Никитина» – один из памятников «литературы путешествий», дающий ценный материал для осмысления языковой ситуации изучаемой эпохи.

Литература

- 1- Даль В.И. (2002). *Толковый словарь живого великорусского языка*: в 4-х т. Т. 1. М.: Рипол Классик.
- 2- Карамзин Н. М. (2024). *История государства Российского в 12 т.* Тома VII–VIII. М.: Издательство Юрайт. 325 с.
- 3- Караулов Ю.Н. (2010). *Русский язык и языковая личность*. М.: Издательство ЛКИ. 264 с.
- 4- Колесникова А.И., Самойлова Г.С. (2020). *Изучение истории русского языка в тюркоязычной аудитории (На материале «Хожения за три моря» Афанасия Никитина)* // Образование на русском языке: проблемы, поиски, перспективы Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции Нижний Новгород, 15–24 декабря 2020 года. Отв. редактор Е.М. Дзюба. Нижний Новгород: Издательство: ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина» (Нижний Новгород). С.181–184.

- 5- Лурье А.С. (1986). *Русский «чужеземец» в Индии XV века* // Хожение за три моря Афанасия Никитина. Л.: Наука. С.61–87.
- 6- Никифорова О.В. (2024). *Новые технологии в преподавании дисциплины «История русского литературного языка»* // Актуальные проблемы славянской филологии, культуры и журналистики. Коллективная монография памяти профессора Н.Д. Русинова. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. С.125–131.
- 7- Прокофьев Н.И. (1980). «Хожение за три моря» Афанасия Никитина // Русская речь. № 1. С. 110–116.
- 8- Торпакова Е.А., Королева Т.В. (2016). *Оппозиция «свое» – «чужое» в «Хожении за три моря Афанасия Никитина»* // Международный журнал социальных и гуманитарных наук. Т. 5. №1. С. 180–184.
- 9- *Хожение за три моря Афанасия Никитина* (1986). Л.: Наука. 231 с.

Bibliography

- 1- Dal' V.I. (2002). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka: v 4-kh t.* Т. 1. М.: Ripol Klassik.
- 2- Karamzin N. M. (2024). *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo v 12 t.* Toma VII–VIII. М.: Izdatel'stvo Iurait. 325 s.
- 3- Karaulov Iu.N. (2010). *Russkii iazyk i iazykovaia lichnost'.* М.: Izdatel'stvo LKI. 264 s.
- 4- Kolesnikova A.I., Samoilova G.S. (2020). *Izuchenie istorii russkogo iazyka v tiurkoiazychnoi auditorii (Na materiale «Khozheniia za tri moria» Afanasiia Nikitina)* // Obrazovanie na russkom iazyke: problemy, poiski, perspektivy Sbornik statei po materialam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii Nizhnii Novgorod, 15–24 dekabria 2020 goda. Otv. redaktor E.M. Dziuba. Nizhnii Novgorod: Izdatel'stvo: FGBOU VO «Nizhegorodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni Koz'my Minina» (Nizhnii Novgorod). S.181–184.
- 5- Lur'e A.S. (1986). *Russkii «chuzhezemets» v Indii XV veka* // Khozhenie za tri moria Afanasiia Nikitina. L.: Nauka. S.61–87.
- 6- Nikiforova O.V. (2024). *Novye tekhnologii v prepodavanii distsipliny «Istoriia russkogo literaturnogo iazyka»* // Aktual'nye problemy slavianskoi filologii, kul'tury i zhurnalistiki. Kollektivnaia monografiia pamiati professora N.D. Rusinova. Nizhnii Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta im. N.I. Lobachevskogo. S.125–131.
- 7- Prokof'ev N.I. (1980). «Khozhenie za tri moria» Afanasiia Nikitina // Russkaia rech'. № 1. S. 110–116.

- 8- Torpakova E.A., Koroleva T.V. (2016). *Oppozitsiia «svoe» – «chuzhoe» v «Khozhenii za tri moria Afanasiia Nikitina»* // *Mezhdunarodnyi zhurnal sotsial'nykh i gumanitarnykh nauk*. T. 5. №1. S. 180–184.
- 9- *Khozhenie za tri moria Afanasiia Nikitina* (1986). L.: Nauka. 231 s.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Nikiforova Olga Valentinovna (2025). STUDYING THE LANGUAGE OF “VOYAGE BEYOND THREE SEAS” BY AFANASY NIKITIN IN CLASSES IN THE DISCIPLINE “HISTORY OF THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE”. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 13(2), 89-108.

DOI: 10.61186/IARLL.26.5

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/366>

بررسی زبان اثر «گذر از سه دریا» آفاناسی نیکیتین در چارچوب درس «تاریخ زبان ادبی روسی»

اولگا والتینونا نیکیفوروا^{*۱}

دانشیار، گروه زبان و ادبیات روسی، شعبه آزاماس دانشگاه دولتی نیژنی نووگورود،
آزاماس، روسیه.

(تاریخ دریافت: مارس ۲۰۲۵؛ تاریخ پذیرش: ژوئن ۲۰۲۵)

چکیده

این مقاله به مطالعه زبان اثر «گذر از سه دریا» آفاناسی نیکیتین در قالب درس دانشگاهی «تاریخ زبان ادبی روسی» اختصاص دارد. در این پژوهش یکی از یادمان‌های مکتوب دوره مسکو- «گذر از سه دریا»- تحلیل شده است. نویسنده نشان می‌دهد که با استفاده از نمونه‌های موجود در متن می‌توان هم با تاریخ روسیه بازتاب‌یافته در این اثر و هم با سرزمین هند بیشتر آشنا شد. نوآوری زبانی این اثر در آن است که نوشته آفاناسی نیکیتین با هنجارهای زبان کتابی-سلاوی همخوانی ندارد و بیشتر بر گفتار محاوره‌ای قومیت روس بزرگ تکیه می‌کند. این ویژگی در غلبه واژگان دارای خصیصه‌های آوایی اسلاوی شرقی بر کلیسلاویسم‌ها، کاربرد ساختارهای نحوی گفتاری و انعکاس دگرگونی‌های نحوی و دستوری در متن نمود می‌یابد. همچنین در کنار واژگان عامیانه و محاوره‌ای روسی کهن، آفاناسی نیکیتین از واژگان ترکی، فارسی و عربی که در سفر خود فراگرفته، بهره برده است. جالب توجه آن‌که او در بیان اندیشه‌های عمیق درباره سرزمین روسیه، عشق به وطن و نکوهش بی‌عدالتی اشراف روسی نیز به واژگان بیگانه روی می‌آورد. از ویژگی‌های شاخص سبک «گذر از سه دریا» ایجاز، دقت و واقع‌گرایی سخت‌گیرانه آن است. افزون بر این، در مقاله به روش‌ها، فناوری‌ها و اشکال تعاملی آموزش پرداخته می‌شود که مشارکت خلاقانه استاد و دانشجویان را در فرآیند بررسی زبان این اثر امکان‌پذیر می‌سازد.

واژگان کلیدی: آفاناسی نیکیتین، «گذر از سه دریا»، تاریخ زبان ادبی روسی، سبک سفرنامه‌نویسی، زبان گفتاری، ویژگی‌های واژگانی و دستوری، روش‌های یادگیری فعال.

1. E-mail: snegaovnik@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4463-9792>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی- پژوهشی

TULIP COLOUR IN THE COLOUR CONCEPTOSPHERE OF THE FLORAL SPACE OF THE RUSSIAN LANGUAGE: RED OR BLACK?

Sivova Tatyana Viktorovna^{1*}

Associate Professor, Yanka Kupala State University of Grodno,
Grodno, Belarus.

(date of receiving: March 1, 2025; date of acceptance: June, 2025)

Abstract

The article presents the results of a polydiscursive research (the material is lexicographic sources, data of associative experiment, K. Paustovsky's prose, data of the Russian National Corpus, advertising texts), devoted to the reconstruction of the segment of the colour conceptsphere of the floral space of the Russian language on the material of tulip colour descriptions. The composition of colour terms significant in plant visualization was established (32); a number of ways of conveying colour impression was revealed (20 colour composites; 10 colour sequences of different modification, etc.); colour dominants were established; the ways of expanding the colour range were described; the combinability of colour terms was revealed; the specificity of colouristic descriptions was revealed, which consists in conveying the intensity of colouring, in the contamination of colour and light components, in the evaluative nature of descriptions; the functional potential of plant descriptions based on the colour component was described, which is implemented in the ontological, nomenclature-classifying, expressive-expressive, culturological function, in the function of colour chronotope creating: colour spatial dimension (in the creation of colour space of nature, man, city, country, creativity, dream, etc.) and colour temporal dimension (temporal coordinate "Time of the year", "Time of day"), in the prototypical function.

Keywords: Linguistics of Colour, Colour Term, Phytonym, Conceptsphere, Linguistic Picture of the World.

1. E-mail: sitavi@tut.by; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8800-9987>

* Corresponding author

ЦВЕТ ТЮЛЬПАНА В ЦВЕТОВОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЕ ФЛОРИСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РУССКОГО ЯЗЫКА: КРАСНЫЙ ИЛИ ЧЕРНЫЙ?

Сивова Татьяна Викторовна^{1*}

Доцент, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
Гродно, Беларусь.

(дата получения: март 2025 г.; дата принятия: июнь 2025 г.)

Аннотация

Представлены результаты носящего полидискурсивный характер исследования (материалом послужили лексикографические источники, данные ассоциативного эксперимента (611 респондентов), проза К.Г. Паустовского, данные Национального корпуса русского языка (основного и поэтического корпуса), рекламные тексты, размещенные на сайте «Авито»), посвященного реконструкции сегмента цветовой концептосферы флористического пространства русского языка на материале колористических описаний тюльпана. Установлен состав цветообозначений, значимых в визуализации растения (32); выявлены способы передачи значимого для носителя языкового сознания цветового впечатления (20 цветовых композитов; 10 цветовых последовательностей различной модификации и др.); установлены доминанты цвета; описаны способы расширения цветового диапазона (лексемами со значением интенсивности цвета, неоднородности окраски, многоцветности, со значением 'быть в цвету', 'свет', спорадически – 'тьма', лексемами с имплицитным цветом); выявлена сочетаемость терминов цвета (преимущественно с фитонимом *тюльпан*, также с рядом фитонимических и колористических номинаций, с лексемами, актуализирующими образное значение); раскрыта специфика колористических описаний, которая заключается в передаче интенсивности окраски, в контаминации цветовой и световой составляющей, в оценочном характере (мелиоративной оценке, реже – пейоративной) описаний, в их возможной гендерной соотносительности; описан функциональный потенциал основанных на цветовой составляющей описаний растения, реализующийся в онтологической, номенклатурно-классифицирующей, экспрессивно-выразительной, культурологической функции, в функции создания цветового хронотопа: цветового пространственного измерения (пространства природы, человека, города, страны, творчества, войны, сна, символического пространства и др.) и темпорального измерения (темпоральной координаты «Время года», «Время суток»), в прототипической функции.

Ключевые слова: Лингвистика цвета, Термин цвета, Фитоним, Концептосфера, Языковая картина мира.

1. E-mail: sitavi@tut.by; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8800-9987>

* Ответственный автор

Введение

Культурологический и аксиологический потенциал фонда фитонимической лексики, устойчивая связь растения и цвета, на которую указывает В.Г. Кульпина (Кульпина 2001. 269), обуславливают наш научный интерес к проблеме реконструкции сегмента цветовой концептосферы флористического пространства русского языка. Данное исследование, *целью* которого является описание специфики колористической репрезентации тюльпана на материале различных дискурсов (лексикографических источников, данных направленного ассоциативного эксперимента, произведений К.Г. Паустовского, данных Национального корпуса русского языка, рекламных текстов), являет собой продолжение разрабатываемой нами темы, лежащей в области флоросемантики цвета (см. (Сивова 2021; 2022; 2023; 2024) и др.).

Культурологический потенциал избранных для исследования колористических дескрипций несомненен. Так, О.Ю. Елина, исследуя иконографию растений в России, обращается к иконе «Вертоград заключенный» Никиты Павловца (ок. 1670 г.), на которой изображен сад тюльпанов, и отмечает: «изображение садовых тюльпанов на иконе XVII в. показывает, что данные растения уже интродуцированы в Россию и введены в культуру; автор мог наблюдать их в садах Московского Кремля, где работал. Более того – на иконе Павловца мы видим цветное разнообразие тюльпанов: желтые и красные. Соблазнительно предположить, что это – результат наблюдения тюльпанов различных сортов. Однако возможна и иная интерпретация, связанная с особенностями цветовой палитры мастера эпохи раннего барокко» (Елина 2014. 288).

К.И. Шарафадина отмечает: «для европейского читателя конца XVIII в. <тюльпан> стал своего рода поэтической метонимией всей восточной культуры. Если Европа пережила пик увлечения им в XVII в., то Восток, начав разводить его еще в XVI в., воздал должное цветку позже, в первой половине XVIII в.» (Шарафадина 2018. 49).

М. Яхьяпур, осуществляя сопоставительный анализ реализации патриотических и героических мотивов в произведениях А. Твардовского и К. Аминпура, отмечает: «в творчестве современного иранского поэта сильны традиции персидской поэзии с образами-символами тюльпана, горы и т.д. Природа способствует раскрытию внутреннего мира персонажей. Он уподобляет павших на войне тюльпанам, потому что в иранской культуре тюльпан является символом крови мучеников» (Яхьяпур 2020).

В.Г. Кульпина, раскрывая тему цветовых этноприоритетов и этностереотипов, в связи с цветом тюльпанов отмечает: «в русском языке мы встречаемся также с явлением, на первый взгляд, немотивированного употребления некоторых цветообозначений степи. <...> в стихотворении «Тюльпаны» Николая Поливина мы встречаем алую степь: ...*Стали звездами копыта, / конь, как облако, плывет / над звенящей алой степью* (Поливин. С. 88). Голубой и алый – эти цвета очень любимы в России. Именно поэтому Есенинская степь голубая, а у Н. Поливина тюльпаны окрашивают степь именно в алый оттенок красного цвета» (Кульпина 2001. 303).

Основная часть

Цвет тюльпана. Лексикографическая репрезентация (значение яркой окраски и многоцветности). Словарные дефиниции свидетельствуют об актуализации значения ‘яркая окраска’: *тюльпан* ‘дикорастущее и декоративное травянистое растение сем. лилейных с крупными яркими цветками’ (РСС 2002. 540); содержат мелиоративную оценку (*красивый*): *тюльпан* ‘луковичное растение сем. лилейных с крупными красивыми цветками’ (БТС 2000. 1357). Только в «БСЭ» фиксируется цветовая составляющая в дефиниции (белый, желтый, красный, оранжевый, пестрый, фиолетовый, черный; коричнево-желтый): <стебель> заканчивается одним ярко окрашенным цветком. <...> Семена плоские, коричнево-жёлтые. <...>

Культурные сорта различаются <...> окраской (от красных всех оттенков до почти чёрных, оранжевые, жёлтые, фиолетовые, белые, пёстрые) (БСЭ 1969-1986).

Ассоциативное пространство (*красный*). В результате проведенного нами направленного ассоциативного эксперимента (здесь и далее – НАЭ) (2021 г.), в ходе которого его участникам (611 респондентов, студенты ГрГУ имени Янки Купалы; 314 жен., 297 муж.; возраст: 17–20) было предложено привести «цветовую» реакцию на стимул-фитоним «тюльпан», установлен спектр цветовых ассоциатов.

Статистика НАЭ: всего цветовых реакций на стимул «тюльпан»: 550, различных: 35, одиночных: 22, отказов: 61.

Результаты НАЭ: красный 182: 96 (ж), 86 (м); желтый 173: 111 (ж), 62 (м); белый 67: 20 (ж), 47 (м); розовый 51: 42 (ж), 9 (м); фиолетовый 16: 7 (ж), 9 (м); оранжевый 10: 6 (ж), 4 (м); синий 8: 2 (ж), 6 (м); голубой 6: 1 (ж), 5 (м); алый 4: 2 (ж), 2 (м); черный 4: 3 (ж), 1 (м); красный, желтый 3: 3 (ж); зеленый 2: 2 (м); красный, желтый, розовый 2: 2 (ж); бежевый 1: 1 (м); белый, желтый 1: 1 (ж); белый, красный 1: 1 (ж); бордо 1: 1 (ж); желтый, фиолетовый 1: 1 (ж); зеленый, оранжевый, розовый, красный и др. 1: 1 (м); красный, фиолетовый 1: 1 (ж); лиловый 1: 1 (м); малиновый 1: 1 (ж); огненно-красный 1: 1 (ж); оранжевый, желтый, розовый 1: 1 (ж); разноцветный 1: 1 (ж); разный (красный, желтый, ...) 1: 1 (м); розово-оранжевый 1: 1 (м); розовый, белый, красный 1: 1 (ж); розовый, красный, желтый 1: 1 (ж); светло-фиолетовый 1: 1 (м); серебряный 1: 1 (м); фиолетовый, желтый 1: 1 (м); чирвоны 1: 1 (ж); яркий красный 1: 1 (ж); ярко-розовый 1: 1 (м); нет ответа 61: 6 (ж), 55 (м). Таким образом, в визуализации тюльпана, согласно НАЭ, значим спектр, состоящий из 17 ТЦ (здесь и далее ТЦ – термин цвета): алый, бежевый, белый, бордо, голубой, желтый, зеленый, красный, лиловый, малиновый, оранжевый, разноцветный, розовый, серебряный, синий, фиолетовый, черный. Доминанта – *красный*,

далее по ранжиру – *желтый*. В дескрипциях актуализируются призванные точно передать цветовое впечатление и многообразие окраски 1) цветовые композиты, например: розово-оранжевый, огненно-красный, ярко-розовый; 2) цветовые последовательности различной модификации: а) двухкомпонентные, например: белый, красный; красный, желтый; б) 3-х: оранжевый, желтый, розовый; красный, желтый, розовый; 3) другие способы передачи многообразия окраски, например: зеленый, оранжевый, розовый, красный и другие. Ср. с ассоциативными словарями: *тюльпан* (прямой поиск): «цветовые» реакции на стимул «тюльпан»: красный 20, черный 11, желтый 2, алый 1, бутон (красный) самого цветка 1, голубой 1, зеленый лист 1, красный цветок 1, розовый 1, цвет 1; обратный поиск: «цветовые» стимулы, вызывающие реакцию «тюльпан»: фиолетовый 2, черный 2, алый 1, желтый 1, розовый 1, цвет 1 (РАС 2002); *тюльпан*: красный 10; желтый 7; черный 5; кровь, розовый, фиолетовый 1 (СИБАС 2 2022. 813).

Цвет тюльпана. Индивидуально-авторский дискурс. Проза К.Г. Паустовского (*черный*). Включенные в Собрание сочинений (Паустовский 1981-1986) произведения демонстрируют функционирование основанных на ТЦ *черный* дескрипций тюльпана (преимущественно в номенклатурно-классифицирующей функции): *запаяли единственное семечко редчайшего чёрного тюльпана и привезли его в Голландию* (Паустовский 1982в. 167); *мальчик изображён разрывающим на части царственный чёрный тюльпан* (Паустовский 1982в. 167); также актуализирующие значение ‘быть в цвету’: *несколько вазонов на окнах. В них цвели тюльпаны* (Паустовский 1983б. 434).

Цвет тюльпана. Национальный корпус русского языка (*черный*). Основной корпус НКРЯ (ОК НКРЯ) фиксирует более 210 контекстов, содержащих колористическую дескрипцию тюльпана, в текстах более чем 140 авторов, среди которых В. Аксенов, В. Астафьев, М. Булгаков, В. Вересаев, А. Грин, Ф. Достоевский, Б. Екимов, И. Ильф, В. Каверин, А. Ким, А. Куприн,

Н. Лесков, Ю. Олеша, А. Толстой, А. Фет, А. Чехов, А. Эфрос, В. Ян и др. Датировка первой фиксации в ОК НКРЯ: 1778-1804 гг. (Болотов).

Спектр значимых в дескрипции тюльпана ТЦ включает **30** единиц: **черный** (багряно-черный, черно-лиловый, черный) 45; **красный** (краснеть, красный, кроваво-красный, ярко-красный) 37; **желтый** (желтеть, желтый, канареечно-желтый, лимонно-желтый) 30; **алый** (алеть, алый, бледно-алый) 20; **синий** (синий) 17; **белый** (бело-зеленый, белый) 9; **розовый** (бледно-розовый, лилово-розовый, розоветь, розовый) 8; **зеленый** (бело-зеленый, зеленеть, зеленый, серо-зеленый) 6; **лиловый** (винно-лиловый, лилово-розовый, лиловый, черно-лиловый) 5; **голубой** (голубой, серебристо-голубой) 4; **пунцовый** (пунцовый) 4; **золотой** (золотистый, золотой) 3; **винный** (винно-лиловый, винный) 2; **коричневый** (коричневый, пурпурно-коричневый) 2; **лимонный** (лимонный, лимонно-желтый) 2; **пурпурный** (пурпурный, пурпурно-коричневый) 2; **сизый** (сизый) 2; **фиолетовый** (фиолетовый) 2; **абрикосовый** (абрикосовый) 1; **багряный** (багряно-черный) 1; **бордовый** (бордовый) 1; **гранатовый** (гранатовый) 1; **кремовый** (кремовый) 1; **малиновый** (малиновый) 1; **оранжевый** (оранжевый) 1; **палевый** 'бледно-жёлтый, цвета соломы' (палевый) 1; **рубиновый** (рубиновый) 1; **серебристый** (серебристо-голубой) 1; **серый** (серо-зеленый) 1; **сиреневый** (сиреневый) 1. Например: **Алые, синие** и даже **черные тюльпаны** – чуть ли не круглый год (Малик, 2002); **Среди красных тюльпанов** попадались **желтые**, мелькали какие-то сиреневые и лиловые цветы (Трифонов, 1959) (НКРЯ).

Спектр расширяется металексемами (*оттенок, расцветка, цвет; цветной*); лексемами со значением 'быть в цвету' (*зацвести, расцвести, цвести, цветущий*) 24; со значением 'свет', передающими преимущественно интенсивность окраски (*гореть, огненный, пламенеть, пламя, пылающий*); со значением интенсивности цвета (*яркий*) 6; многоцветности (*все, всевозможный, разноцветный*); неоднородности окраски (*пестрый*;

тюльпанны-пестрый); лексемами с имплицитным цветом (*кровавый, кровь, кровавой* и др.). Например: *необъятная степь легла перед ними буйствующим пламенем тюльпанов* (Слипенчук, 2001); *таких тюльпанов всевозможных цветов*, начиная с ярко-белого и кончая черным как сажа, вообще такого богатства цветов Коврину не случилось видеть нигде (Чехов, 1893); *догнала весну уже в казахстанских степях, во всей полноте их цветения, жаркого, тюльпанны-пестрого* (Улицкая, 1996) (НКРЯ).

Таким образом, доминантой является ТЦ *черный*, далее по ранжиру – *красный, желтый*; в дескрипциях значимы композиты различной модификации (15), например: а) *багряно-черный, пурпурно-коричневый, серебристо-голубой*, б) *винно-лиловый, канареечно-желтый, кроваво-красный*, в) *бледно-алый*; г) *ярко-красный*; д) *тюльпанны-пестрый*. Например: *здесь она без остатка растворена в необозримых коврах кроваво-красных, золотых, бледно-розовых, лимонных, винно-лиловых и не знаю еще какого цвета тюльпанов* (Фадин, 2002). Несмотря на традиционное доминирование прилагательных в передаче цвета, фиксируется ряд глагольных лексем, актуализирующих преимущественно значение ‘выделяться своим цветом, виднеться’ (*алеть, желтеть, зеленеть, краснеть, розоветь, пламенеть* и др.). Например: *степь, без конца, без краю, зелена ее самая далекая даль, только кое-где кровавыми пятнами алеют воронцы, дикие степные тюльпаны* (Гуль, 1952); *В Зеленогорске снега нет, тюльпаны зеленеют, бутончики прячутся в листьях* (Каралис, 1999) (НКРЯ).

ТЦ проявляют сочетаемость преимущественно с фитонимом *тюльпан*, а также с партитивами *голова, лепесток, лист, почка, цветок, чашечка, ягода, язычок* и др.; с лексемами, передающими значение ‘узор’: *каемочка, окаймление, полоса, пятно*; с металексемами *оттенок, цвет*, с рядом лексем в образном значении: *облако, озеро, парашют* и др. Например: *популярностью пользуются сорта видовых тюльпанов, имеющие необычайно яркие цветки*

и серо-зеленые листья, на которых видны пурпурно-коричневые полосы (Садоводу, 2006).

Специфика искомых дескрипций, согласно ОК НКРЯ, проявляется в:

1) актуализации изобразительно-выразительного потенциала языка: *Но тюльпаны – черно-лиловые, красные, как пламя, пестрые и золотистые – бархатом покрывали землю* (Толстой, 1930); *сам хозяин наш покраснел как тюльпан, и уверяют, будто бы слышали, как он потом признавался, что, «к стыду своему», чуть ли не целую минуту был влюблен в свою прекрасную гостью* (Достоевский, 1857);

2) оценочности, установлении соответствия цветовой норме: *Леви Штейнман крутил в руках цветок – великую редкость, зеленый тюльпан* (Букша, 2005); *поднесла букет голубых тюльпанов, только что появившихся в продаже и одобренных нашими эстетам «за ненормальность»* (Тэффи, 1929);

3) возможности гендерной соотнесенности: *за покачиванием багряно-черного тюльпана, чуть колеблемого ветром, блистающего яркой девичьей красотой* (Шолохов, 1928) (НКРЯ).

Цвет тюльпана. Поэтический корпус НКРЯ (ПК НКРЯ) (алый) фиксирует колористические дескрипции тюльпана (порядка 50 контекстов) в произведениях более чем 30 авторов, среди которых: И. Анненский, Н. Асеев, А. Ахматова, К. Бальмонт, В. Брюсов, И. Бунин, Н. Клюев, М. Кузмин, М. Лохвицкая, Д. Мережковский, Б. Пастернак, Вс. Рождественский, И. Эренбург и др. Датировка первой фиксации в ПК НКРЯ: 1773 г. (Майков).

Спектр значимых в визуализации тюльпана лексем включает 11 ТЦ: **алый** (алый) 6; **лиловый** (лиловый) 5; **золотой** (золотой) 4; **розовый** (розовый) 3; **желтый** (желтый) 2, **зеленый** (зеленый) 2, **красный** (красный) 2; **голубой** (голубой) 1, **пурпурный** (пурпурный) 1, **румяный** (румяный) 1, **синий** (синий) 1.

Например: *Поля тюльпанов знойных, Пурпурных, алых, золотых* (Щепкина-Куперник, 1907).

Спектр расширяется лексемами со значением ‘свет’ (*мерцать, огнекрылый, огненный, огонь, пламенеть*) и ‘тьма’ (*темный*); со значением неоднородности окраски: *пестрый (пестреть)*; интенсивности, насыщенности окраски (*яркий*); со значением ‘быть в цвету’ (*расцвести, цвести*). Например: *Роза алеет, нестреет тюльпан* (Майков). Фиксируется основанный на колористической дескрипции тюльпана ТЦ *тюльпановый*.

Таким образом, доминанта – *алый*; цветовые композиты, согласно ПК НКРЯ, в дескрипциях не фиксируются. ТЦ проявляют сочетаемость преимущественно с фитонимом *тюльпан*, единичны случаи – с партитивом *пестик*, в образном значении – с лексемами *истома, штык* и др. Например: *Склонясь к лиловому тюльпану, К пурпурным ирисам* (Чиннов, 1972); *На полный ход / меняя / ход неполный штыком зеленым / из земли / тюльпан* (Фотинский, 1927); *Давно меж листьев налились Истомой розовой тюльпаны* (Анненский, 1909).

Специфика колористических дескрипций проявляется в

1) передаче интенсивности окраски: *И яркие до ужаса тюльпаны Ковром заткали много сотен миль* (Ахматова, 1942);

2) контаминации цветовой и световой характеристик, призванной передать интенсивность цвета: *На полынной горбизне кургана, Где тюльпаны алые горят* (Рождественский, 1941);

3) акцентуации сочетаемости цветов: *Красные не подойдут тюльпаны К моим поседевшим волосам* (Моравская, 1914);

4) оценочности (спорадически пейоративная оценка): *И только раз в году, по мертвому красивы, На ней цветут зловещие тюльпаны* (Эренбург, 1910) (НКРЯ).

Функциональный потенциал искомых дескрипций, согласно НКРЯ (ОК и ПК НКРЯ), реализуется в:

1) онтологической функции: *стелются под копытами красного жеребенка **алые тюльпаны-лазорики*** (Екимов, 1997);

2) номенклатурно-классифицирующей: *внутри стеклянного шара запаяли единственное семечко редчайшего **черного тюльпана*** (Паустовский, 1958);

3) экспрессивно-выразительной: *Клонятся долу в траве **золотые тюльпаны**: Жемчугом тусклым на них тяжелеет роса* (Бутурлин, 1890); *во все стороны летели, словно крупные **капли крови, пунцовые головки тюльпанов*** (Шолохов, 1928);

4) культурологической функции [Голландия]: *иногда в их зеленый бархат врываються неправдоподобно яркие полосы: **короваво-красные, канареечно-желтые, бело-зеленые**. Это – плантации тюльпанов* (Овчинников, 2006);

5) функции создания цветового хронотопа (Сивова 2018):

5.1 цветового пространственного измерения, а в нем:

– пространства природы: а) флоры: *Лишь **тюльпан** меж осоки лежит весь измятый, весь **алый**...* (Андрей Белый, 1904); также в составе других фитонимических номинаций [перифраз]: *душистый чабрец и знаменитый «**черный тюльпан**» Кавказа – **рябчик широколистный*** (Карпун, 1997); б) небесного пространства: *На зеленом, ледяном небе стояло **красное, как тюльпан, холодное солнце*** (Гагарин, 1945); а также: *огромные **алые облака диких тюльпанов** вдруг в одночасье **словно опускаются с небес*** (Ким, 1998); в) ландшафта (в пересечении с соматическим): ***Ты прекрасней, чем самая высокая вершина в миг рассвета, когда все горы лежат в синеве, а она одна, алая, как тюльпан, плывет в мерцающем небе!*** (Иванов, 1990);

– пространства человека: а) соматический код [кровь, ладонь, лицо, нос, рана, сердце, ухо, щека]: *с губы **красная кровь, как тюльпан, на асфальт закапала*** (Василенко, 1998); а также: *По всей степи ярко цвели **тюльпаны, алые, как свежая кровь*** (Вересаев, 1920); *посвятим сегодняшние порывы наши пустыне, обгащенной **тюльпаньей кровью*** (Соколов, 1976); также

имплицитно: *жил некогда бедный счетовод в Багдаде. Щеки, как горные тюльпаны* (Ильф, 1927). Описания тюльпана демонстрируют влияние света на цветовосприятие: *когда самолет пробил облачность и ухо сидящего далеко впереди, в бизнес-классе, японца налилось солнцем и стало алым, как тюльпан* (Попов, 2001). Дескрипции актуализируются в передаче физического состояния персонажа: *Кручина убрал от виска ладонь – на миг показался пунцовый, похожий на тюльпан, обрубок – и приложил ватный клоч* (Елизаров, 2007); а также: *Затрепетали лепестки тюльпана, И развернулся медленно бутон, Как будто покрылась розовая рана* (Дангулов, 1981); в передаче значения принадлежности расе: *Гарлем – совсем обычный город <...> Детей особенно много. Как-то в длиннющем лимузине я насчитал одиннадцать крошечных кудрявых головок. Этакie черные тюльпанчики* (Розов, 1960); в трансляции эмоционального состояния: *Райка тем временем доругалась с начальницей <...> и выскочила из мойки с лицом нежно пламенеющим, как тюльпан* (Токарева, 1984); *он послушал и стал белей ослепительного своего костюма, а нос, что удивительно, – алей тюльпана в петлице* (Попов, 2001); а также: *Если сердце мое – огнекрылый тюльпан, Золотистой пчелой ты качаешься в нем!* (Рождественский, 1934). См. также другие способы реализации антропоморфного кода [глядеть, порадовать, смотреть и др.]: *дикие тюльпаны желтыми и алыми колокольчиками глядели из расселен скал* (Данилевский, 1863); *тюльпаны порадуют вас красотой ярких и нежных цветов* (Работы, 2004); *на меня смотрел самый настоящий, живой, ярко-красный тюльпан* (Розов, 1985); **б)** вестигальный код [платье, петлица]: *ее палевое в сизых тюльпанах платье прекрасно* (Набоков, 1935); *И только красный тюльпан, Тюльпан у тебя в петлице* (Ахматова, 1913); **в)** социальный [номинация синий тюльпан ‘полицейский’]: *чины жандармской полиции надолго обеспечили себе существование в государственном механизме, а их шеф получил возможность докладывать*

государю «о внутренних врагах», открытых и усмотренных уже не домыслием **«синих тюльпанов»**, а совокупною их деятельностью с высокообразованными чинами судебного ведомства (Кони, 1919); а также А задумал Башуцкий рассказать кое-что **о высшей, то есть тайной полиции**. Ее жрецов **в темно-голубых мундирах** один старый юрист называл **Синими тюльпанами** (Давыдов, 1988); Секретная Комната не имела прямого отношения **к синим тюльпанам**, но Башуцкий, по обыкновению, примеривался и принимался к избранному сюжету (Давыдов, 1988); г) пространство «вещного мира» [абажур, изразцы, лампа, обои]: представлялся **алый тюльпан абажура** над столом (Шергова, 2002); стояли, как пушки, светлея зеркалами и золотом в свете спущенной лампочки, **под зеленым тюльпаном**, микроскопы (Булгаков, 1923); угол около голландской печи, старинные **изразцы** которой **были разрисованы синими тюльпанами** (Куприн, 1902); **Палевые в сизых тюльпанах обои** будет трудно претворить в степную даль (Набоков, 1935);

– собственно пространства: а) **Южный прибрежный склон** расцветал **рубиновыми ягодами тюльпанов** (Бабаян, 1994); б) пространства дома: **В кухне задернута штора с большими красными тюльпанами** (Матвеева, 1987); в) пространства города: **что цветут в тюльпанах и газонах наши областные города** (Корнилов, 1933); г) страны: **И забыть никак я не могу Золотой тюльпан Таджикистана** (Рождественский, 1943);

– пространства творчества / искусства: а) песенного: **«Черный тюльпан»** или **«Казачья»** – не конъюнктура, а знание человеческой души (Розенбаум, 1987); **«Желтые тюльпаны-ы»**, – драматически тянул женский голос из проигрывателя (Горланова, 1987); б) художественной литературы: **«Черный тюльпан»** – роман А. Дышева и роман А. Дюма (Витрина, 2002); в) **повести «Синие тюльпаны»** я рассказал об одном чрезвычайно любопытном документе (Спивак, 1996); прочел вечером ребятам «для усыпления»

очередную главу из «**Черного тюльпана**» (Сорокин, 1972); поэтического текста [интертекст]: «*И только **кр-расный тюльпан, тюльпан** у тебя в петлице!*» (Ильина, 1957), ср.: *Мне очи застит туман, // Сливаются вещи и лица, // И только **красный тюльпан, // Тюльпан** у тебя в петлице* (Ахматова «Не любишь, не хочешь смотреть?»); **в**) кинематографического: *Жорж Чеко – кинопродюсер фильма «**Черный тюльпан**»* (Лопато, 2002); *толпами валили на «Фантомаса», «Анжелику, маркизу ангелов», «**Черный тюльпан**»* (Быков, 2000); **г**) ландшафтного дизайна: *На клумбах заботами Леонарды Яковлевны росли **оранжевые тюльпаны*** (Тренина, 2004);

– пространства языка (номинации): *Позвольте доложить: Ученый Садовод назвал тюльпан **Голубым Парашютом*** (Каверин, 1939); *он в этом кабаре «**Синий тюльпан**» на тромбоне играет* (Ильина, 1946);

– пространства селекции: *вручалась премия 100 000 золотых гульденов цветоводу, который **вывел черный (точнее, черно-лиловый) тюльпан*** (Лазарев, 1992); *Врач и натуралист Корнелиус ван Барле получил премию за **черный тюльпан «Роза Барле»*** (Безелянский, 1993); *сидел у себя в деревне, занимаясь действительно **разведением разноцветных тюльпанов*** (Лесков, 1874);

– пространства войны: *поразили **гробы, которые грузили в самолет** – солдаты там **называли** его «**черным тюльпаном**»* (Розенбаум, 1987); *Тело его доставил в Москву «**черный тюльпан**»* (Корнешов, 2000);

– символического пространства: *Казалось: / уж воздух их вытил, и горем / примята толпа, и вдруг, / как надежда, / как выпел, расправился / **желтый тюльпан!*** (Асеев, 1934); а также в создании оппозиции: *В обеих книгах постоянно маячат бюсты (перед одним из них возложены **черные тюльпаны** – полный, видимо, антоним официальных красных звездик), портреты и прочие изображения Ленина* (Чанцев, 2010);

– некропольного пространства: *Душохранилище хоронят. // Из трупных*

аминокислот // *Тюльпан с огнем росы в короне // Над гробом душным прорастет* (Чиннов, 1972);

– пространства сна: *Только в снах цветных скользило мимо То, что когда-то наполняло стих: И образ нецелованной любимой, И степь моя – в тюльпанах золотых...* (Дангулов, 1981); *Он будет мне до гроба сниться, Как берег в розовых тюльпанах* (Клюев, 1933);

– пространства памяти: *уцелели в памяти... уморительная собачка Бром, клумба с яркими фантастическими тюльпанами* (Леонтьев-Щеглов, 1904);

– дорожного движения: *сине-желтые снегоуборочные машины среди сугробов; яркие, как тюльпаны, дорожные знаки на шоссе* (Конецкий, 1978); и второй составляющей цветового хронотопа –

5.2 – цветового темпорального измерения, а в нем:

– ТК (темпоральная координата) «Время года» [весна; ранняя весна]: *весна приходит: клумба розовых тюльпанов, отороченная незабудками* (Берберова, 1960); *разве тут не рай, особенно весной, когда цветут тюльпаны* (Панова, 1965); *на Алтай мы все собирались ранней весной, когда на горах цветут маленькие тюльпаны и шиповник* (Кнорре, 1947). Цветовые дескрипции тюльпана свидетельствуют о самом течении времени (смене времен года): *фиалки доживали положенный им срок в этой глухой и широкой степи, а на смену им, по склону лога, на солонцах уже поднимались сказочно яркие тюльпаны, подставляя солнцу свои пунцовые, желтые и белые чашечки* (Шолохов, 1928); спорадически –

– ТК «Время суток» [утро]: *оно уже пришло – это утро и расцвело, как гигантский желтый тюльпан* (Крышук, 2002);

б) прототипической функции (тюльпан – тюльпановый, красный тюльпан). НКРЯ демонстрирует сам процесс создания ТЦ: от сравнения – к цветообозначению: *рюкзак диковинным тюльпаном краснеет среди щебня и жухлой растительности* (Серафимов, 1978); с имплицитным цветом: *лицо ее нарисовано: губы, словно из Голландии, – тюльпаном, синие ресницы*

напоминают речных стрекоз (Крусанов, 1999). НКРЯ фиксирует функционирование ТЦ *тюльпановый* (1826 г.) и *красный тюльпан*: *Юной пальмы гордый вид, Кипариса волнованья Без тюльпановых ланит, Где играет огонь желанья* (Ознобишин, 1826); *Купальные костюмы? Они у нас имеются во всех тонах: розовая греза, матовый аквамарин, лиловая головка, красный тюльпан* (Набоков, 1967) (НКРЯ).

Цвет тюльпана. Рекламный дискурс («Авито») предполагает активную реализацию прототипической функции, однако фиксируем единичные случаи. Ср., например, с фитонимом *брусника*, на основе которого, согласно нашим наблюдениям, создается 97 ТЦ (цв. *античный брусничный, бледная брусника, брусника металл, брусника с молоком* и др.); с фитонимом *апельсин* – 86 ТЦ, *баклажан* – 61 ТЦ (цв. *баклажан перламутровый, винно-баклажанный, глубокий баклажан, меланж-баклажанно-бордовый с дымкой* и др.) (Авито).

Ср.: ТЦ *тюльпан*, значение которого разнится, видимо, в силу многочисленности культурных сортов тюльпана и разнообразия их окраски: ‘красный’ и ‘розовый’. Например: *Палантин, кашемир 100%. Цвет тюльпан, как на фото. Цвет: красный; Сумка ручной работы из пряжи в цвете «тюльпан»*. Цвет: розовый (Авито). ТЦ *тюльпановый*, значение которого интерпретируется как ‘розово-сиреневый’, ‘розовый’: *Стильное и женственное платье бренда Lov2lov. Цвет нежный, розово-сиреневый, тюльпановый*. Цвет: розовый (Авито). Ср. с данными словарей цвета: цв. *тюльпана, чёрный тюльпан, красный тюльпан* (Василевич, Кузнецова, Мищенко 2005. 199); *тюльпано-пёстрый* (Харченко 2021. 583).

Заключение

Основные результаты исследования:

1. Выявлен количественный и качественный состав цветообозначений, значимых в дескрипции тюльпана (32 ТЦ): *абрикосовый, алый, багряный,*

бежевый, белый, бордовый / бордо, винный, голубой, гранатовый, желтый, зеленый, золотой / золотистый, коричневый, красный, кремовый, лиловый, лимонный, малиновый, оранжевый, палевый, пунцовый, пурпурный, розовый, рубиновый, румяный, серебристый / серебряный, серый, сизый, синий, сиреневый, фиолетовый, черный.

2. Установлены доминанты цвета: *красный* (НАЭ), *черный* (проза К.Г. Паустовского, ОК НКРЯ), *алый* (ПК НКРЯ).

3. Описаны способы передачи цветового впечатления: 20 композитов различного состава а) *багряно-черный, бело-зеленый, лилово-розовый, пурпурно-коричневый, розово-оранжевый, серебристо-голубой, серо-зеленый, черно-лиловый*; б) *винно-лиловый, канареечно-желтый, кроваво-красный, лимонно-желтый, огненно-красный*; в) *бледно-алый, бледно-розовый, светло-фиолетовый / ярко-белый, ярко-красный, ярко-розовый*; г) *тюльпано-пестрый*; 10 цветовых последовательностей различной модификации: двух- и трехкомпонентные; другие способы трансляции цветового впечатления.

4. Установлено расширение спектра металексемами, лексемами со значением интенсивности, насыщенности цвета, неоднородности окраски, многоцветности, со значением 'быть в цвету', 'свет', реже – 'тьма', лексемами с имплицитным цветом.

5. Описана сочетаемость цветообозначений, принимающих участие в создании дескрипций тюльпана: преимущественно с фитонимом *тюльпан*, с рядом фитонимических (*лепесток, лист, почка, цветок, чашечка, ягода* и др.) и колористических номинаций (*каемочка, окаймление, полоса / полоска, пятно* и др.), с лексемами, актуализирующими в тексте образное значение.

6. Раскрыты особенности создания и функционирования колористических дескрипций растения, которые заключаются в передаче интенсивности цвета, в закономерной контаминации цветовой и световой составляющей, в оценочности дескрипций, в их возможной гендерной соотнесенности.

7. Описан функциональный потенциал колористических дескрипций тюльпана, который реализуется в онтологической, номенклатурно-классифицирующей, экспрессивно-выразительной, культурологической функции, в функции создания цветового хронотопа (спектр измерений, в которых актуализируются колористические дескрипции тюльпана, свидетельствует о значимости цвета растения): цветового пространственного измерения (пространства природы, человека, дома, города, страны, творчества / искусства, языка, войны, символического пространства, пространства сна, памяти и др.) и цветового темпорального измерения (темпоральной координаты «Время года», «Время суток»), в прототипической функции.

8. Активность реализации колористическими дескрипциями тюльпана прототипической функции, согласно полученным данным, оценивается как невысокая, предположительно, в силу многочисленности культурных сортов растения и разнообразия их окраски.

Полученные результаты послужат цели создания комплексного описания сегмента флористического пространства цветовой концептосферы русского языка. Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности их использования специалистами, работающими в области информации и коммуникации, брендинга, рекламы.

Литература

- 1- *Авито. Сайт объявлений*. URL: <https://www.avito.ru> (дата обращения: 16.11.2022).
- 2- БСЭ (1969-1986). *Тюльпан* // *Большая советская энциклопедия: в 30 т.* Москва: «Советская энциклопедия». URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/113/243.htm>. (дата обращения: 25.02.2024).
- 3- БТС (2000). *Большой толковый словарь русского языка* / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов, Санкт-Петербург: «Норинт».

- 4- Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С. (2005). *Цвет и названия цвета в русском языке* / под общ. ред. А.П. Василевича, Москва: «КомКнига».
- 5- Елина О.Ю. (2014). *От символа к иллюстрации: иконография растений как источник по истории науки в России* // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, Москва: «URSS», С. 287-291.
- 6- Кульпина В.Г. (2001). *Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках*, Москва: «Московский Лицей».
- 7- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 18.03.2021).
- 8- Паустовский К.Г. (1982в). *Собрание сочинений: в 9 т., Т. 5*, Москва: «Художественная литература».
- 9- Паустовский К.Г. (1983б). *Собрание сочинений: в 9 т. Т. 7*, Москва: «Художественная литература».
- 10- РАС (2002). *Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 1: От стимула к реакции. Т. 2: От реакции к стимулу* / редкол.: Ю.Н. Караулов [и др.], Москва: «АСТ-Астрель».
- 11- РСС (2002). *Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений* / под общей ред. Н.Ю. Шведовой. Т. I: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: Имена существительные (Все живое. Земля. Космос), Москва: «Азбуковник».
- 12- СИБАС 2 (2022). Шапошникова, И.В. *Русский региональный ассоциативный словарь: Сибирь и Дальний Восток (СИБАС 2): в 2 т. / И.В. Шапошникова, А.А. Романенко*, Новосибирск: ИПЦ НГУ, Т. 1. От стимула к реакции.
- 13- Сивова Т.В. (2018). *Взаимосвязь цвета, света и хронотопа в языке произведений К.Г. Паустовского*. Автореф. к. филол. н. Минск, 29 с.
- 14- Сивова Т.В. (2024). *Цвет герани в цветовой концептосфере русского языка // «Язык цветов» и цветы в языке, литературе и культуре: коллективная монография*. Москва: «Зерцало-М», С. 366-376.
- 15- Сивова Т.В. (2021). *Доминанты цвета флористического пространства прозы К.Г. Паустовского* // Когнитивные исследования языка. № 3 (46). С. 639-643.
- 16- Сивова Т.В. (2022). *Цвет ландыша в цветовой концептосфере русского языка: всегда ли ландыш белый?* // Когнитивные исследования языка. № 2 (49). С. 370-376.
- 17- Сивова Т.В. (2023). *Цвет крыжовника в цветовой концептосфере русского языка: от лексикографического к рекламному дискурсу* // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Москва, Вып. 2 (36). С. 420-431.
- 18- Харченко В.К. (2021). *Словарь цвета: полная версия: около 6,5 тысячи слов в 12,5 тысячах контекстов*, Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ».

- 19- Шарафадина К.И. (2018). «Селам, откройся!» Флоропoeтика в образном языке русской и зарубежной литературы, Санкт-Петербург: «Нестор-История».
- 20- Яхьяпур М., Юсефи М. (2020). Патриотические и героические мотивы в поэзии Александра Твардовского и Кейсара Аминпура // Keruen, 2020. Т. 3. № 68. <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2020.3-03>

Bibliography

- 1- Avito. Sait ob "iavlenii. URL: <https://www.avito.ru> (data obrashcheniia: 16.11.2022).
- 2- BSE (1969-1986). *Tiul'pan* // *Bol'shaia sovetskaia entsiklopediia: v 30 t.* Moskva: «Sovetskaia entsiklopediia». URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/113/243.htm>. (data obrashcheniia: 25.02.2024).
- 3- BTS (2000). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* / Sost. i gl. red. S.A. Kuznetsov, Sankt-Peterburg: «Norint».
- 4- Vasilevich A.P., Kuznetsova S.N., Mishchenko S.S. (2005). *Tsvet i nazvaniia tsveta v russkom iazyke* / pod obshch. red. A.P. Vasilevicha, Moskva: «KomKniga».
- 5- Elina O.Iu. (2014). *Ot simvola k illiustratsii: ikonografiia rastenii kak istochnik po istorii nauki v Rossii* // Institut istorii estestvoznaniia i tekhniki im. S.I. Vavilova. Godichnaia nauchnaia konferentsiia, Moskva: «URSS», S. 287-291.
- 6- Kul'pina V.G. (2001). *Lingvistika tsveta: Terminy tsveta v pol'skom i russkom iazykakh*, Moskva: «Moskovskii Litsei».
- 7- NKRIa – *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka*. URL: <https://ruscorpora.ru/> (data obrashcheniia: 18.03.2021).
- 8- Paustovskii K.G. (1982v). *Sobranie sochinenii: v 9 t., T. 5*, Moskva: «Khudozhestvennaia literatura».
- 9- Paustovskii K.G. (1983b). *Sobranie sochinenii: v 9 t. T. 7*, Moskva: «Khudozhestvennaia literatura».
- 10- RAS (2002). *Russkii assotsiativnyi slovar': v 2 t. T. 1: Ot stimula k reaktsii. T. 2: Ot reaktsii k stimulu* / redkol.: Iu.N. Karaulov [i dr.], Moskva: «AST-Astrel'».
- 11- RSS (2002). *Russkii semanticheskii slovar'. Tolkovyi slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii* / pod obshchei red. N.Iu. Shvedovoi. T. I: Slova ukazuiushchie (mestoimeniia). Slova imenuiushchie: Imena sushchestvitel'nye (Vse zhivoe. Zemlia. Kosmos), Moskva: «Azbukovnik».
- 12- SIBAS 2 (2022). Shaposhnikova, I.V. *Russkii regional'nyi assotsiativnyi slovar': Sibir' i Dal'nii Vostok (SIBAS 2): v 2 t. / I.V. Shaposhnikova, A.A. Romanenko*, Novosibirsk: IPTs NGU, T. 1. Ot stimula k reaktsii.

- 13- Sivova T.V. (2018). *Vzaimosviaz' tsveta, sveta i khronotopa v iazyke proizvedenii K.G. Paustovskogo*. Avtoref. k. filol. n. Minsk, 29 s.
- 14- Sivova T.V. (2024). *Tsvet gerani v tsvetovoi kontseptsfere russkogo iazyka // «Iazyk tsvetov» i tsvety v iazyke, literature i kul'ture: kollektivnaia monografiia*. Moskva: «Zertsalo-M», S. 366-376.
- 15- Sivova T.V. (2021). *Dominanty tsveta floristicheskogo prostranstva prozy K.G. Paustovskogo // Kognitivnye issledovaniia iazyka*. № 3 (46). S. 639-643.
- 16- Sivova T.V. (2022). *Tsvet landysha v tsvetovoi kontseptsfere russkogo iazyka: vseгда li landysh belyi? // Kognitivnye issledovaniia iazyka*. № 2 (49). S. 370-376.
- 17- Sivova T.V. (2023). *Tsvet kryzhovnika v tsvetovoi kontseptsfere russkogo iazyka: ot leksikograficheskogo k reklamnomu diskursu // Trudy Instituta russkogo iazyka im. V.V. Vinogradova*. Moskva, Vyp. 2 (36). S. 420-431.
- 18- Kharchenko V.K. (2021). *Slovar' tsveta: polnaia versia: okolo 6,5 tysiachi slov v 12,5 tysiachakh kontekstov*, Belgorod: ID «BelGU» NIU «BelGU».
- 19- Sharafadina K.I. (2018). *«Selam, otkroisia!» Floropoetika v obraznom iazyke russkoi i zarubezhnoi literatury*, Sankt-Peterburg: «Nestor-Istoriia».
- 20- Iakh'iapur M., Iusefi M. (2020). *Patrioticheskie i geroicheskie motivy v poezii Aleksandra Tvardovskogo i Keisara Aminpura // Keruen*, 2020. T. 3. № 68. <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2020.3-03>

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Sivova Tatyana Viktorovna (2025). TULIP COLOUR IN THE COLOUR CONCEPTOSPHERE OF THE FLORAL SPACE OF THE RUSSIAN LANGUAGE: RED OR BLACK? *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 13(2), 109-130.

DOI: 10.61186/IARLL.26.6

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/359>

رنگ گل لاله در مفهوم سپهر رنگی فضای فلوریستیک زبان روسی: قرمز یا سیاه؟

تاتیانا ویکتورونا سیووا^{*}

دانشیار، دانشگاه دولتی یانکا کوپالا شهر گروندو،
گروندو، بلاروس.

(تاریخ دریافت: مارس ۲۰۲۵؛ تاریخ پذیرش: ژوئن ۲۰۲۵)

چکیده

این مقاله به بازسازی بخشی از مفهوم سپهر رنگی در فضای فلوریستیک زبان روسی بر اساس توصیف‌های رنگی مربوط به گل لاله اختصاص دارد و نتایج پژوهشی با رویکرد چندگفتمانی را ارائه می‌کند. مواد پژوهش شامل منابع لغت‌نامه‌ای، داده‌های یک آزمایش تداعی گرا (با مشارکت ۶۱۱ پاسخ‌گو)، آثار منثور ک. گ. پائوستوفسکی، داده‌های پیکره ملی زبان روسی (بخش اصلی و پیکره شعری)، و همچنین متون تبلیغاتی منتشرشده در وبسایت «اوتو» بوده است. در این تحقیق، ترکیب نام‌گذاری‌های رنگی مرتبط با بازنمایی تصویری گل لاله (۳۲ مورد) مشخص گردیده و شیوه‌های انتقال ادراک رنگی معنادار برای ذهن زبانی گویشوران شناسایی شده است (۲۰ ترکیب رنگی، ۱۰ توالی رنگی در گونه‌های مختلف و موارد دیگر). افزون بر این، دامنه رنگی به‌کاررفته نیز تحلیل شده است؛ از جمله از طریق واژه‌هایی با معنای شدت رنگ، ناهمگنی در رنگ‌آمیزی، چندرنگی، معنای «شکوفه دادن»، «نور»، و به‌طور پراکنده «تاریکی»، و همچنین واژه‌هایی با رنگ ضمنی. همچنین، هم‌آیی اصطلاحات رنگی مورد بررسی قرار گرفته است (عمدتاً با فیتونیم «لاله»، و نیز با گروهی از نام‌گذاری‌های فلوریستیک و رنگ‌شناختی، و با واژه‌هایی که ارزش تصویری را فعال می‌کنند). ویژگی خاص توصیف‌های رنگی در انتقال شدت رنگ، درهم‌آمیزی مؤلفه‌های رنگ و نور، و در بُعد ارزیابانه آنها (اغلب با ارزیابی مثبت، و به‌ندرت منفی) دیده می‌شود؛ این توصیف‌ها در برخی موارد با بُعد جنسیتی نیز قابل پیوند هستند. پژوهش همچنین ظرفیت‌های کارکردی توصیف‌های مبتنی بر رنگ درباره گل لاله را آشکار ساخته است؛ این ظرفیت‌ها در کارکردهای هستی‌شناختی، نامگذاری و طبقه‌بندی، بیانگرانه و عاطفی، فرهنگی، و همچنین در ایجاد «کرونوتوپ رنگی» تحقق می‌یابند؛ بدین معنا که هم در بُعد فضایی (فضای طبیعت، انسان، شهر، کشور، خلافت، جنگ، رؤیا، فضای نمادین و غیره) و هم در بُعد زمانی (مانند مختصات زمانی «فصل سال» یا «زمان روز») قابل ردیابی هستند. افزون بر این، به نقش پروتوتیپی این توصیف‌ها نیز پرداخته شده است.

واژگان کلیدی: زبان‌شناسی رنگ، اصطلاح رنگ، فیتونیم (نام‌گذاری گیاهی)، مفهوم سپهر، تصویر زبانی جهان.

1. E-mail: sitavi@tut.by; <https://orcid.org/0000-0002-8800-9987>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی-پژوهشی

THE SEMANTIC FIELD OF EXPRESSIVES DENOTING SAD EMOTIONAL STATES

Shafaghi Maryam^{1*}

Associate Professor, Department of Russian Language,
Allameh Tabataba'i University,
Tehran, Iran.

(date of receiving: July, 2025; date of acceptance: August, 2025)

Abstract

This article examines the lexical-semantic field of Russian expressive words denoting sad and negative emotional states: “грусть”, “печаль”, “тоска”, “уныние”, “горе”, “скорбь”, “скупка”, and others. The research materials and analysis of these concepts are based on statistical data from the Russian National Corpus. The aim of this study is to identify and characterize the semantic differences, degrees of intensity, grammatical and stylistic features of these lexemes, as well as their associative and cultural connotations. Special attention is given to the roles of “грусть” and “печаль” as the semantic core of this field, as well as their interactions with deeper states (such as “горе”) and more superficial states (such as “скупка”). These concepts are analyzed with regard to their linguistic features and their role in expressing negative emotional states. Within the framework of this research, these concepts were extracted from the Russian National Corpus in combination with anthropomorphic components such as “глаз”, “сердце” (literal meaning), “взгляд”, as well as “душа” and “жизнь” (figurative meaning).

Keywords: Expressives, Semantics, Sad Emotions, Anthropomorphic Components, Sadness, Grief, Melancholy.

1. E-mail: shafaghi@atu.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0003-0244-0651>

* Corresponding author

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ЭКСПРЕССИВОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПЕЧАЛЬНЫЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ

Шафаги Марьям^{1*}

Доцент кафедры русского языка университета им. Алламе Табатабаи,
Тегеран, Иран.

(дата получения: июль 2025 г.; дата принятия: август 2025 г.)

Аннотация

В статье рассматривается лексико-семантическое поле русских экспрессивов, обозначающих печальные и негативные эмоциональные состояния: «грусть», «печаль», «тоска», «уныние», «горе», «скорбь», «скука» и др. Материалы исследования и анализ вышеуказанных понятий основаны на статистических данных «Национального корпуса русского языка». Цель работы – выявить и охарактеризовать семантические различия, степень интенсивности, грамматические и стилистические особенности указанных лексем, а также их ассоциативные и культурные коннотации. Особое внимание уделено позициям «грусти» и «печали» как семантического ядра поля, а также их взаимодействию с более глубокими (например, «горе») и более поверхностными (например, «скука») состояниями. Указанные концепты были проанализированы с точки зрения их лингвистических особенностей и роли в выражении негативных эмоциональных состояний. В рамках данного исследования из Национального корпуса русского языка были выделены указанные концепты в сочетании с компонентами-антропонимами — такие как «глаз», «сердце» (в прямом значении), «взгляд», а также «душа» и «жизнь» (в переносном значении).

Ключевые слова: экспрессивы, семантика, печальные эмоции, компоненты-антропонимы, грусть, печаль, тоска.

1. E-mail: shafaghi@atu.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0003-0244-0651>

* Ответственный автор

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью детального изучения способов языковой концептуализации негативных эмоциональных состояний и выявления тонких смысловых различий между близкими по значению словами «печаль», «грусть», «тоска», «уныние», «горе», «скука», «скорбь». План исследования включает следующие разделы: анализ семантической структуры каждой лексемы, выявление дифференциальных семантических признаков, сравнительный анализ интенсивности выражаемых эмоций, анализ стилистических особенностей, выявление устойчивых оборотов, идиомы и фразеологизмы, образование с помощью сочетания указанных концептов и антропонимов «сердце», «душа», «лицо», «глаза». Научная новизна работы заключается в комплексном подходе к изучению семантического поля печальных эмоций и выявлении нюансов смыслового наполнения каждой лексемы. Практическая значимость исследования проявляется в уточнении дефиниций и разработке методических рекомендаций по использованию данных лексем в различных типах дискурса.

Материалы исследования и анализ вышеуказанных понятий основаны на данных Национального корпуса русского языка. Цель исследования заключается в выявлении и систематизации семантических различий, интенсивности выражения, стилистических особенностей, синтаксической сочетаемости и коннотативных компонентов данных лексем. Комплексный анализ позволяет реконструировать языковую картину мира в аспекте печальных эмоциональных состояний, а также выработать методические рекомендации по точному и адекватному использованию подобных экспрессивов в различных типах дискурса.

Основная часть. Семантический анализ

Интерпретационный аспект ценностной системы реализуется посредством особых семантических образований, которые в лингвистике принято

обозначать термином «коннотация». Следует отметить, что понятие коннотации в научной литературе трактуется неоднозначно. В ряде работ под коннотациями подразумевают внепредметные составляющие значения — такие как стилистические, эмоционально-экспрессивные и оценочные компоненты, то есть так называемые «оттенки значения», придающие слову определённую стилистическую или иную маркированность в системе лексики языка (Радбиль 2013. 230-231).

Печаль в русском культурном сознании — это не только утрата или скорбь, но и особое состояние душевной наполненности, в котором страдание приобретает черты внутреннего света и созерцательности. Для «печали» характерна большая глубина и длительность по сравнению с «грустью», которая обычно кратковременна, менее интенсивна и связана с конкретной ситуацией утраты или разочарования. Оба концепта естественно вплетены в национальный характер, отражая уважительное отношение к оттенкам эмоций и способность находить смысл и красоту в меланхолии и страданиях (Чеснокова 2012; Жун Яо 2020).

Этическое измерение понятия «печаль» наиболее ярко выражено в древнеславянской и церковнославянской традициях, где оно включает не только эмоционально-психологический, но и нравственный аспект. В системе ценностей «печаль» тесно связана с понятием «страдание», образуя с ним сложные семантические и этические взаимосвязи.

Согласно В.В. Колесову, в русском языке переживание эмоции страдания концептуализируется через пять ключевых понятий «грусть», «тоска», «печаль», «скорбь» и «скука». Эти концепты репрезентируют различные аспектные и смысловые грани негативного эмоционального опыта (Колесов 2017. 6). Оценка печальных эмоций играет ключевую роль в определении их значения и границ употребления в разных жизненных контекстах. Категория оценки служит важным средством выражения когнитивных, аффективных и

эмоциональных состояний субъекта, обеспечивая выразительность и направленность коммуникации (Стернина 2024. 124).

В современном русском языке лексемы «печаль», «грусть» «скука», «скорбь» «уныние», «горе» и «горечь» являются важными компонентами семантического поля негативных эмоциональных состояний:

Грусть — это мягкое, светлое негативное переживание, связанное с размышлениями, ностальгией и внутренним спокойствием, не разрушающее личность. В отличие от тоски и горя, грусть менее интенсивна, социально принимаема и может выступать источником творческого вдохновения, отражая осознание быстротечности жизни и проявляясь во внешнем облике (Евгеньева 1981: 353).

Печаль — это глубокое и тяжёлое эмоциональное переживание, возникающее в ответ на утрату или разочарование и занимающее промежуточное положение между грустью и тоской по интенсивности. Для печали характерны пассивность, смирение, упадок сил и стремление к утешению. В русской культуре она воспринимается не только как антипод радости, но и как важная нравственная категория, способствующая развитию сочувствия и духовной зрелости (Евгеньева 1984: 117; Дмитриева, Щелгунова 2021: 27–31).

(а) Тоска — это сложное многозначное эмоциональное состояние, охватывающее спектр от лёгкой грусти и скуки до глубокого душевного страдания и внутренней пустоты. Она выражает длительную тревогу, экзистенциальное томление и тоску по утраченному, часто передаваясь через пространственно-телесные метафоры. В отличие от «скуки», тоска обладает большей глубиной, символизирует рефлексивность русского характера и занимает важное место в культуре, литературе и философии (Евгеньева 1984: 389; Ожегов, Шведова 1999: 54).

(б) Скука определяется как состояние душевного томления и уныния, возникающее из-за бездействия или отсутствия интереса (Евгеньева 1984.

125). Лексикографически «скука» обозначает внутреннее томление и ситуативное отсутствие веселья (Ожегов, Шведова 1999. 54). Типична безличная форма употребления и сочетание с предлогом «по» при обозначении объекта, вызывающего скуку.

Скорбь представляет собой социально оформленную эмоцию, связанную с публичными и ритуально санкционированными проявлениями утраты. Эта лексема выражается преимущественно в высокостильных речевых практиках, таких как надгробные слова и соболезнования. В отличие от горя, скорбь акцентирует не внутреннее страдание, а его внешнее, символическое проявление в культурном и коммуникативном пространстве.

Уныние – это мрачное, подавленное состояние духа, включающее как эмоциональный, так и духовно-нравственный аспект (Евгеньева 1984. 499). Оно характеризуется утратой веры в лучшее, отсутствием сил, ощущением бессмысленности и апатией. В отличие от грусти и печали, уныние лишено светлого начала и творческого потенциала, близко по значению к депрессии и отчаянию, но не всегда полностью совпадает с ними. Уныние представляет собой значимый религиозно-философский концепт, противопоставляемый надежде и трактуемый как грех. Его оценка носит выражено морально-этический характер, что отличает уныние от других экспрессивов. В языке оно часто описывается через метафоры природных явлений, придавая эмоциональному содержанию конкретные чувственно воспринимаемые ассоциации. Уныние возникает на основе праздности и способствует её углублению, парализуя духовную активность личности. Труд в христианской традиции рассматривается как средство заполнения времени, не занятого молитвой или благочестивой деятельностью (Старобинский, 2016: 25). В христианской аскетике уныние традиционно считается одним из самых тяжёлых грехов (Лихач 2022. 107).

Горе: 1) душевное страдание, мучение, глубокая печаль, скорбь; 2) событие, вызывающее душевные страдания, скорбь, беду, несчастье;

3) (разг.) плохо, нехорошо, беда (Евгеньева, 1981: т. 1, с. 333). Чувство горе связано с тремя основными категориями: утрата, страдание и эмоции (Ян Цзы 2025. 64). Горе – это наиболее интенсивная форма эмоционального страдания, непосредственно связанная с переживанием утраты (смерти, разлуки, разрушения жизненных основ). Культурно горе тесно связано с ритуальной сферой (похоронные и поминальные обряды), что проявляется в языке на лексическом, фразеологическом и синтаксическом уровнях. Значимой особенностью экспрессивности служит активное использование телесных метафор (например, “горе давит”, “сердце болит”), усиливающих эмоциональную окраску этого состояния.

Горечь: 1) горький вкус, горький запах; 2) что-либо горькое; 3) тяжелое чувство, вызываемое бедой, несчастьем, неудачей, обидой и т.п. (Евгеньева 1981. 334).

Меланхолия – заимствованный из европейской традиции термин, в русском языке часто приобретает эстетическую и романтическую окраску. Её отличительной особенностью является связь с творчеством, рефлексией и художественным поиском. В художественной литературе меланхолия противопоставляется как обыденной печали, так и бурной радости, выступая маркером сложных душевных и культурных процессов.

Термины «печаль», «скорбь» и «страдание» обозначают аффективный компонент горя, акцентируя субъективное переживание боли или утраты. В противоположность этому, слова «несчастье», «бедствие» и «трагедия» описывают объективные обстоятельства возникновения горя — чаще всего неконтролируемые события. Лексемы «горечь», «мучение» и «утрата» вносят индивидуализированный или метафорический оттенок, выступая средствами осмысления последствий и личной интерпретации отрицательного опыта (Ян Цзы 2025. 64).

Ассоциативное поле концепта *грусть* связано преимущественно с категориями плохие воспоминания, горе, обида, одиночество, разочарование, а

также с такими понятиями, как предательство, смерть, скука, воспоминания. Слово-стимул «печаль» преимущественно вызывало ассоциации утрата, смерть, расставание с любимым, скука, а также одиночество, недопоминание, воспоминания, огорчение (Снеткова 2012. 136-137). С прагматико-семантической точки зрения также наблюдается различие в сочетаемости этих понятий. Концепт «грусть» чаще встречается в устойчивых комбинациях с «раскаянием», тогда как «печаль» типична в сочетаниях с «разочарованием». Такая ассоциативная связь подчёркивает специфику смысловых нюансов каждого концепта и их функционирование в русской языковой картине мира (Шмелева 2014. 49).

Страдание, мучение, не радость и волнение занимают центральное место в семантическом поле отрицательных аффектов русского языка и культуры. Страдание отражает глубоко личный и экзистенциальный опыт, связанный с длительными и интенсивными психоэмоциональными реакциями. Нерадость выражает устойчивое отсутствие положительных эмоций и характеризуется как «тусклая» аффективность без острого пика переживания (Дмитриева, Щелгунова 2021. 28). Волнение связано с эмоциональной нестабильностью и может быть предвестником более глубоких негативных состояний, таких как тревога, страх или печаль. В совокупности эти состояния структурируют спектр негативных эмоций, способствуя формированию индивидуальных и культурных способов их осмысления и языкового выражения.

Между концептами «грусть» и «печаль» в русском языке существуют существенные грамматические различия. По наблюдениям Ю.Д.Шмелева, «грусть» почти не употребляется во множественном числе, что отражает её восприятие как целостного, неделимого и статичного внутреннего состояния (например, «бесконечная грусть»). В отличие от этого, «печаль» используется и во множественном числе («долгие печали», «минутные печали»), что

указывает на множественность, эпизодичность и вариативность данного чувства (Шмелева 2014. 44).

Анализ управления существительных, обозначающих негативные эмоциональные состояния (например, «грусть», «печаль», «тоска», «скорбь»), показывает, что эти лексемы преимущественно сочетаются с определяемыми словами (существительными или местоимениями) в родительном падеже без предлога: *грусть детства, печаль утраты, тоска разлуки, скорбь утраты*. Это свидетельствует о наличии идентичных синтаксических моделей управления.

Исключением является лексема «скука», для которой характерно управление с предлогом «по» и дательным падежом (например: *скука по дому, скука по друзьям, скука по лету*). Эта особенность выделяет «скуку» среди других слов данной группы, поскольку для остальных управление с предлогами и дательным падежом практически не встречается. Таким образом, «скука» демонстрирует самостоятельную синтаксическую специфику, что отражает её лексико-семантическое отличие и способ выражения направленности чувства к объекту (ностальгическая направленность). Данные различия подтверждают уникальность грамматических моделей употребления внутри группы слов, обозначающих состояния тоски, грусти и печали (Богданова 2024. 54).

Тавтология в русском языке — это избыточность, возникающая при дублировании смысла разными словами. Она приводит к повтору значения и снижает когнитивную ценность речи, поэтому в научном дискурсе считается стилистическим дефектом (Захаренко, Комарова, Нечаева 2008: 820). Однако в фольклорном и художественном дискурсе тавтологические сочетания, как «грусть-тоска», «тоска-печаль», «тоска-кручина», выполняют функцию эмоционального усиления, эксплицируя высокий уровень душевного неблагополучия и сложную структуру отрицательных эмоций. Такие

конструкции подчёркивают неразделимость и взаимопроникновение различных оттенков печального регистра, структурируя его по степени интенсивности, длительности и экзистенциальной глубины. Комплекс эмоций «Грусть–Тоска» представляет собой модель, отражающую специфические параметры эмоционального и духовного мира русского человека. Семанτικο-культурный анализ этих лексем выявляет как индивидуальные, так и коллективные способы переживания страдания, что формирует особенности русской эмоционально-духовной идентичности (Колесов 2017. 7).

Как отмечает В. В. Колесов, «выделяются четыре основные группы сочетаний экспрессивов с прилагательными, отражающие различные оттенки эмоционального состояния уныния» (Колесов 2017. 6–7). В качестве классификационных критериев исследователь указывает: «1) типичные признаки, 2) глубина экспрессивно-эмоционального значения, 3) выражение интенсивности в экспрессивно-эмоциональном значении, 4) продолжительность преобладания чувства». Согласно исследованиям Колесовым было установлено, что среди отрицательных эмоциональных концептов только «скука» характеризуется отсутствием признака «глубокая», что свидетельствует о её поверхностном и неглубоком характере по сравнению с другими эмоциональными состояниями. Кроме того, исключительно к скуке применимы определения *серая* и *тупая*, что ещё раз подчеркивает специфику данного эмоционального переживания; только такие концепты, как *грусть*, *печаль* и *тоска*, обладают характеристиками, выражающимися через признаки *гнетущая*, *щемящая* и *давящая*, что отражает их связь с состояниями внутреннего эмоционального давления и дискомфорта. (Колесов 2017. 7).

Цвета в русском языке и культуре имеют устойчивую ассоциативную связь с определёнными эмоциональными состояниями, в особенности с отрицательными чувствами (грусть, тоска, печаль и пр.). Характерная для

русской традиции символика цвета (тёмный — печальный, серый — унылый, чёрный — траурный, синий — депрессивный) формируется в результате многовекового культурного опыта и отражается как в языке, так и в обрядах и визуальных традициях. В современной цветоведческой парадигме выделяют семь типов цветового контраста: контраст по собственно цвету, по тону, по насыщенности, по отношению между светлым и тёмным (или мрачным) цветом, по противопоставлению холодных и тёплых оттенков, а также по контрасту дополнительных цветов (Кузьмин 2021. 19) (об этом см. также: Сивова 2024. 147-167). Как отмечает Шачнев, «цвета способны вызывать различные перцептивные ассоциации, включая ощущение близости, температуры, веса и вкуса» (Шачнев 2021. 51).

Печальные эмоции и антропонимы.

В русском языке широко используются устойчивые номинативные словосочетания, локализирующие печальные эмоции в частях тела или антропоморфных концептах (например: «грусть на душе», «тоска на сердце», «печаль в глазах», «уныние в душе»). Эти выражения характерны для классической и современной литературы, а также повседневной речи, отражая культурные представления о внутреннем мире человека и телесной метафорике эмоций. Структурно они строятся по модели «эмоция + предлог + тело/дух», где лексемы «душа», «сердце», «глаза», «лицо», «взгляд» создают внутреннюю сцену переживания. Такие сочетания функционируют как устойчивые коллокации или квази-идиомы, отличаясь высокой экспрессивностью, символическим значением и важной прагматической ролью в передаче и интерпретации эмоционального опыта.

Устойчивые выражения с локализацией печальных эмоций в антропоморфных конструктах широко представлены в Национальном корпусе русского языка и художественной литературе, при этом их частотность

варьирует. Такие конструкции отражают не только эмоциональное состояние субъекта, но и национально-культурную специфику концептуализации чувств. Семантический анализ выявляет особый пласт литературных и символических сочетаний, в которых негативные эмоции не просто именуются, а «материализуются» в антропоморфных образах внутреннего мира.

Таблица 1. Отрицательные экспрессивы с компонентами-антропонимами.

Эмоция	Компонент	Сочетание	устойчивость	стил.	кол.повтор. в НКРЯ
<i>грусть</i>	<i>Душа</i>	<i>грусть на душе</i>	устоявш.	лит. / разг.	3
<i>тоска</i>	<i>Сердце</i>	<i>тоска на сердце</i>	устоявш.	лит. / поэт.	26
<i>Печаль</i>	<i>Глаза</i>	<i>печаль в глазах</i>	образ. / лит.	лит. / поэт.	14
<i>Скорбь</i>	<i>Сердце</i>	<i>скорбь в сердце</i>	устоявш. / религ.	религ. / лит.	1
<i>Уныние</i>	<i>Душа</i>	<i>уныние в душе</i>	ред.	лит.	1
<i>Скука</i>	<i>Душа</i>	<i>скука в душе</i>	полуустойчивое сочетание, редкое	лит., разговорный	1
<i>Тоска</i>	<i>Душа</i>	<i>тоска в душе</i>	устойч. сочетание, частое	лит., поэт.	9
		<i>душа в тоске</i>	устойч., менее частое	лит., поэт.	5
<i>печаль</i>	<i>Лицо</i>	<i>печаль на лице</i>	устойчиво, средняя частота	лит., поэт., публиц.	5
<i>Скорбь</i>	<i>Сердце</i>	<i>скорбь в сердце</i>	устойчиво, ярко	лит., религ.,	1
		<i>скорбь души</i>	выражено	поэт.	8
<i>Печаль</i>	<i>Глаза</i>	<i>печаль в глазах</i>	менее устойчиво, редкое	лит., поэт.	14

Эмоция	Компонент	Сочетание	устойчивость	стил.	кол.повтор. в НКРЯ
<i>Грусть</i>	<i>Душа</i>	<i>грусть на душе</i>	устойчиво, частое	лит., поэт.	3
<i>Тоске</i>	<i>Душа</i>	<i>душа в тоске</i>	устойч. сочетание, частое	лит., поэт.	5
<i>Грусть</i>	<i>Взгляд</i>	<i>грусть во взгляде</i>	менее устойчиво, редкое	лит., поэт.	0

Таблица 2. Номинативные отрицательные эспессивы в роли метафоры, идиомы и устойчивых сочетаний.

Эмоция	Компонент	Метафора	Устойч.	кол. повтор. в НКРЯ
боль	Сердце	Боль в сердце	метафора	126
слёзы	Глаза	Слёзы в глазах	устойчив.соч.	64
Лёгкость	Душа	Лёгкость на душе	метаф. идиома	7
камень	Сердце	С камнем на сердце	фразеологизм	14

Анализ устойчивых сочетаний и метафор негативных эмоций.

1. Структурные особенности:

Корпусные исследования (НКРЯ) свидетельствуют о высокой частотности устойчивых сочетаний, локализирующих негативные эмоции в теле, преимущественно в сердце и душе, реже в глазах, лице и взгляде. Самые устойчивые и частотные конструкции: «тоска на сердце», «печаль в глазах», «слёзы в глазах» (не метафора), «боль в сердце» (метафорическое выражение).

2. В типологическом отношении выделяются три группы сочетаний:

1) Метафорические выражения («боль в сердце», «лёгкость на душе», «камень на сердце») характеризуются яркой образностью и переносным значением;

2) Фразеологизмы/идиомы («с камнем на сердце», «лёгкость на душе») отличаются устойчивостью и недоступностью прямого перевода;

3) Грамматически прозрачные устойчивые сочетания («тоска на сердце», «грусть на душе») функционируют как целостные семантические единицы.

3. Стилистически большинство подобных сочетаний характерно для литературного и поэтического языка, выражая внутренние переживания персонажей или автора. Отдельные выражения, такие как «грусть на душе», имеют разговорный оттенок.

4. Частотность устойчивых сочетаний в НКРЯ не всегда совпадает с уровнем фразеологичности, но отражает их актуальность в языке. Наиболее часто встречаются метафорические выражения с высокой образностью, такие как «боль в сердце», что подтверждает популярность телесной метафоры в описании эмоций.

5. Функция. Устойчивые сочетания выполняют коммуникативную функцию, передавая эмоциональное состояние, а также культурно-символическую — осмысливают внутренний мир через антропоморфные образы. Идиоматичность способствует формированию узнаваемого эмоционального стиля с национальными и культурными коннотациями в художественных текстах.

Заключение

Анализ устойчивых сочетаний с локализацией печальных эмоций в антропоморфных компонентах показал, что в русском языке телесная и

духовная метафорика является одним из ведущих способов концептуализации внутреннего мира. Наиболее частотны и экспрессивны сочетания с лексемами «сердце», «душа» и «глаза», которые функционируют как метафоры, фразеологизмы и устойчивые семантические единства. Эти конструкции не только передают эмоциональное состояние, но и формируют символическую картину переживаний, отражающую национально-культурную специфику. Выявленная типология сочетаний демонстрирует, что устойчивые номинативные структуры выполняют важную коммуникативную и прагматическую функцию, способствуя художественной выразительности и поддерживая уникальный эмоциональный стиль русскоязычного дискурса.

Литература

- 1- Богданова Л.И. (2024). *Эмоциональный мир человека в отражении русской грамматики*. Язык и ментальность в диахронии. сб. науч. тр. по итогам IV Всерос. науч. семинара для молодых ученых с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения В.В.Колесова. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2024. – с.: 47-57.
- 2- Дмитриева Н.М., Щелгунова Я.В. (2021). *Смысловая наполненность концепта «Печаль» в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго»*. Русская литература в контексте современной культуры. № 2/ 2021, с.: 25- 32.
- 3- Жун ЯО. (2020). *Концепты скука, тоска, грусть и печаль в языковом сознании современной молодёжи*. Неофилология. 2020. Том 6, № 24. С. 737-745.
- 4- Захараенко Е.Н., Комарова Л.Н., Ничаева И.В. (2008). *Новый словарь иностранных слов: свыше 25 000 и словообсочетаний*.- 3-е изд., испр. И доп. – М.: ООО Издательский центр «Азбуковник», 2008.- 1040 с.
- 5- Колесов В.В. (2017). *Грусть-тоска в русском языковом сознании // Мир русского слова*. 2017. №3. С. 5–13.
- 6- Лихач Т.П. (2022). *Концептуализация образа уныния в религиозном сознании восточны славян в ситуации диглоссии*. Вестник МДПУ імя І. П. Шамякіна № 1 (59) 2022. С.: 105-110.
- 7- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. (1999). *Толковый словарь русского языка*. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

- 8- Евгеньева А.П. (1981). - Под ред. Евгеньевой, *Словарь русского языка: в 4-х т.* АН СССР, институт рус.яз. - М.: Русский язык, 1981-1984. Т 1. С-Я. 1981. 696 с.
- 9- Евгеньева А.П. (1984). - Под ред. Евгеньевой, *Словарь русского языка: в 4-х т.* АН СССР, институт рус.яз. - М.: Русский язык, Т 4. С-Я. 1984. 794 с.
- 10- Радбиль Т.Б. (2013). *Основы изучения языкового менталитета : учеб. пособие* / Т.Б. Радбиль. — 3-е изд., стереотипн. — М.: Флинта : Наука, 2013. — 328 с.
- 11- Сивова Т.В. (2024). *Цвет фиалки в цветовой концептосфере русского языка.* Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury, Vol. 12, Issue 1, 2024, Pp: 147-167.
- 12- Снеткова Е.А. (2012). *Проблема дефиниции концептов грусть, печаль.* // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2012. — Т. 1. — № 4. С.: 134-138.
- 13- Старобинский Ж. (2016). *Грех уныния (acedia).* Журнал Вестник культурологии. 2016. С.: 24-25.
- 14- Стернина М.А. (2024). *Язык и национальное сознание: сборник научных трудов. — Вып. 30 /* Науч.ред. М.А. Стернина. — Москва: Издательство «РИТМ», 2024. — 141 с.
- 15- Чеснокова Л.В.(2012). Скука, тоска, хандра: эмоция печали в русской картине мира. журнал Культура. Духовность. Общество, 2012. С.: 167 – 176.
- 16- Шачнев А.В. (2021). *Психология цвета в печатной рекламе.* Журнал Наука, образование и культура. Психологические науки. 2021. С.: 50-51.
- 17- Шмелев А.Д. (2014). *Грусть и печаль: сходства и различия.* Русская речь. 2014. № 1, с.: 44-51.
- 18- Ян Цзы. (2025). *Лексическое выражение концепта «gope/tongku» в русском и китайском языках.* Litera, 2025 – 1. С.: 61-73.

Bibliography

- 1- Bogdanova L.I. (2024). *Emotsional'nyi mir cheloveka v otrazhenii russkoi grammatiki. Iazyk i mental'nost' v diakhronii.* sb. nauch. tr. po itogam IV Vseros. nauch. seminaru dlia molodykh uchennykh s mezhdunar. uchastiem, posviashch. 90-letiiu so dnia rozhdeniia V.V.Kolesova. – Vladimir : Izd-vo VIGU, 2024. –s.: 47-57.
- 2- Dmitrieva N.M., Shchelgunova Ia.V. (2021). *Smyslovaia napolnennost' kontsepta «Pechal'» v romane B. Pasternaka «Doktor Zhivago».* Russkaia literatura v kontekste sovremennoi kul'tury. № 2/ 2021, s.: 25- 32.
- 3- Zhun IaO. (2020). *Kontsepty skuka, toska, grust' i pechal' v iazykovom soznanii sovremennoi molodezhi.* Neofilologiya. 2020. Tom 6, № 24. S. 737-745.
- 4- Zakharaenko E.N., Komarova L.N., Nichaeva I.V. (2008). *Novyi slovar' inostrannykh slov: svyshe 25 000 i slovoobsochetanii.*- 3-e izd., ispr. I dop. – М.: ООО Izdatel'skii tsentr «Azbukovnik», 2008.- 1040 s.

- 5- Kolesov V.V. (2017). *Grust'-toska v russkom iazykovom soznanii* // Mir russkogo slova. 2017. №3. S. 5–13.
- 6- Likhach T.P. (2022). *Kontseptualizatsiia obraza unyniia v religioznom soznanii vostochny slavian v situatsii diglossii*. Vestnik MDPU imia I. P. Shamiakina № 1 (59) 2022. S.: 105-110.
- 7- Ozhegov S.I., Shvedova N.Iu. (1999). *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka*. M.: Azbukovnik, 1999. 944 s.
- 8- Evgen'eva A.P. (1981). - Pod red. Evgen'evoi, *Slovar' russkogo iazyka: v 4-kh t.* AN SSSR, institut rus.iaz. - M.: Russkii iazyk, 1981-1984. T 1. S-Ia. 1981. 696 s.
- 9- Evgen'eva A.P. (1984). - Pod red. Evgen'evoi, *Slovar' russkogo iazyka: v 4-kh t.* AN SSSR, institut rus.iaz. - M.: Russkii iazyk, T 4. S-Ia. 1984. 794 s.
- 10- Radbil' T.B. (2013). *Osnovy izucheniia iazykovogo mentaliteta : ucheb. posobie* / T.B. Radbil'. — 3-e izd., stereotipn. — M.: Flinta : Nauka, 2013. — 328 s.
- 11- Sivova T.V. (2024). *Tsvet fialki v tsvetovoi kontseptosfere russkogo iazyka*. Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury, Vol. 12, Issue 1, 2024, Pp: 147-167.
- 12- Snetkova E.A. (2012). *Problema definitsii kontseptov grust', pechal'*. // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. — 2012. — T. 1. — № 4 . S.: 134-138.
- 13- Starobinskii Zh. (2016). *Grekh unyniia (acedia)*. Zhurnal Vestnik kul'turologii. 2016. S.: 24-25.
- 14- Sternina M.A. (2024). *Iazyk i natsional'noe soznanie: sbornik nauchnykh trudov.* – Vyp. 30 / Nauch.red. M.A. Sternina. – Moskva: Izdatel'stvo «RITM», 2024. – 141 s.
- 15- Chesnokova L.V.(2012). *Skuka, toska, khandra: emotsiia pechali v russkoi kartine mira*. zhurnal Kul'tura. Dukhovnost'. Obshchestvo, 2012. S.: 167 – 176.
- 16- Shachnev A.V. (2021). *Psikhologiya tsveta v pechatnoi reklame*. Zhurnal Nauka, obrazovanie i kul'tura. Psikhologicheskie nauki. 2021. S.: 50-51.
- 17- Shmelev A.D. (2014). *Grust' i pechal': skhodstva i razlichii*. Russkaia rech'. 2014. № 1, s.: 44-51.
- 18- Ian Tszy. (2025). *Leksicheskoe vyrazhenie kontsepta «gore/tongku» v russkom i kitaiskom iazykakh*. Litera, 2025 – 1. S.: 61-73.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Shafaghi Maryam (2025). THE SEMANTIC FIELD OF EXPRESSIVES DENOTING SAD EMOTIONAL STATES. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 13(2), 131-148.

DOI: 10.61186/IARLL.26.7

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/389>

میدان معنایی احساسات دال بر حالات عاطفی اندوهگین / غمگین

مریم شفق^{*۱}

دانشیار گروه زبان روسی دانشگاه علامه طباطبائی،
تهران ایران.

(تاریخ دریافت: ژوئیه ۲۰۲۵؛ تاریخ پذیرش: اوت ۲۰۲۵)

چکیده

این مقاله به بررسی میدان واژگانی-معنایی واژگان احساسی روسی که به حالات عاطفی غم‌انگیز و منفی اشاره دارند می‌پردازد: «скорбь», «горе», «уныние», «тоска», «печаль», «грусть». «скука» و غیره. مواد پژوهشی و تحلیل این مفاهیم مبتنی بر داده‌های آماری «پیکره ملی زبان روسی» است. هدف این مطالعه شناسایی و توصیف تفاوت‌های معنایی، درجات شدت، ویژگی‌های دستوری و سبکی این واژگان و همچنین تداعی‌ها و دلالت‌های فرهنگی آن‌هاست. توجه ویژه‌ای به نقش «грусть» و «печаль» به عنوان هسته معنایی این میدان و همچنین تعامل آن‌ها با حالات عمیق‌تر مانند «горе» و حالات سطحی‌تر مانند «скука» معطوف شده است. این مفاهیم از لحاظ ویژگی‌های زبانی و نقش‌شان در بیان حالات احساسی منفی مورد تحلیل قرار گرفته‌اند. در چارچوب این پژوهش، این مفاهیم در ترکیب با عناصر انسان‌نما مانند «глаз», «сердце» (در معنای حقیقی)، «взгляд» و «душа» و «жизнь» (در معنای مجازی) از «پیکره ملی زبان روسی» استخراج شده‌اند.

واژگان کلیدی: صورت‌های بیانی، معناشناسی، احساسات غمگین، اجزای انسان‌گونه، اندوه، مصیبت، ملال.

1. E-mail: shafaghi@atu.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0003-0244-0651>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی-پژوهشی

CALENDAR SYSTEMS ON “VOYAGE BEYOND THREE SEAS”

Vvedenskii Anton Mikhailovich^{1*}

Senior Researcher St. Petersburg Institute of History of
the Russian Academy of Sciences.

Senior Lecturer at the National Research Institute Higher School of Economics
(HSE) St. Petersburg, Russia

(date of receiving: December, 2024; date of acceptance: July, 2025)

Abstract

The article discusses the calendar systems used by Afanasy Nikitin in his work “Voyage beyond Three Seas”. At the beginning of his journey, Afanasy rarely resorts to calendar dates, but as he moves away from the Russian land, he begins to report on Christian holidays, linking them with the events of his journey. In the fourth year of his journey, Athanasy loses his calendar entries and cannot determine the month and even the day of the week according to the Christian calendar. He begins to recall the correspondence of Christian and Muslim holidays, which is reflected in his narrative. Memories of the proximity of Easter to Eid al-Fitr and St. Peter's Day to Eid al-Adha allow him to determine the time of the Christian Easter rather approximately. This information from Athanasy allowed us to accurately calculate the year when he began his journey (1467), and when he completed it (the end of 1472), and it was not considered earlier than 1468-1474. Athanasy, as can be seen from his notes, clearly feels a certain uncertainty in his calculations, which leads him to celebrate Easter together with Muslims, who celebrate Eid al-Adha at this point of the year. Until Trebizond, which he entered on October 1, 1472, Afanasy Nikitin could not accurately determine the time of Christian holidays. Despite this, he continues to correlate certain Christian and Muslim holidays. Athanasy Nikitin's use of two calendar systems is, of course, due to the loss of his records, which forced him to switch to a relative chronology of his journey, based on the possibilities available to him. Good memory and observation allowed Afanasy Nikitin to get out of a difficult situation and continue celebrating Easter in a situation where its exact date could not be calculated. As a result, for three years (from the beginning of 1470 to the end of 1472), Afanasy Nikitin could not accurately find out the exact dates of Christian holidays.

Keywords: Afanasiy Nikitin, Kurban-Bayram, Uraza-Bayram, Easter, 1467 – 1472.

1. E-mail: 3103104@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4046-8292>

* Corresponding author

КАЛЕНДАРНЫЕ СИСТЕМЫ В «ХОЖЕНИИ ЗА ТРИ МОРЯ»

Введенский Антон Михайлович^{1*}

Старший научный сотрудник,
Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии наук,
Старший преподаватель, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия

(дата получения: декабрь 2024 г.; дата принятия: июль 2025 г.)

Аннотация

В статье рассматриваются календарные системы, которые использовал Афанасий Никитин в своем произведении «Хождение за три моря». В начале своего путешествия Афанасий редко прибегает к календарным датам, однако по мере удаления от русской земли, он начинает сообщать о христианских праздниках, связывая их с событиями своего путешествия. На четвертый год своего пути, Афанасий теряет свои календарные записи и не может определить месяц и даже день недели по христианскому календарю. Он начинает вспоминать соответствие христианских и мусульманских праздников, что отражается в его повествовании. Воспоминания о близости Пасхи к Ураза-байраму и Петрова дня к Курбан-байраму, позволяют ему довольно приблизительно определить время наступления христианской Пасхи. Данный сведения Афанасия позволили нам точно вычислить год, когда он начал свое путешествие (1467 г.), и когда завершил (конец 1472 г.), а никак считалось раньше 1468 – 1474 гг. Афанасий же, что видно из его записей, явно чувствует определенную неуверенность в своих подсчетах, что приводит его к празднованию Пасхи вместе с мусульманами, которые в этот момент года отмечают Ураза-байрам. Вплоть до Трапезунда, в который он попал 1 октября 1472 г., Афанасий Никитин не может точно определить время христианских праздников. Несмотря на это, он продолжает соотносить те или иные христианские и мусульманские праздники. Использование Афанасием Никитиным двух календарных систем связано, безусловно, с потерей его записей, которые вынудили его перейти на относительную хронологию своего путешествия, исходя из имеющихся у него возможностей. Хорошая память и наблюдательность позволила Афанасию Никитину выйти из сложного положения и продолжить отмечать Пасху в ситуации, когда точная ее дата не могла быть рассчитана. В итоге в течении трех лет (с начала 1470 г. до конца 1472 г.) Афанасий Никитин не мог точно узнать точные даты христианских праздников.

Ключевые слова: Афанасий Никитин, Курбан-байрам, Ураза-байрам, Пасха, 1467 – 1472 гг.

1. E-mail: 3103104@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4046-8292>

* Ответственный автор

Введение

«Хождение за три моря» (далее – «Хождение») Афанасия Никитина – один из самых известных памятников древнерусской литературы. Оно было написано самим Афанасием Никитиным – тверским купцом, который на свой страх и риск отправился в далекую Индию, и провел в путешествии шесть лет. Мы узнаем об этом из текста «Хождения», так как путешественник сообщает, что во время путешествия он шесть раз встречал праздник Воскресения Христова.

Однако вопрос о месяце отправления в путешествие Афанасия Никитина в историографии до последнего времени оставался спорным. Главной проблемой был вопрос о том, где Афанасий Никитин отметил свою первую Пасху. «Первый же Велик день взял есми в Каинѣ » - написано в тексте памятника (Хождение 1958. 44). В историографии утвердилось мнение, что Каин/Каина – это, возможно, искаженный «до неузнаваемости» пункт в Ширване или около Каспийского моря. Второй из рассматриваемых в научных работах вариантов локализации местечка Каин/Каина, сводится к тому, что за ним может скрываться город Наин, который, правда, Афанасий Никитин миновал уже после Чебокару, где, как путешественник сообщает, он отметил вторую Пасху. Несмотря на то, что при таком раскладе следует считать, что Афанасий перепутал последовательность тех мест, где он встретил свою первую и вторую Пасху, точка зрения прочно закрепилась в историографии (Петрушевский 1958. 233).

Однако еще И. И. Срезневский рассматривал иную локацию Каина, ведь в одном из списков «Хождения» вместо Каина указан Клин. К сожалению, от этой идеи исследователь отказался (Срезневский 1857. 37 - 38). К этой гипотезе вернулся А. Г. Бобров (Бобров 2023. 191). И, действительно, Афанасий Никитин перед своей поездкой, вероятно, был в Москве, так как в тексте «Хождения» читаем: «и приѣ халъ есми на Кострому ко князю Александру с ыною грамотою великого князя» (Хождение 1958. 33), т.е. у него

было «грамоты» от Ивана Васильевича. Вторым подтверждением того, что он был в Москве, и, видимо, собирал там людей для путешествия, а не только делал это в Твери, является сведение «Хожения» при описании пути путешественника в Дербент, где написано, что «в другом суднѣ » было «6 москвичъ да 6 тверичъ» (Хожение 1958. 12). Вполне логично было бы считать, что при возвращении из Москвы в Тверь или к месту где-то на Верхней Волге, откуда начинался основной путь, Афанасий встретил первую Пасху именно в Клину.

Таким образом, Афанасий Никитин, по всей видимости, отметил свою первую Пасху еще на Руси. Что же касается пяти других Пасх, все они отмечались путешественником вдали от родных берегов: «Первый же Велик день взял есми в Каинѣ [Клин], а другой Велик день въ Чебокару в Маздраньской землѣ , третьей Велик день в Гурмызе, четвертый Велик день взял есми в Ындѣ е з бесермены в Бедерѣ , пятый и Велик день взял в Кельбери от Бедери 10 ковов. В Мошкате же шестой Велик день взял» (Хожение 1958. 44, 48, 49).

Данное описание дало возможность весьма точно определить, где тверской купец находился в момент наступления каждой Пасхи, т.е. в апреле каждого года своего путешествия. В науке не утихают споры о соответствии современных топонимов, с теми, что называет Афанасий в своем «Хожении», правда, с теми местами, где путешественник встретил Пасху есть консенсус. Наверное, только с Чебокаром есть вопросы. Чебокар, как правило, соотносят с Чапакуром в Южном Прикаспии, но полной уверенности в этом нет (Петрушевский 1958. 195). Остальные четыре пункта хорошо известны: «Гурмыз» соотносят с современным островом Ормуз в Ормузском проливе, «Бедер» – название современного города Бидар в индийском штате Карнатака, «Кельбери» является современным Камбатом в штате Гуджарат, «Мошкат» сопоставляют с современным оманским Москатом.

Основная часть

В своей статье мы попробуем затронуть вопрос о календарных системах, которыми пользовался Афанасий Никитин. Если в начале своего пути он использует христианский календарь, соотнося события с православными праздниками, то впоследствии он уже пользуется мусульманским календарем, и только в конце своего путешествия возвращается к христианским календарным реалиям. В тех случаях, когда он соотносит христианские праздники с важными днями иных культурных традиций (не только мусульманских), являются наиболее важными, так как позволяют более точно определить время путешествия Афанасия Никитина.

До последнего времени в историографии была принята точка зрения Л. С. Семенова, который считал, что путешествие Афанасия Никитина происходило в 1468 – 1474 гг. (Семенов 1978. 134 – 148). Датировка Л. С. Семенова пришла на смену гипотезе И. И. Срезневского, считавшего, что путешествие тверского купца состоялось в 1466 – 1472 гг. (Срезневский 1857). Как я покажу ниже, Афанасий Никитин начал свое путешествие в 1467 г.

Афанасий Никитин, описывая первые два года своего путешествия, сообщает лишь о времени, которое он затрачивает на переход из одного пункта в другой и о количестве времени, которое он проводит в одном месте: к примеру, «и тут есми жил в Чебокаре 7 мѣ сяцъ, да в Саре жил мѣ сяцъ в Маздранской земли» (Хождение 1958. 54) или «и шли есмя морем до Мошката 10 днии, а потом до Дѣ гу 4 дни, а потом Кузряту...» (Хождение 1958. 55).

И только по прошествии двух лет странствий, дойдя до острова Ормуза, Афанасий сообщает: «И тут есми взял первый Великъ день, а пришел есми в Гурмыз за **четыре недѣ ли до Велика дни**. А то есми города не всѣ писал, много городов великих. А в Гурмызе есть солнце варно, человек ка сожжет. А в Гурмызе был есми мѣ сяцъ, а из Гурмыза пошел есми за море Индѣ йское по

Велице дни в Радуницу». Есть небольшое разночтение, в списке Ундольского написано, что купец отплыл из «Гурмыза» «в Фомину неделю» (Хождение 1958. 55). То есть данные списка Ундольского чуть более общие, так как Радуницу отмечают во вторник на Фоминой неделе.

Так как это была для Афанасия третья Пасха в пути (он ее здесь называет первой, так как он считает, что уже фактически находится в Индии), а Пасха 1469 г. приходилась на 2 апреля, то мы можем считать, что на остров Ормуз Афанасий прибыл в первую декаду марта, а поехал дальше 12 апреля.

Придя в Чюнер (совр. Джуннар), и, продав жеребца, Афанасий отмечает, что «зима же у нихъ стала с Троицына дни» (Хождение 1958. 55 - 56), т. е. на 50 день после Пасхи – 21 мая в 1469 г. Как отмечает Л. С. Семенов в комментариях, речь идет о муссонных ливнях (Семенов 1999. 546).

В Джуннаре с Афанасиям происходит странная история – хан Джуннара отбирает у него коня и хочет, чтобы тверской купец принял ислам, дав ему на раздумье четыре дня. Ответ тот должен был дать «в Оспожино говейно на Спасов день». Так как речь идет о фиксированном празднике – Яблочном Спасе (Преображение Господне), который приходится на 6 августа, то мы точно знаем, когда эта история произошла. Накануне праздника Преображения Афанасию удалось выкрутиться «приѣ ехал хозяйочи Махмет хоросанецъ, и бил есми ему челом, чтобы ся о мнѣ печаловал. И он ѣ здил к хану в город да меня отпросил, чтобы мя в вѣ ру не поставили, да и жеребца моего у него взял» (Хождение 1958. 37).

После такой сложной ситуации, через 10 дней, Афанасий покидает Джуннар и «ис Чюнѣ ря есмы вышли на Успениев день к Бедерю» (Хождение 1958. 56), т. е. на Успение Пресвятой Богородицы – 15 августа.

Добравшись до Бидара, Афанасий впервые сопоставляет местный праздник с христианским. Он сообщает, что на «память шиха Аладина, а на рускии праздникъ Покровъ святыя Богородицы» происходит в «12 ковахъ» от Бидара

грандиозный ежегодный базар. Также он отмечает, что с Покрова в Индии начинается весна, т. е. с 1 октября. Здесь в тексте «Хожения» начинаются первые хронологические «неувязки». В этом же месте Афанасий пишет, что все сезоны в Индии по 3 месяца, а весна, как было упомянуто выше, по мнению путешественника начинается на 50 день после Пасхи, т. е. 21 мая в 1469 г. Даже если считать, что в этом случае мы видим контаминацию сведений за разные годы, разница между началом зимы и весны не может составлять так много месяцев.

События, произошедшие с Афанасием близ Бидара, как кажется, стали определяющими для его дальнейшей поездки и возможности пользоваться христианским календарем. Как сообщает Афанасий, он отправился в поездку к лингаму: «от Бедери поидох к Первоти ... и шел мѣ сяць... Бутхана же велми великъ, камен, с пол-Твери... к Первотѣ же ѣ здят о великом заговейне» (Хожение 1958. 59 – 60). Что в данном случае имеется в виду под «великим заговением» остается под большим вопросом. Идет ли речь о христианском Великом посте, или о индуистских/мусульманских реалиях – не ясно.

Вернувшись в Бидар «за 15 днии до бесерменского улубагря», Афанасий сообщает, что «Великого ни воскресения Христова не вѣ даю, а по примѣ там гадаю ... были книги со мною взяты с Руси, и то и пограблено, и яз позабыл вѣ ру христианскую и праздниковъ некоторых не помню». (Хожение 1958. 60) Чуть позже он продолжает сетовать на свою судьбу: «уже бо проидоша четыре великия посты и праздники свѣ тлаго воскресения Христова 4, азъ же грѣ шный не вѣ даю что есть Великъ день, или постъ, ни иных праздников, ни среды, ни пятницы; а книгъ отбыль еще въ первомъ грабеже, поидох же до Индѣ и от многия беды» (Хожение 1958. 62)

Очевидно, что Афанасий Никитин утерял возможность использовать христианский календарь. И в дальнейшем мы увидим, что он в течении долгого времени не сможет узнать о христианских праздниках точно, скорее

всего, вплоть до прибытия своего в Трапезунд, правда, будет о них упоминать, припоминая их связь с мусульманскими праздниками.

Данная потеря своих записей привела Афанасия Никитина к новой форме исчисления времени. Он начал отмечать некоторые события своего путешествия по мусульманскому календарю.

Как мы уже упоминали выше, вернувшись в Бидар, и не имея возможности сверяться с христианским календарем, он сообщает, что приехал за 15 дней до «улубагря», а также добавляет, что «Великъ день християнский бывает первее первее бесерменского багрима за 9 днии или за 10» (Хождение 1958. 60). Для него такое соответствие христианского и мусульманского праздников очень важно, так как он принял решение «а как мѣ сяцъ мартъ прошел, и я заговѣ л в недѣ лю з бесермены, и ѣ л по дважды днем хлѣ б да воду, а скорому не ѣ л» (Хождение 1958. 60). Далее тверской купец сообщает, что «Мѣ сяца маиа 1 день Велик день взял есми в Бедере в бесерменском Гундустанѣ , а бесермена баграм взяли в среду мѣ сяца, а заговѣ л есми мѣ сяца априля 1 день».

На наш взгляд, абсолютно очевидно, что Афанасий Никитин не преувеличивает, когда сообщает о невозможности высчитать Пасху и иные христианские праздники. Вспомнив, что в прошлые годы он отмечал Пасху за некоторое время до наступления «баграма», он решил соблюдать пост вместе с мусульманами, и, начав, его 1 апреля, встретил Пасху 1 мая. Как известно, по юлианскому календарю на 1 мая Пасха приходится не может, поэтому вопрос, откуда Афанасий Никитин взял такую невозможную дату Пасхи остается открытым.

Скорее всего, Афанасий Никитин, утратив связь с христианским календарем, просто начал ориентироваться на мусульманский календарь.

В научной литературе до последнего времени считалось, что все упоминания байрама в «Хождении» относятся к празднику Курбан-байрам.

Несмотря на то, что Афанасий Никитин в «Хождении» использует сразу три названия для байрамов: «курбант», «улу» и просто называет его бесерменским, исследователи еще в XIX в. решили, что всё это обозначения одного из байрамов. Связано это было с тем, что «улу» всеми рассматривался как вариант татарского слова «улуг», т. е. 'большой', а «большим» праздником является, конечно, Курбан-байрам.

Однако, тщательный анализ текста «Хождения» позволило нам показать, что термины «улу баграм» и «бесерменский» относятся к другому мусульманскому празднику – Ураза-байраму, который отмечается приблизительно за 70 дней до Курбана-байрама.

В приведенном выше тексте «Хождения» речь у Афанасия Никитина идет именно о празднике Ураза-байрам. Ведь праздник Ураза-байрам предваряется 29 или 30-дневным постом месяца Рамадан. Пост по мусульманскому календарю начинается 1-го числа месяца Рамадан и заканчивается праздником Ураза-байрам в первый день месяца Шавваль. Как кажется, именно поэтому Афанасий Никитин, решившийся поститься вместе с мусульманами, заменяет первые числа месяцев рамадан и Шавваль на привычные для него русские обозначения месяцев – апрель и май.

Интересно объяснить и сетования Афанасия о том, что он не может определить среду и пятницу, чтобы знать постные дни на неделе. У исследователей это вызывает недоумения, ведь узнать дни недели в мусульманской среде не является какой-то проблемой.

Нам представляется, что Афанасий Никитин, потеряв записи, не был уверен в соответствии христианских сред и пятниц с днями недели мусульманского календаря. Это предположение может пролить свет и на странное сведение о том, что по мнению Афанасия Никитина Ураза-байрам близкий к его четвертой Пасхе пришелся на середину месяца (в списке Ундольского – «в среду»). Л. С. Семенов, комментируя это место, пишет, что

Курбан-байрам в 1472 г. «приходился на 19 мая» (Семенов 1999. 547). Теперь понятно, что это не Курбан, а Ураза-байрам, но вряд ли речь идет о середине месяца по христианскому календарю, так как сам Афанасий Никитин пишет, что потерял счет времени. По мусульманскому календарю, как мы отметили выше, Ураза-байрам всегда приходится на первый день месяца. Вероятно, под средой, имеется в виду день недели, однако, как мы знаем, с христианскими днями недели у Афанасия Никитина тоже проблемы. Так как события перед и после четвертой для путешественника Пасхи следует датировать 1470 г., а не 1472 г., то интересно отметить, что 1 шаввала пришелся в тот год на вторник по мусульманскому календарю. И если мусульманская неделя начинается с субботы (вернее с вечера пятницы), то вторник и будет серединой недели. Это, как кажется, вполне возможное объяснение.

Далее Афанасий сообщает, используя сведения мусульманского календаря, что «на баграм на бесерменский выехал султан на теферич» без какого-либо дополнительного комментария. Речь, видимо, идет о Ураза-байраме. Далее Афанасий пишет, что Мелик-ат-туджар вернулся в Бидар «на курбантъ баграм, а по-русскому на Петров день» (Хождение 1958. 46). Данное сообщение подтверждает тот факт, что тверской купец использует разные слова для обозначения байрамов, а также связывает Ураза-байрам со временем близким к Пасхе, а Курбан-байрам с Петровым днем, который по христианскому календарю отмечается 29 июня.

Данные сведения Афанасия Никитина о соотносительности Ураза-байрама с Пасхой, а Курбан-байрама с Петровым днем, позволяют определить точные годы путешествия тверского купца. Если посмотреть на какие числа приходились все четыре праздника в конце 1460-х – начале 1470-х гг., то мы увидим, что разница между Пасхой и Ураза-байрамом никогда не составляли 9 – 10 дней, а Курбан-байрам не приходился на Петров день, однако попарная близость этих христианских и мусульманских праздников в 1468 и 1469 гг.

бросается в глаза. Пасха 1468 г. пришлось на 17 апреля, а Ураза-байрам на 24 апреля – 8 дней разница. В 1469 г. Пасха была 2 апреля, а мусульманский праздник Ураза – 14 апреля, т. е. 12 дней между ними. Курбан-байрам в 1468 г. был 1 июля, а 1469 г. - 21 июня.

Как представляется, Афанасий Никитин, потеряв свои календарные записи перед своей четвертой Пасхой, вспоминал соотношение праздников в предыдущие годы. Он, видимо, помнил, что между Ураза-байрамом и Пасхой чуть больше недели, но точно не был уверен сколько, и пришел к среднему арифметическому. Что же касается соотношения между Курбан-байрамом и Петровым днем, то и здесь память его слегка подвела. Он вспомнил, что праздники находятся рядом, однако в 1468 г. Курбан-байрам отмечался на третий день после Петрова дня, но так как Курбан-байрам отмечается несколько дней, то какой день Афанасий Никитин посчитал за праздничный – неизвестно. В 1469 г. Курбан-байрам предшествовал христианскому празднику, и вполне вероятно, что при наступлении Петрова дня, мусульманский праздник еще отмечался. На наш взгляд, Афанасий Никитин в 1470 г. вспоминал реалии двух последних лет своего путешествия, и попарная близость мусульманских и христианских праздников в 1468 и 1469 гг. вкуче с ошибками памяти привела тверского купца к почти точным выводам о соотношении праздников. Следовательно, Афанасий Никитин начал свой путь в 1467 г. (см. подробнее: Введенский 2024).

Через несколько предложений после того, как Афанасий Никитин сообщил, что Петров день отмечается тогда же, когда и Курбан-байрам, он упоминает выезд Мелик-ат-Туджара, который «выехалъ воевати *индѣ янин с ратию своею из града Бедеря* на память шиха Аладина, а по-русскому на Покров святыя Богородица» (Хождение 1958. 47), а еще чуть ниже купец пишет про султана, который выехал из города «Бедеря» на восьмой месяц после Пасхи. Л. С. Семенов, комментируя второе сообщение, пишет, что из переписки

Махмуда Гавана устанавливается, что султан «выступил в поход на Белгаон 15 марта 1473 года» (Семенов 1999. 548). Почему Л. С. Семенов посчитал, что это именно данный поход – остается малопонятным. Л. С. Семенов считал, что Афанасий отправился в путешествие в 1468 г., и четвертая Пасха в Бидаре, по мнению Л. С. Семенова, для Афанасия наступила в 1472 г. Также автор считал, что Афанасий отметил эту Пасху 1 мая в неположенный срок. Как объясняет автор восьмимесячную разницу между 1 мая и 15 марта следующего года из комментария не ясно.

Мы предполагаем, что восьмой месяц после Пасхи следует отсчитывать от Ураза-байрама 3 апреля 1470 г., раз Афанасий отметил Пасху вместе с мусульманами, потеряв возможность высчитать «Велик день» правильно.

Что касается похода Мелик-ат-Туджара, то здесь, что-либо сказать еще сложнее. Афанасий уже, как мы писали выше, придя в Бидар, упоминал данный праздник, посвященный шейху Алаеддину, и его соответствие с христианским Покровом, но чуть позже он же писал, что мусульманский праздник отмечается через две недели после Покрова. Скорее всего, он помнил по прошлому 1469 г., что время празднования Покрова близко к дню шейха Алаеддина, и это сообщил повторно, отметив начало похода Мелик-ат-Туджара, руководствуясь наступлением мусульманского праздника. В любом случае, сообщение о данном походе предшествует описанию похода султана, который, по нашему мнению, состоялся где-то в декабре, если отсчитывать 8 месяцев от начала апреля. Поэтому можно предполагать, что поход Мелик-ат-Туджара состоялся в октябре 1470 г.

В начале 1471 г. Афанасий Никитин «възмыслих ся на Русь». Афанасий вышел из Бидара «за мѣ сяць до улу багряма» (Хождение 1958. 48). Ураза-баграм 1471 г. отмечался 23 марта, следовательно тверской купец покинул Бидар в конце февраля и встретил свою пятую Пасху в «Кельбери» «говѣ х з бесермены и розговѣ хся с ними» (Хождение 1958. 48). Л. С. Семенов,

считавший, что речь идет о Курбан-байраме 1473 г., который приходился на начало мая, отметил, что Афанасий отметил Пасху опять не в срок. Пасха же 1471 г. приходилась на 14 апреля, но, видимо, Афанасий отметил ее несколько раньше.

Также Афанасий сообщает, что султан и Мелик-ат-Туджар вернулись из похода через 15 дней после Ураза-байрама (Хожение 1958. 66), т. е. в конце первой декады апреля. Афанасий Никитин пишет, что 5 месяцев провел в Каллуре, а дальше отправился в Дабхол, и отплыл оттуда в Эфиопию «до Велика дни за 3 мѣ сяца бесермѣ нского говѣ ина» (Хожение 1958. 66). Так как Афанасий уже два года перед этим отмечал Пасху во время мусульманского Ураза-байрама, то, вероятнее всего, он ориентировался на него и в этот раз. Ураза-байрам 1472 г. пришелся на 12 марта, и, видимо, в Эфиопию он отплыл во второй декаде декабря, за три месяца, как кажется, до конца Рамадана, а не его начала.

Вернулся он в Москат, видимо, к началу марта, где его и застала, по его мнению, шестая Пасха (Пасха 1472 г. пришлась на 29 марта). Далее Афанасий подробно описывает свой путь до «Трепизона», куда он пришел на Покров пресвятой Богородицы, т. е. 1 октября, и, видимо, в этом упоминании мы должны видеть правильную датировку христианского праздника, никак не связанную с мусульманским календарем. Конечно, в Трапезунде (совр. Трабзоне) он смог найти людей, которые ему подсказали точную дату по христианскому календарю. Далее он отправляется в Кафу (совр. Феодосия) и сообщает, что прибыл туда «за 9 дни до Филипова заговѣ нна», т. е. 6 ноября.

Заключение

Афанасий Никитин в своем «Хожении» использует обе календарные системы: мусульманскую и христианскую. Путешественник в начале не часто сообщает о христианских праздниках, которые он отмечает во время своего

пути, а также молчит о календарных датах. Но постепенно отдаляясь от родной земли, он начинает в своих записях прибегать для исчисления времени к христианским праздникам. Потеряв в начале 1470 г. возможность сверяться с христианским календарем, он начал вспоминать соответствия мусульманских и христианских праздников за прошлые годы своего путешествия, что помогло ему приблизительно определить время Пасхи и соотнести некоторые другие христианские праздники с мусульманскими. Но для Афанасия это оказалось не так просто, и основные свои расчеты он ведет, исходя из дат мусульманского календаря. Только доехав до Трапезунда, он смог вернуться к христианскому календарю, но совсем скоро его записи обрываются, и мы узнаем только точную дату его приезда в Кафу – 6 ноября 1472 г.

Литература

- 1- Введенский А. М. (2024). *Датировка путешествия Афанасия Никитина за три моря: новый взгляд*, Slovene. International Journal of Slavic Studies. Том 11, №2. С. 72 – 82.
- 2- Бобров А. Г. (2023). *Ефросин Белозерский в поисках рая*, Москва, Изд-во «Алетейя».
- 3- Лурье Я. С., Семенов Л. С. (1999). *Комментарии к «Хождению за три моря» Афанасия Никитина*, Библиотека литературы Древней Руси, Т. 7. Санкт-Петербург, Изд-во «Наука», С. 544 – 548.
- 4- Петрушевский И. П. (1958). *Комментарий географический и исторический, Хождение за три моря Афанасия Никитина, 1466 – 1472*. Москва, Ленинград, Изд-во Академии наук СССР, С. 187 – 251.
- 5- Семенов Л. С. (1978). *К датировке путешествия Афанасия Никитина, Вспомогательные исторические дисциплины* Т. 9, Москва, Изд-во «Наука», С. 134 – 148.
- 6- Срезневский 1857 Срезневский И. И. (1857). *Хождение за три моря Афанасия Никитина в 1466 – 1472 гг.*, Москва, Типография императорской Академии наук.
- 7- *Хождение за три моря Афанасия Никитина, 1466 – 1472* (1958). Москва, Ленинград: Изд-во Академии наук СССР.

Bibliography

- 1- Vvedenskii A. M. (2024). *Datirovka puteshestviia Afanasiia Nikitina za tri moria: novyi vzgliad*, Slovene. International Journal of Slavic Studies. Tom 11, №2. S. 72 – 82.
- 2- Bobrov A. G. (2023). *Efrosin Belozerskii v poiskakh raia*, Moskva, Izd-vo «Aleteiia».
- 3- Lur'e Ia. S., Semenov L. S. (1999). *Kommentarii k «Khozhdeniiu za tri moria» Afanasiia Nikitina*, Biblioteka literatury Drevnei Rusi, T. 7. Sankt-Peterburg, Izd-vo «Nauka», S. 544 – 548.
- 4- Petrushevskii I. P. (1958). *Kommentarii geograficheskii i istoricheskii, Khozhenie za tri moria Afanasiia Nikitina, 1466 – 1472*. Moskva, Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR, S. 187 – 251.
- 5- Semenov L. S. (1978). *K datirovke puteshestviia Afanasiia Nikitina, Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny* T. 9, Moskva, Izd-vo «Nauka», S. 134 – 148.
- 6- Sreznevskii 1857 Sreznevskii I. I. (1857). *Khozhenie za tri moria Afanasiia Nikitina v 1466 – 1472 gg.*, Moskva, Tipografiia imperatorskoi Akademii nauk.
- 7- *Khozhenie za tri moria Afanasiia Nikitina, 1466 – 1472* (1958), Moskva, Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Vvedenskii Anton Mikhailovich (2025). CALENDAR SYSTEMS ON “VOYAGE BEYOND THREE SEAS”. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 13(2), 149-164.

DOI: 10.61186/IARLL.26.8

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/335>

سیستم‌های تقویم در «گذر از سه دریا»

آنتون میخائیلویچ و دنسکی^{*}

پژوهشگر ارشد، انستیتو تاریخ سن پترزبورگ فرهنگستان علوم روسیه،
هیأت علمی مدرسه عالی اقتصاد، دانشگاه پژوهش‌های ملی،
سن پترزبورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: دسامبر ۲۰۲۴؛ تاریخ پذیرش: ژوئیه ۲۰۲۵)

چکیده

این مقاله سیستم‌های تقویمی را مورد بحث قرار می‌دهد که آفاناسی نیکیتین در اثر خود «گذر از سه دریا» استفاده کرده است. در ابتدای سفر، آفاناسی به ندرت به تاریخ‌های تقویم متوسل می‌شود، اما با دور شدن از خاک روسیه، شروع به گزارش درباره تعطیلات مسیحی می‌کند و آنها را با رویدادهای سفر خود مرتبط می‌کند. در سال چهارم سفر، آفاناسی رکوردهای تقویم خود را از دست می‌دهد و نمی‌تواند ماه یا حتی روز هفته را بر اساس تقویم مسیحی تعیین کند. او شروع به یادآوری مکاتبات بین تعطیلات مسیحی و مسلمانان می‌کند که در روایت او منعکس شده است. خاطرات نزدیکی عید پاک به عید فطر و روز پطرس با کوربان بایرام به او این امکان را می‌دهد که تقریباً زمان شروع عید پاک مسیحی را تعیین کند. این اطلاعات آفاناسی به ما این امکان را می‌دهد که سال شروع سفر خود (۱۴۶۷) و زمان تکمیل آن (پایان ۱۴۷۲) را به طور دقیق محاسبه کنیم و به هیچ وجه زودتر از ۱۴۶۸ – ۱۴۷۴ محاسبه نشده است. آفاناسی، همانطور که از یادداشت‌هایش پیداست، به وضوح در محاسبات خود احساس عدم اطمینان می‌کند، که باعث می‌شود عید پاک را همراه با مسلمانانی که در این نقطه از سال عید قربان را جشن می‌گیرند، جشن بگیرند. آفاناسی نیکیتین تا قبل از ترابزون که در ۱ اکتبر ۱۴۷۲ وارد آن شد، نمی‌توانست زمان تعطیلات مسیحی را دقیقاً تعیین کند. با وجود این، او همچنان به ارتباط برخی از تعطیلات مسیحی و مسلمانان ادامه می‌دهد. استفاده آفاناسی نیکیتین از دو سیستم تقویم البته با از دست دادن سوابق او همراه است، که او را مجبور کرد تا بر اساس امکاناتی که در اختیار داشت، به گاهشماری نسبی سفر خود روی آورد. حافظه خوب و مشاهده به آفاناسی نیکیتین اجازه داد تا از یک موقعیت دشوار خارج شود و در شرایطی که تاریخ دقیق آن قابل محاسبه نبود به جشن عید پاک ادامه دهد. در نتیجه، به مدت سه سال (از آغاز سال ۱۴۷۰ تا پایان سال ۱۴۷۲)، آفاناسی نیکیتین نتوانست به طور دقیق تاریخ تعطیلات مسیحی را دریابد.

واژگان کلیدی: آفاناسی نیکیتین، عید قربان، عید فطر، عید پاک، سال‌های ۱۴۶۷ – ۱۴۷۲.

1. E-mail: 3103104@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4046-8292>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی- پژوهشی

ON THE ISSUE OF SELECTING CULTURE- SPECIFIC LANGUAGE UNITS FOR TEACHING RUSSIAN LANGUAGE IN IRAN

Kalashi Nahideh^{1*}

Assistant professor, Department of Russian Language, Faculty of Literature, Alzahra University,
Tehran, Iran.

Brem Natal'ia S.²

Associate professor, Department of Russian Language, Novosibirsk Higher Military Command School,
Novosibirsk, Russia.

(date of receiving: February, 2025; date of acceptance: July, 2025)

Abstract

Language, being an integral element of culture, emphasizes the most unique in it. In order for Iranian students to fully master socio-cultural competence, it is necessary to acquaint them with the peculiarities of language use within the framework of a new culture. The purpose of this article was to develop and substantiate the procedure for selecting vocabulary with a national-cultural component, which should be introduced to Iranian students in a Russian language lesson at the middle stage of education. The leading research method was an open associative experiment, in which 49 native Persian speakers took part. Iranian associations were compared with associations from the Russian Regional Associative Dictionary, and the number of matching associations was counted for each stimulus. Based on the obtained results, conclusions were made about the need for linguacultural commentary when studying these words at the middle stage of education. Among the culturally specific units we selected, 17% of the stimuli revealed a significant similarity in the associative reactions of Russian and Iranian respondents. They caused 65-80% identical associations, demonstrating the similarity of the national-cultural semantics of these words. Another 7 stimuli (24%) caused 40-65% overlapping reactions, 12 stimuli (41%) caused 20-40% similar reactions, 5 words (17%) activated little or no similar associations in native speakers of Russian and Persian. In our opinion, the comparison of associative fields can be recommended as an effective method for selecting culturally specific vocabulary when teaching Russian according to the first certification level program.

Keywords: Vocabulary with National-Cultural Elements of Meaning, Culturally Specific Vocabulary, Socio-Cultural Competence, Linguacultural Approach, Teaching Russian as a Foreign Language (TRFL), Associative Experiment.

1. Email: n.kalashi@alzahra.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0001-8691-3959> * Corresponding author

2. Email: natasha.brem@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-6793-7154>

К ВОПРОСУ ОБ ОТБОРЕ КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ИРАНЕ

Калаши Нахидех^{1*}

старший преподаватель кафедры русского языка факультета
литературы, Университет Альзахра,
Тегеран, Иран

Брем Наталья Сергеевна²

доцент кафедры русского языка, Новосибирский государственный
технический университет,
Новосибирск, Россия.

(дата получения: февраль 2025 г.; дата принятия: июль 2025 г.)

Аннотация

Язык, являясь неотъемлемым элементом культуры, подчеркивает самое уникальное в ней. Для того чтобы иранские учащиеся в полной мере овладевали социокультурной компетенцией, необходимо знакомить их с особенностями использования языка в рамках новой для них культуры. Целью данной статьи было разработать и обосновать процедуру отбора лексики с национально-культурным компонентом, с которой следует знакомить иранских учащихся на уроке русского языка на среднем этапе обучения. Ведущим методом исследования стал ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 49 носителей персидского языка. Иранские ассоциации были сопоставлены с ассоциациями из Русского регионального ассоциативного словаря, и для каждого стимула было подсчитано количество совпадающих ассоциаций. На основе полученных результатов сделаны выводы о необходимости лингвокультурологического комментария при изучении этих слов на среднем этапе обучения. Среди отобранных нами культурно-специфических единиц, 17% стимулов обнаружили существенное сходство ассоциативных реакций русских и иранских респондентов. Они вызвали 65-80% идентичных ассоциаций, демонстрируя схожесть национально-культурной семантики данных слов. Еще 7 стимулов (24%) вызвали 40-65% пересекающихся реакций, 12 стимулов (41%) вызвали 20-40% схожих реакций, 5 слов (17%) активировали мало или вовсе не вызвали никаких схожих ассоциаций у носителей русского и персидского языков.

На наш взгляд, сопоставление ассоциативных полей можно рекомендовать как эффективный метод отбора культурно-специфической лексики при обучении русскому языку по программе первого сертификационного уровня.

Ключевые слова: лексика с национально-культурными элементами значения, культурно-специфическая лексика, социокультурная компетенция, лингвокультурологический подход, РКИ, ассоциативный эксперимент.

1. Email: n.kalashi@alzahra.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0001-8691-3959> * Ответственный автор

2. Email: natasha.brem@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-6793-7154>

Введение

Ключевой задачей обучения иностранному языку является развитие иноязычной коммуникативной компетенции и формирования позитивного отношения к общению на изучаемом языке. Овладевая русским языком как средством общения, иранские студенты сталкиваются с отличной от их собственной языковой картиной мира, «на основе собственного культурного опыта они приобретают индивидуальные языковые ресурсы, которые позволяют им понимать и интерпретировать мир по-своему» (Kalanzadeh et. al, 2022). Как замечает Дж. Ф. Куанг (Kuang 2007. 75): «Язык – носитель культуры, а культура – содержание языка». Поэтому решение насущной задачи обучения языку как средству межкультурного общения заключается в со-изучении языка и культуры.

В методике РКИ сделано уже немало для организации успешного овладения социокультурной компетенцией, особенно, если говорить о её теоретической разработке, начатой, как известно, работами В. Г. Костомарова и Е. М. Верещагина (1976). Здесь также необходимо упомянуть научные труды и практические пособия В.В. Воробьёва (2008), Г. Д. Томахина (1999), Ю. С. Степанова (2001), С. Г. Воркачева (2007) по выявлению интегральных и дифференциальных культурологически значимых компонентов, контактирующих в учебной межкультурной коммуникативной компетенции языков.

Знание культуры означает умение понимать различные смыслы в языке (Holme 2003). Именно поэтому чтобы вовлечь студентов в активный диалог культур, нам нужно обучать их не только реалиям страны (исторические факты, искусство, традиции, национальные обычаи и т.д.) (Karlik 2023), но и точным значениям культурно-специфических слов – лексики, которая на первый взгляд кажется похожей на слова родного языка, однако имеет национальный оттенок (Фаттахова 2022).

Эта идея находит подтверждение на практике. Опрос преподавателей русского языка как иностранного в Иране показал, что слова и выражения, имеющие культурно-специфический оттенок, представляют особую сложность для учащихся, что можно заметить как в заданиях на понимание, так и на продуцирование текстов (Калаши 2020). Все вышеперечисленное вызывает необходимость искать новые пути формирования полноценной социокультурной компетенции, которая, пока, к сожалению, является целью обучения лишь в теории и не обеспечена соответствующими учебными ресурсами, не говоря уже о готовности самих преподавателей к реализации такой цели.

Цель данной статьи – наметить пути отбора культурно-специфических слов для иранских учащихся, обучающихся по программе первого сертификационного уровня.

Основная часть

Национально-специфическая лексика на уровне B1

Как известно, основной целью обучения иностранному языку (РКИ) на среднем этапе (B1) является способность общаться на бытовые социально-культурные и учебно-профессиональные темы.

Учащийся должен уметь:

- понимать основную мысль простого повествования в известных ему областях (Nagai et. al, 2018);
- конструировать грамматически правильные формы и синтаксические построения;
- понимать смысловые отрезки в речи, организованные в соответствии с нормами русского языка, и использовать их в том значении, в котором они употребляются носителями языка в изолированной позиции (Азимов, Щукин 1999).

Словарный объем Первого сертификационного уровня составляет 2300 слов. Разумеется, прежде всего в лексический минимум этого уровня были введены «базовые понятия, которые отражают необходимые стороны жизни человека» (Андрюшина 2011).

Вообще стоит сказать, что проблема отражения в лексических минимумах лингвокультурологической компетенции исследована слабо: нет чётких критериев отбора национально-специфических единиц, «неясно, насколько велик должен быть минимально достаточный список этих единиц на каждом уровне владения РКИ» (Там же). Кроме того, исходя из определения, список культурно-специфической лексики для разных языковых пар должен состоять из разных понятий (см. например, Solovyev 2024), Mamutova 2023), (Dabbagh 2023), (Kline 2023)).

В классическом понимании культурно-специфической лексикой считаются безэквивалентные лексические единицы, обозначающие объекты, идеи и другие феномены, уникальные для данного языкового сообщества (Tomaszczyk 1983), и коннотативная (фондовая) лексика, то есть пары слов, различающиеся лексическим фоном. Таким образом, национально-обусловленными как правило являются слова, обозначающие факты истории и государственного устройства, реалии социальной жизни, административного деления, этнографические и фольклорные понятия (Виноградов 1977). Часто к данному слою лексики относятся слова из области экологии, материальной культуры, слова, обозначающие виды деятельности, жесты и привычки (Newmark 1988).

При включении такой лексики в учебный процесс разные авторы руководствуются, например, такими критериями:

- частотность,
- стилистическая окрашенность (нейтральность),
- страноведческая ценность (Шафии 2010.173),

- коммуникативная ценность (Андрюшина 2011),
- образовательная и воспитательная ценность (Цуй 2022).

Вполне логичным основанием для использования безэквивалентной лексики в учебных целях кажется возможность комбинирования с другими лексическими единицами, которые студенты уже знают (Цуй 2022).

А главное, ознакомление учащихся с культурно-обусловленными значениями отдельных слов видится целесообразным, если конкретные лексические единицы «отличаются в достаточной степени, чтобы потенциально создавать коммуникативные проблемы» (Giacomini & DiMuccio-Failla 2022).

Несмотря на перечисленные трудности включение лингвокультурологического комментария на среднем этапе обучения представляется нам важной задачей, поскольку именно формирование «представлений о языковых единицах, отражающих русскую национальную картину мира и особенностях ментально-лингвального комплекса» способствует развитию языковой личности учащихся и сделает их полноценными участниками межкультурной коммуникации (Красных 2002. 12).

Материалы и методы

Ведущим методом исследования стал ассоциативный эксперимент. В исследовании приняли участие 49 носителей персидского языка. На начальном этапе эксперимента из Лексического минимума (Андрюшина 2013) была эмпирически отобрана коннотативная лексика, лексический фон которой очевидным образом отличается в русском и персидском языках. Всего была выделена 121 лексическая единица, классифицированная по следующим позициям: предметы быта, межличностные отношения, этнографические реалии, экология, социальные структуры, имена и названия, моральные концепты, речевой этикет. На следующем этапе из данной лексики был

составлен список стимулов. Критериями отбора стимулов стали следующие положения:

- 1) слова имеют прямой перевод с русского языка на персидский и наоборот;
- 2) обозначаемые объекты существуют в иранской культуре;
- 3) слова обозначают предметы современного мира и используются в повседневной коммуникации на русском языке;
- 4) слова могут быть сопоставлены с соответствующими ассоциациями из Русского регионального ассоциативного словаря (РРАД) (2014).

В результате было отобрано 29 стимулов : روزنامه газета, مو ریش борода, مو волосы, نظامی военный, دکتر врач, باله балет, برادر брат, همسر жена, زن женщина, خدا бог, سگ собака, جاده дорога, آب вода, انستیتو институт, روستا деревня, زمستان советский, کارخانه завод, نام خانوادگی фамилия, درخت توس береза, نوازى مهمان гостеприимство, مهمان гость, خانه дом, دوست حقیقت правда.

На следующем этапе был проведен опрос. Учитывая практические рекомендации по проведению ассоциативных экспериментов (Горошко 2001), (Серкин 2016), стимулы предъявлялись испытуемым на их родном языке (персидском). Список стимулов был предложен испытуемым в дистанционном формате – в Google формах, испытуемые были проинструктированы отвечать письменно первой пришедшей на ум словесной реакцией, на своем родном языке, учитывая временной лимит – 5 минут на заполнение опросника; на каждый стимул необходимо было предоставить одну вербальную реакцию. Испытуемыми стали 14 мужчин и 35 женщин, в возрасте от 20 до 54 лет, проживающие в разных городах Ирана. Никто из респондентов не имел опыта изучения русского языка.

Следуя принципу минимально вмешательства, все реакции были оставлены в том виде, в котором их написали испытуемые. При обработке данных

концепты, выраженные разными частями речи или на разных языках, считались как разные слова (например, добрый (1), доброта (1)). Однако несколько ответов были исключены из выборки, в частности 12 ошибочных ассоциаций на слово «балет» (некоторые респонденты спутали это слово с омографом «крыло (птицы, самолета), плавник».

Результаты

Результаты опроса содержат 893 слова и выражения. Ответы испытуемых были переведены с персидского и представлены в статье на русском языке. Результаты опроса были сопоставлены с «ядерными ассоциациями» из РРАС (Уфимцева, Черкасова 2014), то есть самыми частотными и устойчивыми ассоциациями (Навильникова, 2009).

Как и ожидалось, большой процент реакций как в опросе, так и в РРАС составили ассоциации по сходству и контрасту (Рис. 1, 2).

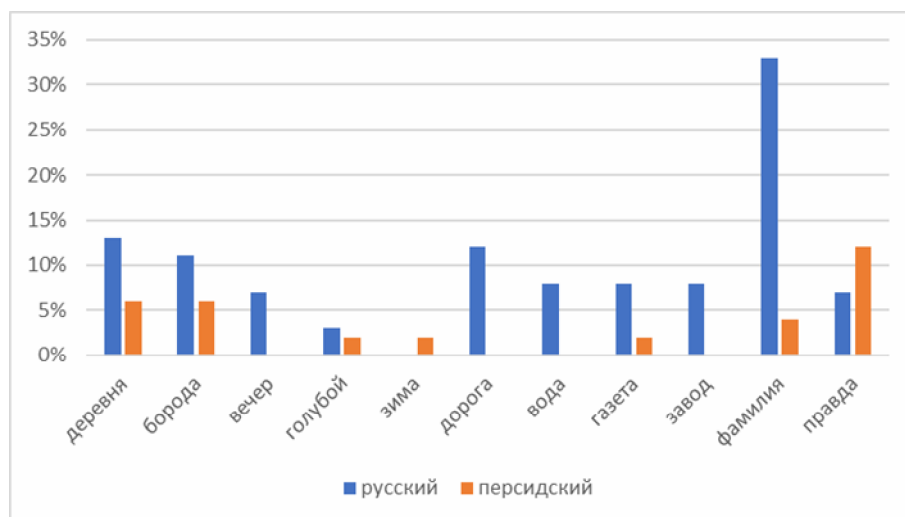

Рис. 1: Ассоциации по сходству: РРАС – голубым, опрос – оранжевым

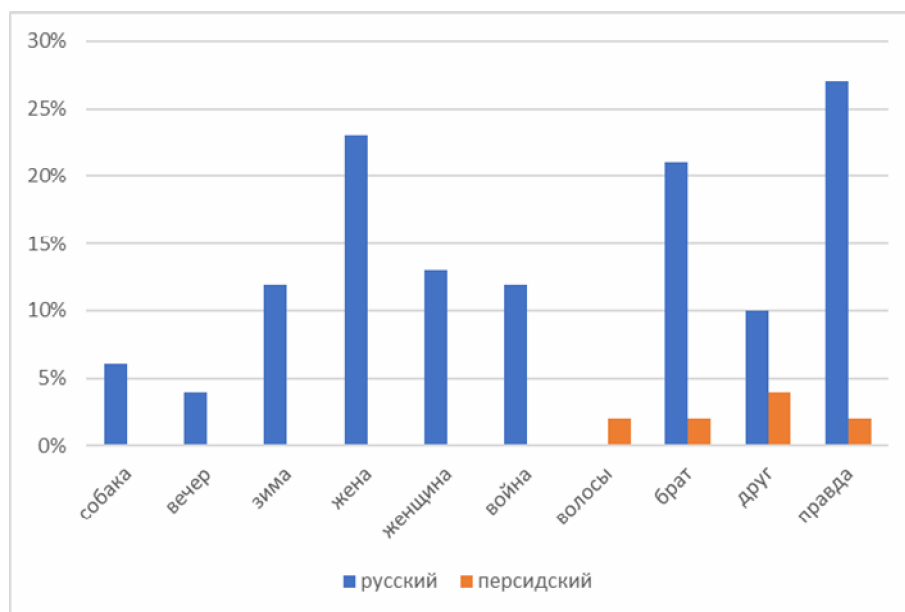

Рис. 2: Ассоциации по контрасту: РРАС – голубым, опрос – оранжевым

Кроме того, результаты опроса содержат: 90 имен собственных; 3 идиомы; 3 ассоциации по графическому сходству (береза - طوس/توس, медведь - خروس/خرس, балет – بال/باله); 4 ассоциации на иностранном языке. Ядерные ассоциации РРАС содержат: 9 идиом; 9 имен собственных; 1 химическую формулу. Результаты были разделены по степени сходства персидских и русских реакций на 4 категории: стимулы, на которые было получено менее 20% идентичных ассоциаций; стимулы, на которые было получено 20-40%; стимулы, на которые было получено 40-65%; более 65% идентичных ассоциаций (Рисунок 3).

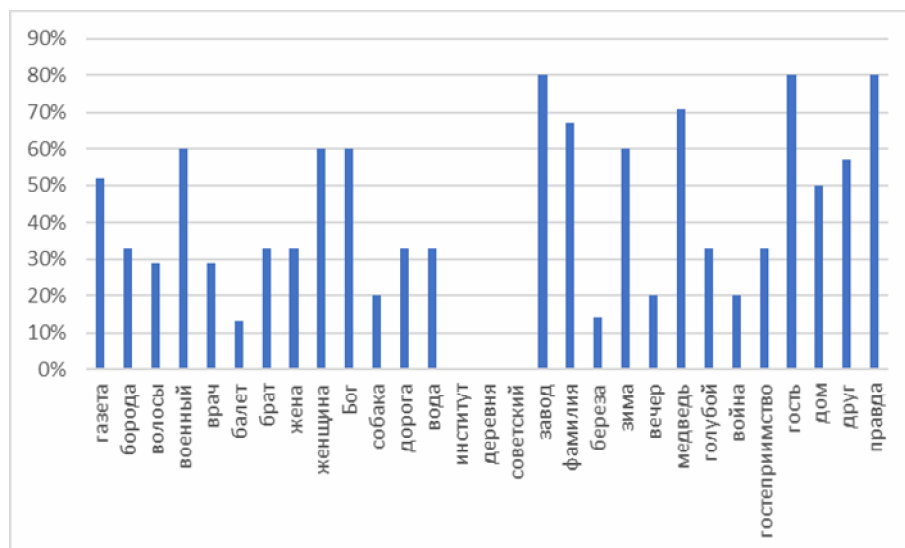

Рис. 3: Пересекающиеся реакции

Обсуждение результатов

Первая категория слов представлена стимулами, на которые российские и иранские ответы содержат минимальное количество схожих ассоциаций. Это стимулы *институт*, *деревня* и *советский* (нет идентичных ассоциаций), а также стимулы *береза* и *балет* (менее 20% идентичных ассоциаций).

Самой частотной ассоциацией на слово *деревня* у российских респондентов было «бабушка» (23) и «коровы» (18); еще 18 респондентов связали этот стимул с сериалом «Деревня дураков». У иранцев деревня ассоциировалась не с коровами, а с овцами (1); 8 ответов содержат название деревень. Многие иранские ассоциации представлены абстрактными понятиями, связанными с духовной красотой, хорошей погодой, зеленым.

На стимул *советский* большинство российских ассоциаций были атрибутивными: *Союз* (141); *человек* (39); *период* (20); *фильм* (19). В иранских реакциях данный тип ассоциаций не представлен, зато результаты опроса в

Иране содержат 7 имен собственных: Россия (8), Ленин (1), Горбачев (3), Азербайджан (2), бывший СССР (2), Армения (1), Путин (1).

Слово *советский* вызвало негативные ассоциации, относящиеся к войне, коммунизму, жестокости и обману.

Иранские респонденты также связали стимул *советский* с: внешностью (светлые волосы (1)); географией (большой (2), сосед Ирана на карте (1), иностранный (1)).

На стимул *институт* все реакции РРАС относятся к концепту «образование»: изучение (71); образование (21); знание (18); университет (17). Реакции иранцев распределились между тремя концептами: образование (например: факультет (1), университетский компьютер (1)), исследовательские институты (например: Иранский институт Пастора (1), лаборатория (1), тест (1)), здоровье и красота (клиника (1), парикмахер (1), красота (4)). Примечательно также количество отказов (отказами считались ответы «не знаю» и отсутствие ответа). Доля отказов в ответах на стимул *институт* составила 20%, при том, что среднее количество отказов в опросе составило 2,9 (6%).

Стимулы, на которые было получено менее 20% идентичных реакций: *береза* и *балет*. Реакции русских на слово *балет* были более конкретными, чем иранцев: например, российская реакция – *пачка* (35), иранская реакция – *одежда в сеточку* (1); реакция русских – *балерина* (22), реакция иранцев – *танцовщица* (1), *девушка* (2). Реакции русских содержат название балета «*Лебединое озеро*» (21); и имя балерины – *Волочкова* (19). Ассоциации иранцев не содержат имен собственных. В ответ на стимул *береза* значительную часть ассоциаций русских составляют слова *белая* (61) и *Россия* (53). Многие реакции связаны с лесом. Помимо этого, 21 реакция – *березовый сок*.

Реакции иранцев относятся к понятиям «Природа» и «Красота и наслаждение». В ответах также содержится одно имя собственное Мешхед

(город в Иране: название города графически схоже со словом «береза») (3). Отказы составили 47%.

Стимулы *собака, вечер, война* вызвали 20% пересекающихся ассоциаций. А стимулы *борода, волосы, врач, брат, жена, дорога, вода, голубой, гостеприимство* вызвали 20-40% пересекающихся ассоциаций. Данные понятия характеризуются большей схожестью в русском и персидском языках, однако результаты исследования показывают, что эти слова подразумевают специфический социокультурный и исторический контексты. Для иллюстрации приведем несколько примеров.

Реакции русских на слово *вечер* содержат две атрибутивные ассоциации теплый (40) и тихий (23); и 18 ассоциаций по смежности – *сумерки*. Ассоциации иранцев более разнообразны. Обычно они связаны с расслаблением и досугом, например: чай (8), кофе (1), Фалуде (персидский десерт) (1). Вечер также ассоциируется с закатом (4), прохладой (1), намазом (2). Вечер связывают с окончанием работы и дорогой домой. Иранские респонденты также связали стимул *вечер* с двумя иранскими фильмами: «Новый вечер» (1) и «Пять по полудню» (1).

Стимул *борода* и российские, и иранские респонденты связали с понятием «Растительность на лице». Однако российские респонденты описывали бороду словами: серая (50); длинная (45), густая (17). Частотная реакция – синяя (35) (синяя борода). Иранцы ассоциируют *бороду* с папой (1), дедушкой (1), мужчиной (6), профессором (1), детективом (1), ИГИЛ (Даиш) (1), козлом (1). Иранцы описывают бороду словами: белая (2), черная (2), рыжая (1), короткая (1). Некоторые испытуемые связали бороду с достоинством (1) и красотой (1), а также поговоркой «Смеяться над чьей-либо бородой» (1) (смеяться исподтишка).

Голубой цвет в обеих культурах ассоциируется с небом и водой. Помимо этого, русские информанты связали данный стимул с песней из мультфильма

Чебурашка и с Земным шаром. Ответы иранцев содержат название хита Али Занда Вакили «Голубой шарф» (Roosari Abi) (1) и название одежды – курдские штаны (1).

Стимулы *газета*, *военный*, *женщина*, *бог*, *зима*, *дом* и *друг* вызвали 40-65% идентичных ассоциаций. Несмотря на историческое, политическое и религиозное влияние эти слова имеют общее ассоциативное поле в русском и персидском языковом сознании. Например, и иранские и российские респонденты ассоциируют *зиму* со снегом, холодом и морозом. *Женщина* в обеих культурах ассоциируется с матерью и красотой. И русские, и иранцы ассоциируют *дом* с безопасностью, семьей и уютом.

Специфика данных слов в языковой картине мира носителей прослеживается в ассоциациях, содержащих устойчивые выражения, и в атрибутивных ассоциациях. Например, частой ассоциацией на слово *дом* у русскоязычных респондентов было *крепость* (Мой дом – моя крепость) (20); *родной* (61); *очаг* (домашний очаг) (18). Иранцы описывают *дом* словами: *вилла* (2), *комфорт* (1), *кирпичи* (1), *черепичная крыша* (1).

Стимулы *завод*, *фамилия*, *гость*, *правда*, *медведь* вызвали более 65% пересекающихся ассоциаций. Изначально мы идентифицировали эти слова как культурно-специфические, однако сравнение русских и персидских ассоциаций не обнаружило существенных различий между исследуемыми понятиями в современной российской и иранской языковой культуре. Например, *завод* в обеих культурах ассоциируется с производством, работой и деньгами, большими размерами. *Медведь* ассоциируется с лесом и видами медведей (бурый и белый). *Гость* ассоциируется с другом, радостью и незванными гостями. *Правда* ассоциируется с истиной и горькой правдой. *Фамилия* – с именем и личностью.

Заключение

Настоящее исследование является попыткой найти эффективный способ отбора культурно-специфических компонентов иностранной лексики, на которые следует обращать особое внимание при обучении языку. Проведенное исследование показало, что в лексическом минимуме первого сертификационного уровня имеются слова, требующие лингвострановедческого комментария в иранской аудитории. Из отобранных стимулов три слова не вызвали никаких идентичных ассоциаций у российских и иранских респондентов, 2 стимула вызвали менее 20% пересекающихся реакций, 12 стимулов активировали всего 20-40% идентичных реакций.

Ассоциативный эксперимент доказал свою эффективность как средство отбора культурно-специфической лексики. Данный метод объективен, оценивает актуальное состояние языка, не зависит от точки зрения преподавателя, его фоновых знаний и личных предпочтений.

Результаты исследования были использованы для создания лингвокультурологических комментариев для иранских студентов, изучающих русский язык. В настоящий момент под руководством первого автора статьи ведется работа по созданию национально-ориентированного лингвокультурологического словаря для иранских студентов (уровень B1).

Литература

- 1- Азимов Э. Г., Щукин А. Н. (1999). *Словарь методических терминов*. — М.: Златоуст.
- 2- Андрюшина Н. П. (2011). *Лексические минимумы по русскому языку как иностранному: проблема отбора лексических и фразеологических единиц // Проблемы истории, филологии, культуры*. Т. 3 № 33. С. 648–652.
- 3- Андрюшина Н. П. (2013). *Лексический минимум по русскому языку как иностранному: Первый сертификационный уровень. Общее владение*. — М.: Златоуст.

- 4- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. (1976). *Язык и культура*. 4-ое изд. — М.: Индрик.
- 5- Виноградов В.С. (1977). *Избранные труды. Лексикология и лексикография*. М.: Наука. 312 с.
- 6- Воркачев С. Г. (2007). *Лингвокультурная концептология: становление и перспективы* // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 66. № 2.
- 7- Воробьёв В.В. (2008). *Лингвокультурология*. — М.: РУДН. — 336 с.
- 8- Горошко Е.И. (2001). *Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. Монография*. — М. URL: <http://www.textology.ru/razdel.aspx?id=38> (дата обращения: 19.04.2024).
- 9- Калаши Н. (2020). *Межкультурная коммуникация и её роль в процессе преподавания РКИ в иранских вузах / Нахидех Калаши* // Материалы XX МНПК «Технологии обучения русскому языку как иностранному и диагностика речевого развития». — Минск: БГМУ. С. 262–267.
- 10- Красных В. В. (2002). *Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология*. М.: Гнозис. 284 с.
- 11- Навильникова Д. И. (2008). *Опыт содержательного анализа ассоциативного поля (на примере тематической группы «Еда»)* // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2. С. 116–123.
- 12- Серкин В. П. (2016). *Психосемантика: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры*. — М.: Издательство Юрайт. — 318 с.
- 13- Степанов Ю. С. (2001). *Константы: Словарь русской культуры*. — М.: Академический проект. — 590 с.
- 14- Томахин Г.Д. (1999). *США. Лингвострановедческий словарь*. — М.: Русский язык. — 576 с.
- 15- Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. (2014). *Русский региональный ассоциативный словарь: (Европейская часть России): в 2 Т.* — М.: Моск. Междунар. Академия. URL: <https://iling-ran.ru/web/ru/publications/evras> (дата обращения: 19.04.2024).
- 16- Фаттахова А.Р., Гилманова Э.Ф. (2022). *Культурно-маркированная лексика русского языка с имплементацией в лексикографической деятельности* // Арабистика Евразии. Т.5. №2. С.57–74. <https://doi.org/10.26907/2619-1261.2022.5.2.57-74>
- 17- Цуй Л. (2022). *Совершенствование навыков межкультурной коммуникации китайских студентов вуза посредством освоения зоологического кода русского языка* // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 15. № 11. С. 3687–3693.

- 18- Шафии Ф. (2010). *Место фразеологии в преподавании РКИ: критерии отбора фразеологических единиц для изучения в иностранной аудитории* // IV МНПК «Русский язык как иностранный в современной образовательной и геополитической парадигме». —М.: Макс Пресс. С. 172–174.

Bibliography

- 1- Azimov E. G., Shchukin A. N. (1999). *Slovar' metodicheskikh terminov*. — М.: Zlatoust.
- 2- Andriushina N. P. (2011). *Leksicheskie minimumy po russkomu iazyku kak inostrannomu: problema otbora leksicheskikh i frazeologicheskikh edinit* // Problemy istorii, filologii, kul'tury. T. 3 № 33. S. 648–652.
- 3- Andriushina N. P. (2013). *Leksicheskii minimum po russkomu iazyku kak inostrannomu: Pervyi sertifikatsionnyi uroven'. Obshchee vladenie*. — М.:Zlatoust.
- 4- Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. (1976). *Iazyk i kul'tura. 4-oe izd.* — М.:Indrik.
- 5- Vinogradov V.S. (1977). *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya*. М.: Nauka. 312 s.
- 6- Vorkachev S. G. (2007). *Lingvokul'turnaia kontseptologiya: stanovlenie i perspektivy* // Izvestiya RAN. Seriya literatury i iazyka. T. 66. № 2.
- 7- Vorob'ev V.V. (2008). *Lingvokul'turologiya*. – М.: RUDN. – 336 s.
- 8- Goroshko E.I. (2001). *Integrativnaya model' svobodnogo assotsiativnogo eksperimenta. Monografiya*. — М. URL: <http://www.textology.ru/razdel.aspx?id=38> (data obrashcheniya: 19.04.2024).
- 9- Kalashi N. (2020). *Mezhkul'turnaia kommunikatsiya i ee rol' v protsesse prepodavaniya RKI v iranskikh vuzakh / Nakhidekh Kalashi* // Materialy XX MNPK «Tekhnologii obucheniya russkomu iazyku kak inostrannomu i diagnostika rechevogo razvitiya». — Minsk: BGMU. S. 262–267.
- 10- Krasnykh V. V. (2002). *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya*. М.: Gnozis. 284 s.
- 11- Navil'nikova D. I. (2008). Opyt soderzhatel'nogo analiza assotsiativnogo polya (na primere tematicheskoi gruppy «Eda») // Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiya. № 2. S. 116–123.
- 12- Serkin V. P. (2016). *Psikhosemantika: uchebnik i praktikum dlia bakalavriata i magistratury*. — М.: Izdatel'stvo Iurait. —318 s.
- 13- Stepanov Iu. S. (2001). *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury*. —М.: Akademicheskii proekt.—590 s.

- 14- Tomakhin G.D. (1999). *SShA. Lingvostranovedcheskii slovar'*. —M.: Russkii iazyk. — 576s.
- 15- Ufimtseva N.V., Cherkasova G.A. (2014). *Russkii regional'nyi assotsiativnyi slovar': (Evropeiskaia chast' Rossii): v 2 T.* —M.: Mosk. Mezhdunar. Akademiia. URL: <https://iling-ran.ru/web/ru/publications/evras> (data obrashcheniia: 19.04.2024).
- 16- Fattakhova A.R., Gilmanova E.F. (2022). *Kul'turno-markirovannaia leksika russkogo iazyka s implementatsiei v leksikograficheskoi deiatel'nosti* // Arabistika Evrazii. T.5. №2. S.57–74. <https://doi.org/10.26907/2619-1261.2022.5.2.57-74>
- 17- Tsui L. (2022). *Sovershenstvovanie navykov mezhkul'turnoi kommunikatsii kitaiskikh studentov vuza posredstvom osvoeniia zoologicheskogo koda russkogo iazyka* // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. T. 15. № 11. S. 3687–3693.
- 18- Shafii F. (2010). *Mesto frazeologii v prepodavanii RKI: kriterii otbora frazeologicheskikh edinits dlia izucheniia v inostrannoi auditorii* // IV MNPK «Russkii iazyk kak inostrannyi v sovremennoi obrazovatel'noi i geopoliticheskoi paradigme». —M.: Maks Press. S. 172–174.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Kalashi Nahideh/Brem Natal'ia S. (2025). ON THE ISSUE OF SELECTING CULTURE- SPECIFIC LANGUAGE UNITS FOR TEACHING RUSSIAN LANGUAGE IN IRAN. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 13(2), 165-182.

DOI: 10.61186/IARLL.26.9

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/356>

انتخاب عناصر و واژگانی با مفاهیم خاص فرهنگی برای آموزش زبان روسی در

ایران

ناهیده کلاشی^{*۱}

استادیار گروه زبان روسی، دانشکده ادبیات، دانشگاه الزهراء،
تهران، ایران

ناتالیا سرگیونا برم^۲

دانشیار گروه زبان روسی، دانشگاه فنی دولتی نووسیبرسک
نووسیبرسک، روسیه

(تاریخ دریافت: فوریه ۲۰۲۵؛ تاریخ پذیرش: ژوئیه ۲۰۲۵)

چکیده

زبان، به عنوان یک عنصر جدایی ناپذیر از فرهنگ، ویژگی‌های منحصر به فرد آن را تحت الشعاع قرار می‌دهد. برای اینکه زبان آموزان ایرانی به طور کامل بر توانش های فرهنگی- اجتماعی تسلط پیدا کنند، ضروری است که آن‌ها را با ویژگی‌های استفاده از زبان در چارچوب فرهنگی جدیدی که با آن مواجه هستند، آشنا کنیم. هدف این مقاله، توسعه و توجیه یک رویه برای انتخاب واژگان با مؤلفه‌های فرهنگی-ملی است که باید در کلاس‌های زبان روسی به زبان آموزان ایرانی در مرحله میانی آموزش معرفی شود. روش اصلی تحقیق، بهره‌گیری از آزمون تداعی آزاد بود که ۴۹ گویشور زبان فارسی در آن شرکت کردند. تداعی‌های ایرانی با تداعی‌های موجود در فرهنگ‌نامه تداعی منطقه‌ای روسی مقایسه شد و تعداد تداعی‌های مشابه برای هر محرک شمارش گردید. بر اساس نتایج به دست آمده، نتایجی درباره نیاز به تفسیر زبان‌شناسی فرهنگی هنگام مطالعه این واژه‌ها در مرحله میانی آموزش به دست آمد. از میان واژگان با مفاهیم خاص فرهنگی انتخاب شده، ۱۷٪ از محرک‌ها شباهت قابل توجهی در واکنش‌های تداعی‌ای از سوی پاسخ‌دهندگان روسی و ایرانی نشان دادند. آن‌ها ۶۵-۸۰٪ تداعی‌های مشابه را ایجاد کردند که نشان‌دهنده شباهت در معناشناسی فرهنگی-ملی این واژه‌هاست. همچنین ۷ محرک (۲۴٪) ۴۰-۶۵٪ واکنش‌های همپوشان شدند، ۱۲ محرک (۴۱٪) ۲۰-۴۰٪ پاسخ‌های مشابه را به همراه داشتند و ۵ واژه (۱۷٪) تداعی‌های مشابه اندک یا غیرموجود در گویشوران زبان‌های روسی و فارسی ایجاد کردند. لازم بذکر است که مقایسه زمینه‌های تداعی می‌تواند به عنوان یک روش مؤثر برای انتخاب واژگان با مفاهیم خاص فرهنگی در آموزش زبان روسی طبق برنامه استاندارد آموزش زبان روسی به خارجی‌ها سطح B1 استفاده شود.

واژگان کلیدی: واژگان با مؤلفه‌های فرهنگی-ملی، واژگان با مفاهیم خاص فرهنگی، توانش فرهنگی- اجتماعی، رویکرد زبانی فرهنگی، آموزش زبان روسی به خارجی‌ها (TRFL)، آزمون تداعی.

* نویسنده مسئول 1. Email: n.kalashi@alzahra.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0001-8691-3959>

نوع مقاله: علمی- پژوهشی 2. Email: natasha.brem@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-6793-7154>

THE PROBLEMS OF MASTERING THE GRAMMATICAL CATEGORY OF VERB ASPECT IN THE RUSSIAN LANGUAGE AMONG IRANIAN AUDIENCES: LINGUISTIC AND METHODOLOGICAL ASPECTS

Rezaei Azin Maryam^{1*}

Assistant Professor of Russian Language, Department of Russian Language,
Faculty of Persian Literature and Foreign Languages University of Mazandaran,
Mazandaran, Iran

(date of receiving: February, 2025; date of acceptance: July, 2025)

Abstract

This article examines the challenges faced by Iranian students in mastering the grammatical category of verb aspect in the Russian language, with particular emphasis on a comparative analysis with Persian. The category of verb aspect, divided into perfective and imperfective forms, constitutes a fundamental element of linguistic analysis, as it determines the temporal characteristics and moods of verbs, which are critical for understanding Russian grammatical systems. The absence of a comparable category in Persian creates significant difficulties for Iranian learners when selecting the correct verb form. Linguistic analysis reveals that students encounter problems in using verb aspects primarily due to a lack of awareness of aspectual meanings, which leads to frequent errors in application. Furthermore, the complex aspect-tense forms of Russian exacerbate the learning process. From a methodological standpoint, the deficiency of effective teaching methods that account for the specific features of the Russian language also contributes to errors in speech production. This study employs a descriptive-analytical approach, enabling a deeper understanding of the issues related to teaching verb aspect to Iranian students. Many existing instructional methodologies fail to consider the linguistic background of Iranian learners, potentially resulting in ineffective teaching outcomes. To enhance the teaching of verb aspect in Russian, it is recommended to implement diverse pedagogical strategies and utilize authentic materials. Such an approach will facilitate students' better comprehension and application of this grammatical category. The article underscores the necessity of a comprehensive approach to teaching verb aspect to improve students' proficiency and achieve a more profound understanding of the language.

Keywords: Verb Aspect, Russian Language as a Foreign Language, Linguistic Analysis, Methodological Approaches.

1. E-mail: m.azin@umz.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0003-3931-6304>

* Corresponding author

ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ «ВИД ГЛАГОЛА» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ИРАНскими СТУДЕНТАМИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Резаи Азин Марьям^{1*}

Старший преподаватель, кафедра русского языка,
Мазандаранский университет,
Баболсар, Иран

(дата получения: февраль 2025 г.; дата принятия: июль 2025 г.)

Аннотация

В данной статье рассматриваются проблемы, с которыми сталкиваются иранские студенты при освоении грамматической категории «вид глагола» в русском языке. Категория вида является ключевым элементом лингвистического анализа, поскольку она определяет временные характеристики и наклонение глагола, что важно для понимания грамматической системы языка. Отсутствие аналогичной категории в персидском языке обуславливает значительные трудности для иранских студентов при выборе правильной формы глагола. Лингвистический анализ показывает, что студенты сталкиваются с проблемами в употреблении вида глагола, так как недостаток осознания аспектуальных значений приводит к ошибкам в их использовании. Кроме того, сложные видо-временные формы русского языка усложняют процесс обучения. С методической точки зрения, недостаток эффективных методов преподавания, учитывающих специфику русского языка, также обуславливает возникновение ошибок в речи. Исследование выполнено с использованием описательно-аналитического метода, который позволяет глубже понять проблемы обучения виду глагола у иранских студентов. Многие существующие методики не учитывают лингвистическую компетенцию иранских студентов, что может привести к неэффективному обучению. Для улучшения преподавания данной темы рекомендуется внедрение разнообразных методических подходов и использование аутентичных материалов. Это позволит студентам лучше понять применение данной грамматической категории. Статья подчеркивает необходимость комплексного подхода при обучении теме вид глагола для достижения более глубокого понимания языка.

Ключевые слова: вид глагола, русский язык как иностранный, лингвистический анализ, методические подходы.

1. E-mail: m.azin@umz.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0003-3931-6304>

* Ответственный автор

Введение

В современном мире владение русским языком становится все более важным для различных профессиональных сфер. Однако для иранских студентов освоение вида глагола в русском языке остается значительной сложностью из-за отсутствия аналогичной категории в персидском языке.

Целью данного исследования является выявление лингвистических и методических трудностей при изучении вида глагола – ключевой категории, определяющей временные характеристики и наклонение глагола. Многие иранские студенты испытывают трудности при употреблении глаголов совершенного и несовершенного вида из-за недостаточного понимания аспектуальных значений. Методологической основой исследования послужил описательно-аналитический подход; исследование базируется на многолетнем практическом опыте преподавания русского языка иранским студентам. Результаты будут способствовать разработке комплексного образовательного подхода к преподаванию вида глагола на основе аутентичных материалов.

Важность исследования заключается в том, что по мере роста международного сотрудничества владение русским языком становится всё более необходимым для многих специальностей. Улучшение навыков использования вида глагола у иранских студентов важно для повышения уровня их владения русским языком.

Основная часть

Категория вида в русском языке. Категория вида является фундаментальной грамматической категорией в русском языке, см., например, труды Н.Ю. Шведовой (Шведова 1980), И.Г. Милославского (Милославский 1981), А.Н. Тихонова (Тихонов 1998), В.В. Виноградова (Виноградов 1986) и др.

С точки зрения современного языкознания категория вида глагола представляется сложным и многоаспектным объектом исследования, что

обусловлено неоднозначностью трактовки природы данной категории. Существующие в науке точки зрения варьируются от отнесения вида к чисто грамматическим категориям до признания его тесной связи с лексикой, словообразованием и синтаксисом. Ряд исследователей, среди которых А.В. Бондарко (Бондарко 1971), Ю.С. Маслов (Маслов 1984), Н.С. Валгина, Д.Э. Розенталь и М.И. Фомина (Валгина, Розенталь, Фомина 2001), М.Ю. Черткова (Черткова 1996), М.А. Шелякин (Шелякин 1983) и др., рассматривают вид в качестве грамматической категории, что отражено и в ряде нормативных грамматик, см. например (Лопатин 1989; Камынина 1997; Легенд 2002).

При этом А.В. Бондарко выделяет различные типы грамматических категорий, относя вид к непосредственно коррелятивным категориям, для которых характерна зависимость от лексики (Бондарко 1971). И.Г. Милославский ставит под сомнение отнесение вида к морфологическим категориям, указывая на то, что видовые различия выражаются словообразовательными средствами, а также на нерегулярность видовых оппозиций (Милославский 1981. 176). Ю.С. Маслов разграничивает понятия категории вида и аспектуальности, относя вид к «открытой» грамматике (Маслов 1984), а аспектуальность, в понимании А.В. Бондарко, к функционально-семантической категории, или «скрытой» грамматике. Идея о тесной связи вида и лексического значения глагола находит отражение в работах Ю.С. Маслова (Маслова 1984), М.Я. Гловинской (Гловинская 1982), А.А. Зализняка и А.Д. Шмелева (Зализняк, Шмелев 2000), которые указывают на обусловленность грамматического значения вида особенностями лексического значения глагола (Маслов 1984. 71).

Видовые особенности глагола в персидском языке. Существуют различные точки зрения относительно концепции вида в персидском языке. Некоторые лингвисты, например, М. Добор Магадан (дайр макадам 2005. 45) и Вахидиан

(Вахидиан 2004. 112), считают, что эта категория представлена как простыми, так и сложными (аналитическими) глагольными формами. Гульфам (Гульфам 2006) различает совершенный вид для действий с завершенным результатом и несовершенный вид для действий, протекающих во времени. Несовершенный вид является ключевой структурной характеристикой, существовавшей уже в древнеперсидском языке. Исследования Порвиза Натель Ханлери (Ханлери 2008. 468) также подчеркивают важность данной категории, выявляют особенности ее функционирования в контексте языка. Мохутиан (Мохутиан 1999. 226) акцентирует тесную связь между видом и временем, выделяет три основные формы: простую, продолженную и совершенную, однако не все глаголы демонстрируют эти формы последовательно для всех времен. Шафаи (Шафаи 1984. 78), говоря о категории вида в персидском языке, акцентирует внимание на средствах выражения значения вида глагола.

Сложность и многогранность этой категории, ее тесная связь с временем, а также отсутствие четкого соответствия между формой и значением обуславливают разнообразие подходов к определению классификации видов (Шариат 1986. 147; Мешкатодини 2006. 53).

В персидском языке категория вида глагола не представлена как самостоятельная и грамматически оформленная категория, аналогичная русской системе вида. Вместо этого аспектуальные характеристики действия, такие как: завершённость, длительность, повторяемость – реализуются через комплекс временных форм и лексико-семантические особенности глагола. Временные формы в персидском языке выполняют двойственную функцию: они не только обозначают время совершения действия, но и несут аспектуальную нагрузку, отражая его внутреннюю структуру и динамику. Такая тесная интеграция времени и вида обуславливает их взаимозависимость и взаимодополнение в персидской глагольной системе, что существенно отличается от русского языка, где категория вида является автономной

грамматической единицей с чётко выраженными морфологическими средствами. Понимание этой специфики важно для анализа трудностей, с которыми сталкиваются иранские студенты при освоении категории вида русского глагола. Таким образом, в персидском языке временные формы глагола выполняют двойственную функцию, объединяя в себе как временной, так и видовой аспекты действия. Эта интеграция объясняет, почему категория вида не представлена в персидском языке как самостоятельная грамматическая единица, в отличие от русской системы, где вид является автономной и морфологически выраженной категорией.

Проблемы усвоения категории вида глагола у иранских студентов

На основании многолетнего опыта преподавания русского языка студентам из Ирана, в частности аспектуальных форм глагола, были выявлены ключевые трудности при усвоении ими категории вида глагола. Данная классификация проблем, основанная на систематическом анализе наблюдаемых затруднений в процессе обучения, условно разделена нами на две основные группы: лингвистические и методические.

Лингвистические проблемы

Отсутствие в персидском языке самостоятельной грамматической категории вида является причиной интерференционных явлений и существенных затруднений в восприятии и корректном использовании аспектуальных форм русского языка иностранными студентами. В то время как в персидском языке категория вида служит преимущественно для выражения отношения говорящего к действию (например, утверждение, предположение, приказ), в русском языке категория вида глубоко интегрирована в семантику самого глагола, определяет характер протекания действия — его завершённость, однократность, повторяемость или

процессуальность. Это принципиальное различие в лингвистическом мировоззрении порождает ряд ключевых проблем, затрудняющих овладение русской аспектуальной системой.

1. Недостаточное понимание категории вида.

Одной из наиболее значимых когнитивных проблем, с которыми сталкиваются иранские студенты, является неполное или искаженное понимание глубинной семантики категории вида глагола. Отсутствие прямого эквивалента в персидском языке приводит к тому, что обучающиеся воспринимают различия между совершенным и несовершенным видом как формальные, второстепенные, упуская их ключевое семантическое значение. Например, студент может употребить форму «*Я писал письмо*» (несовершенный вид), подразумевая завершенность действия, тогда как грамматически и семантически корректной формой для обозначения однократного, завершенного действия, ориентированного на результат, является «*Я написал письмо*» (совершенный вид). Аналогично: использование «*Я читал книгу*» вместо «*Я прочитал книгу*» свидетельствует о неспособности различать процессуальность и результативность, критически важные для адекватного аспектирования в русском языке.

2. Сложности, связанные с видо-временными формами.

Дополнительные трудности обусловлены сложным взаимодействием категорий вида и времени, а также асимметрией в образовании временных форм глаголов. Проявляющаяся в отсутствии форм настоящего времени у совершенного вида и в различиях между простым будущим временем совершенного вида и сложным будущим временем несовершенного вида, данная асимметрия существенно усложняет процесс освоения правил выбора вида в различных временных контекстах. Так, студент может ошибочно

употребить конструкцию «*Я буду смотреть фильм*» (будущее сложное время, несовершенный вид) в ситуации, когда для выражения завершённого, однократного действия или достижения конкретного результата в будущем грамматически корректной является форма «*Я посмотрю фильм*» (будущее простое время, совершенный вид). Неправильный выбор вида глагола в зависимости от коммуникативного замысла приводит не только к формальному нарушению, но и к искажению семантики высказывания, затрудняя адекватное восприятие временных и аспектуальных характеристик действия и меняя фокус с результата на процесс или намерение.

3. Контекстуальные ошибки.

Контекстуальные ошибки представляют собой еще одну существенную проблему, тесно связанную с освоением категории вида. Студенты часто демонстрируют неспособность правильно выбирать вид глагола в зависимости от специфики конкретного коммуникативного контекста, что обусловлено тонкими семантическими нюансами, не всегда очевидными для изучающих русский язык как иностранный. Например, фраза «*Я бегаю каждый день*» (несовершенный вид) указывает на регулярность или привычку, тогда как для выражения конкретного, завершённого действия, совершенного в определенный момент, корректно использовать «*Я пробежал сегодня*» (совершенный вид). Смешение этих форм приводит к семантической двусмысленности и некорректной передаче намерения.

4. Глаголы движения.

Сложности в усвоении категории вида глагола усугубляются особенностями отдельных групп глаголов движения, которые обладают специфическими видовыми характеристиками. Для носителей персидского языка, у которых отсутствует аналогичная категориальная система для

выражения тонких различий в движении, это представляет значительную трудность. Например, студент может употребить выражение «*Я иду в парк*» (однонаправленное действие), подразумевая при этом регулярность посещения, тогда как корректной формой для выражения повторяющегося действия является «*Я хожу в парк*» (многократное действие). Отсутствие адекватных аналогов в персидском языке и недостаточная методическая проработка темы глаголов движения в учебных материалах обуславливают частые ошибки.

Для преодоления этих проблем рекомендуется внедрение специализированных методических подходов, включающих сравнительный анализ видов глагола, особое внимание к их семантическим функциям в различных контекстах, использование контекстуальных упражнений и аутентичных материалов, а также активное применение коммуникативных практик, направленных на развитие понимания аспектуальной семантики.

Методические проблемы

Основные методические трудности связаны с недостаточной адаптацией учебных материалов и методик к специфике персоязычной аудитории.

1. Ограниченность эффективных методик преподавания.

Несмотря на то, что вопрос методики обучения категории вида глагола в рамках РКИ был предметом активных исследований российских лингвистов и методистов, на практике в условиях преподавания русского языка в иранской аудитории сохраняются определённые методические проблемы. Это обусловлено прежде всего недостаточной адаптацией существующих методик и учебных материалов к особенностям персоязычной аудитории и специфике образовательной среды в Иране.

2. Ограниченное применение современных интерактивных и коммуникативных подходов.

В ряде учебных заведений наблюдается недостаточность использования инновационных педагогических технологий, что снижает эффективность усвоения грамматических категорий, в частности категории вида глагола.

3. Недостаточное систематическое объяснение закономерностей образования и употребления видовых пар.

Отсутствие последовательного и структурированного изложения материала затрудняет понимание и усвоение сложной видовой системы русского глагола.

4. Ограниченный доступ к аутентичным и мультимедийным образовательным ресурсам.

Недостаточность использования реальных языковых материалов, таких как: статьи, диалоги, видео- и аудиозаписи, снижает мотивацию студентов и качество обучения, затрудняя формирование коммуникативных навыков и практического применения грамматических форм.

Для улучшения преподавания вида глагола необходимо учитывать выявленные проблемы и предлагать соответствующие решения. Применение различных методических подходов, например, языковых упражнений, может существенно помочь студентам в усвоении различий между совершенным и несовершенным видом русского глагола.

Объяснение закономерностей. Важно объяснять студентам закономерности образования и использования видовых пар. Это поможет им не только запомнить правила, но и применять их на практике, позволит избежать путаницы при выборе правильной формы глагола. Например, можно использовать таблицы, в которых представлены видовые пары глаголов с примерами их употребления в разных временах и наклонениях.

Использование аутентичных материалов. Преподавание вида глагола в контексте реальных ситуаций и текстов может значительно повысить уровень понимания и применения этих грамматических форм. Например, можно анализировать диалоги из фильмов или интервью с носителями языка, акцентируя внимание на выборе глагольного вида в зависимости от контекста.

Эффективные методы обучения глагольным видам в иранской аудитории.

Коммуникативный метод. Студенты могут участвовать в ролевых играх, моделирующих реальные жизненные ситуации. Например, одна группа студентов играет роль покупателей в магазине, а другая – продавцов. В процессе общения они используют глагольные виды для описания действий: «*Я хочу купить...*» (несовершенный вид) или «*Я уже купил...*» (совершенный вид).

Контекстуальное обучение. Преподаватель может предложить студентам прочитать статью о традициях празднования Нового года в России. После этого студенты обсуждают текст, используя глаголы в прошедшем времени (например: «*На Новый год люди украшали ёлку*» – несовершенный вид) и будущем времени («*Они будут готовить праздничные блюда*» – несовершенный вид). Это позволит связать грамматическую категорию с культурным контекстом.

Игровые технологии. Игра «Лото глаголов» может быть использована для изучения вида глагола. На карточках написаны глаголы несовершенного вида, а студенты должны найти их соответствия в совершенном виде. Например: «*читать*» – «*прочитать*», «*писать*» – «*написать*». Это способствует активному запоминанию форм глаголов.

Моделирование ситуаций. Преподаватель задает сценарий, например, «Вы потеряли паспорт в аэропорту». Студенты работают в парах: один играет роль туриста, другой – сотрудника службы поддержки. Турист описывает ситуацию («*Я искал паспорт, но не нашёл*»), сотрудник задаёт уточняющие вопросы

(«Когда вы потеряли паспорт?») и т.п. Это помогает студентам использовать глагольные виды в зависимости от контекста.

Метод сравнительного анализа. Преподаватель объясняет различие между русским и персидским языками на примере глаголов движения. В русском языке используются разные формы для обозначения однонаправленного и многократного действия («идти» – однонаправленное движение, «ходить» – многократное), тогда как в персидском языке эти различия выражаются иначе. Студенты анализируют примеры и обсуждают их эквиваленты в родном языке.

Интерактивные методы. 1. Дидактические игры: Игра «Кто быстрее?» включает задания на выбор правильного вида глагола для завершения предложения. Например: «Я (читать/прочитать) книгу вчера вечером». 2. Групповая работа: Студенты делятся на группы и составляют рассказ о путешествии, используя различные виды глаголов. Например: «Мы ездили на экскурсию и увидели много интересного». 3. Ролевые игры: например, сценарий «Интервью для работы» позволяет студентам практиковать использование видов глагола при ответах на вопросы работодателя: «Что вы делали на предыдущей работе?» (несовершенный вид) или «Какие проекты вы завершили?» (совершенный вид).

Для начинающих студентов можно предложить упрощённые задания, например, заполнение пропусков в предложениях с подсказками: «Я ... письмо вчера вечером (писать/написать)». Для студентов целесообразно организовать сложные проекты, например, создание презентации о своих достижениях с использованием совершенного вида глагола или обсуждение планов на будущее с использованием несовершенного. Таким образом, применение перечисленных методов с учётом уровня подготовки студентов и их интересов позволяет эффективно развивать навыки использования видов глагола и способствует успешному овладению языком.

Оценка эффективности методов обучения русскому языку иранских студентов

Для подтверждения эффективности разработанных методов обучения РКИ было проведено эмпирическое исследование с участием 100 студентов, изучающих русский язык в университетах Ирана.

Основной целью исследования являлось выявление трудностей, с которыми сталкиваются студенты при освоении грамматической категории «вид глагола», а также оценка восприятия и эффективности предложенных интерактивных и коммуникативных методов обучения. Кроме того, сбор рекомендаций и предложений способствовал совершенствованию учебного процесса. Анкета включала 20 вопросов, структурированных в три тематических блока.

1. Выявление трудностей в изучении русского языка – преимущественно закрытые вопросы с несколькими вариантами ответов, направленные на определение основных проблем в освоении видов глаголов. Пример: *«Какие из следующих аспектов вида глагола вызывают у Вас наибольшие трудности?»*. Варианты ответов: различение совершенного и несовершенного вида, использование глаголов движения, применение сложных грамматических конструкций, другое (с возможностью свободного комментария).

2. Оценка эффективности методов обучения – применялась пятибалльная шкала Лайкерта (1 – «полностью не согласен», 5 – «полностью согласен»), позволяющая количественно оценить восприятие таких методов, как ролевые игры, игровые технологии и проектные задания. Пример: *«Использование ролевых игр помогло мне лучше усвоить виды глаголов.»*.

3. Рекомендации по улучшению учебного процесса – открытые вопросы для свободного выражения предложений и замечаний. Пример: *«Предложите рекомендации по улучшению методов и материалов обучения.»*.

Разработка анкеты базировалась на анализе методической литературы и консультациях с экспертами в области РКИ. Для проверки валидности

инструмента был проведён пилотный опрос среди 15 студентов, после чего вопросы были уточнены и адаптированы. Надёжность анкеты подтверждена коэффициентом альфа Кронбаха, равным 0,87, что свидетельствует о высокой внутренней согласованности.

Для оценки эффективности методов использовались контрольные задания, выполненные до и после внедрения интерактивных упражнений:

- 1) диагностический тест (30 вопросов с несколькими вариантами ответов) на проверку понимания и применения видов глаголов;
- 2) практические коммуникативные задания – составление диалогов и написание текстов с использованием изученных грамматических конструкций;
- 3) проектные работы для продвинутых студентов – создание мультимедийных презентаций с акцентом на правильное использование совершенного и несовершенного вида глагола.

Данные были проанализированы с использованием описательной статистики (процент правильных ответов, среднее арифметическое, стандартное отклонение) и статистических тестов (парный t-тест, ANOVA) для выявления значимых различий между уровнями владения языком и этапами обучения (до и после).

Уровень значимости был установлен на $p < 0.05$. Результаты показали, что 70 % студентов испытывали трудности с освоением видов глаголов, а 60% отметили недостаток адаптированных учебных материалов. Средняя оценка эффективности методов составила 4,35 из 5 ($SD = 0,65$), что свидетельствует о высокой удовлетворённости и согласованности ответов.

Заключение

В результате исследования категории вида глагола в персидском и русском языках выявляются значительные лингвистические различия, требующие

глубокого анализа. В персидском языке видовые оттенки выражаются через временные формы, что позволяет передавать такие аспекты, как завершенность и длительность действий. Сравнительный анализ показывает, что структура временных форм в русском языке также играет важную роль в передаче видовых значений. Однако сложные видо-временные формы создают трудности для иранских студентов, поскольку отсутствие аналогичной категории в персидском языке приводит к путанице при выборе форм глаголов.

Для повышения эффективности преподавания русского языка необходимо учитывать выявленные проблемы и предлагать соответствующие методические решения. Комплексный подход к обучению категории вида должен включать как лингвистические аспекты, так и методические стратегии. Это позволит не только улучшить навыки студентов, но и создать более эффективную образовательную среду для иранских учащихся, способствуя их успешному освоению русским языком.

Литература

- 1- Бондарко А.В. (1971). *Вид и время русского глагола (значение и употребление: пособие для студентов*. М., Изд-во «Просвещение».
- 2- Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. (2001). *Современный русский язык: учебник*. М., Изд-во «Логос».
- 3- Вахидиян Камияр Т. (2004). *Морфологический аспект в персидском языке*. Тегеран, Изд-во «Маджид». (на персидском языке).
- 4- Виноградов В.В. (1986). *Русский язык. Грамматическое учение о слове: учеб. пособие для вузов / Отв. ред. Г.А. Золотова*. М., Изд-во «Высшая школа».
- 5- Гловинская М.Я. (1982). *Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола*. М., Изд-во «Наука».
- 6- Гульфам А. (2006). *Грамматические основы персидского языка*. Тегеран, Изд-во «САМТ». (на персидском языке).

- 7- Дабир Могоддам М. (2005). *Лингвистические исследования в персидском языке*. Тегеран, Изд-во Тегеранского университета. (на персидском языке).
- 8- Зализняк А.А., Шмелев А.Д. (2000). *Введение в русскую аспектологию*. М., Изд-во «Языки русской культуры».
- 9- Камынина А.А. (1999). *Современный русский язык. Морфология*: учебное пособие для студентов филологических факультетов государственных университетов. М., Изд-во МГУ.
- 10- Лопатин В.В., Милославский И.Г., Шелякин М.А. (1989). *Современный русский язык: теоретический курс. Словообразование. Морфология* / под ред. В.В. Иванова. М., Изд-во «Русский язык».
- 11- Маслов Ю.С. (1984). *Очерки по аспектологии*. Л., Изд-во ЛГУ.
- 12- Милославский И.Г. (1981). *Морфологические категории современного русского языка*. М., Изд-во «Просвещение».
- 13- *Современный русский язык* (2002) / под ред. П.А. Леканта. М., Изд-во «Дрофа».
- 14- Тихонов А.Н. (1998). *Русский глагол. Проблемы теории и лексикографирования*. М., Изд-во «Academia».
- 15- Ханлери Парвиз (2008). *История персидского языка*, Изд-во Фарханг Нашр-Ну, Асим. (на персидском языке).
- 16- Черткова М.Ю. (1996). *Грамматическая категория вида в современном русском языке*. М., Изд-во МГУ.
- 17- Шариат Джавад Мохаммад (1986). *Грамматика персидского языка*. Тегеран, Изд-во «Энтешарат-е Асатир». (на персидском языке)
- 18- Шафан, А.А. (1984). *Структура грамматики персидского языка*. Тегеран, Изд-во «НОВИН». (на персидском языке)
- 19- Шведова Н.Ю. (1980). *Русская грамматика. Т. II: Синтаксис*. М., Изд-во «Наука».
- 20- Шелякин М.А. (1983). *Категория вида и способы действия русского глагола: теоретические основы*. Таллинн, Изд-во «Валгус».

Bibliography

- 1- Bondarko A.V. (1971). *Vid i vremia russkogo glagola (znachenie i upotreblenie: posobie dlia studentov*. М., Izd-vo «Prosveshchenie».

- 2- Valgina N.S., Rozental' D.E., Fomina M.I. (2001). *Sovremennyyi russkii iazyk: uchebnik*. M., Izd-vo «Logos».
- 3- Vakhidiian Kamiiar T. (2004). *Morfologicheskii aspekt v persidskom iazyke*. Tegeran, Izd-vo «Madzhid». (na persidskom iazyke).
- 4- Vinogradov V.V. (1986). *Russkii iazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove: ucheb. posobie dlia vuzov* / Otv. red. G.A. Zolotova. M., Izd-vo «Vysshaia shkola».
- 5- Glovinskaia M.Ia. (1982). *Semanticheskie tipy vidovykh protivopostavlenii russkogo glagola*. M., Izd-vo «Nauka».
- 6- Gul'fam A. (2006). *Grammaticheskie osnovy persidskogo iazyka*. Tegeran, Izd-vo «SAMT». (na persidskom iazyke).
- 7- Dabir Mogaddam M. (2005). *Lingvisticheskie issledovaniia v persidskom iazyke*. Tegeran, Izd-vo Tegeranskogo universiteta. (na persidskom iazyke).
- 8- Zalizniak A.A., Shmelev A.D. (2000). *Vvedenie v russkuiu aspektologiu*. M., Izd-vo «Iazyki russkoi kul'tury».
- 9- Kamynina A.A. (1999). *Sovremennyyi russkii iazyk. Morfologiya: uchebnoe posobie dlia studentov filologicheskikh fakul'tetov gosudarstvennykh universitetov*. M., Izd-vo MGU.
- 10- Lopatin V.V., Miloslavskii I.G., Sheliakin M.A. (1989). *Sovremennyyi russkii iazyk: teoreticheskii kurs. Slovoobrazovanie. Morfologiya* / pod red. V.V. Ivanova. M., Izd-vo «Russkii iazyk».
- 11- Maslov Iu.S. (1984). *Ocherki po aspektologii*. L., Izd-vo LGU.
- 12- Miloslavskii I.G. (1981). *Morfologicheskie kategorii sovremennogo russkogo iazyka*. M., Izd-vo «Prosveshchenie».
- 13- *Sovremennyyi russkii iazyk* (2002). / pod red. P.A. Lekanta. M., Izd-vo «Drofa».
- 14- Tikhonov A.N. (1998). *Russkii glagol. Problemy teorii i leksikografirovaniia*. M., Izd-vo «Academia».
- 15- Khanleri Parviz (2008). *Istoriia persidskogo iazyka*, Izd-vo Farkhang Nashr-Nu, Asim. (na persidskom iazyke).
- 16- Chertkova M.Iu. (1996). *Grammaticheskaiia kategoriia vida v sovremennom russkom iazyke*. M., Izd-vo MGU.
- 17- Shariat Dzhavad Mokhammad (1986). *Grammatika persidskogo iazyka*. Tegeran, Izd-vo «Entesharat-e Asatir». (na persidskom iazyke)
- 18- Shafai, A.A. (1984). *Struktura grammatiki persidskogo iazyka*. Tegeran, Izd-vo «NOVIN». (na persidskom iazyke)
- 19- Shvedova N.Iu. (1980). *Russkaia grammatika. T. II: Sintaksis*. M., Izd-vo «Nauka».

- 20- Sheliakin M.A. (1983). *Kategoriia vida i sposoby deistviia russkogo glagola: teoreticheskie osnovy*. Tallinn, Izd-vo «Valgus».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Rezaei Azin Maryam (2025). THE PROBLEMS OF MASTERING THE GRAMMATICAL CATEGORY OF VERB ASPECT IN THE RUSSIAN LANGUAGE AMONG IRANIAN AUDIENCES: LINGUISTIC AND METHODOLOGICAL ASPECTS. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 13(2), 183-201.

DOI: 10.61186/IARLL.26.10

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/354>

چالش‌های فراگیری مقوله «نمود فعل» زبان روسی برای دانشجویان ایرانی:

رویکردی زبان‌شناختی و روش‌شناختی

مریم رضایی آذین^{۱*}

استادیار زبان روسی، گروه زبان روسی، دانشکده ادبیات فارسی و زبان‌های خارجی دانشگاه مازندران،
بابلسر، ایران.

(تاریخ دریافت: فوریه ۲۰۲۵؛ تاریخ پذیرش: ژوئیه ۲۰۲۵)

چکیده

مقاله حاضر به بررسی چالش‌های یادگیری مقوله «نمود فعل» در زبان روسی توسط دانشجویان ایرانی می‌پردازد و بر تحلیل جنبه‌های زبان‌شناختی و روش‌شناسی این فرآیند متمرکز است. مقوله نمود فعل در زبان روسی، که به دو دسته «کامل» و «ناکامل» تقسیم می‌شود، یکی از ارکان اصلی در تحلیل‌های زبان‌شناختی است و نقشی کلیدی در تعیین ویژگی‌های زمانی و وجوه افعال ایفا می‌کند. عدم وجود معادل دقیق برای این مقوله در زبان فارسی، مشکلات زیادی برای دانشجویان ایرانی در انتخاب صحیح شکل‌های افعال به وجود می‌آورد. پژوهش‌ها نشان داده‌اند که دانشجویان ایرانی معمولاً در کاربرد میان نموده‌های کامل و ناکامل با دشواری مواجه‌اند، که این مشکل عمدتاً ناشی از عدم درک درست معانی این نموده‌ها است و باعث بروز اشتباهات مکرر در کاربرد افعال می‌شود. افزون بر این، پیچیدگی ساختارهای زمانی و نمود در زبان روسی، یادگیری این مقوله را برای دانشجویان دشوارتر می‌سازد. از منظر آموزشی، روش‌های تدریس معمولی اغلب ویژگی‌های خاص زبان روسی را که منجر به بروز چنین مشکلاتی می‌شود، نادیده می‌گیرند. بسیاری از رویکردهای آموزشی موجود به پیش‌زمینه زبانی و فرهنگی دانشجویان ایرانی توجه کافی ندارند، که این امر می‌تواند کارایی فرآیند یادگیری را کاهش دهد. بنابراین، برای بهبود آموزش مقوله نمود فعل در زبان روسی، ضروری است از رویکردهای آموزشی جامع و متنوعی استفاده شود که نیازهای خاص دانشجویان ایرانی را مد نظر قرار دهد.

واژگان کلیدی: نمود فعل، زبان روسی به عنوان زبان خارجی، چالش‌های یادگیری، تحلیل زبانی، روش‌های آموزشی.

1. E-mail: m.azin@umz.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0003-3931-6304>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی-پژوهشی

PROBLEMS OF RUSSIAN WORD FORMATION IN RUSSIAN LANGUAGE CLASSES IN NON-RUSSIAN AUDIENCES

Sharipova Nozanin Tavakalovna^{1*}

Assistant Professor of Russian Language, Tajik National University,
Dushanbe, Tajikistan

(date of receiving: May, 2025; date of acceptance: July, 2025)

Abstract

We reflect the similarities of objects and phenomena of life around us in language, in the similarity of words in their sound appearance and meaning. Words, like language in general, evolve. The development of words is manifested in a change in the meaning of the word and in a change in the division of the word into parts. The designation of certain newly emerging concepts about individual particular phenomena in objective reality in language is subsumed under certain, already existing samples-models; Thus, specific phenomena are constantly elevated to the level of structural and grammatical generalizations. In the course of improving the system of word formation in a language, a whole system of word-formation elements is developed, with the help of which the concept contained in the generating bases receives a different light. Thus, the suffixes *-щик (-чик)*, *-ец*, *-ист* connecting with the basics of certain semantics, give the latter the meaning of a masculine person (*угольщик, переводчик, борец*), the suffixes *-ние (-нье)*, *-тие (-тье)* and others give the productive bases the meaning of abstract action (*усвоение, плавание, открытие* и др.). In combination with any base, any word-forming suffix modifies its lexical grammatical meaning, as a result of which a new word is born, which, while maintaining a semantic connection with its base, adjoins the grammatical category that is characteristic of a particular lexical-grammatical category of words. The formation of new words according to one or another word-formation type is subject to the laws of combination of morphemes, determined by the grammatical structure of the Russian language. The study of ways of forming new words and determining the productivity of individual morphological types in the Russian literary language is of significant interest, since this will allow us to establish the presence of some trends in the field of modern Russian word formation, and will also provide the necessary material for a higher school teacher when studying the development of Russian vocabulary. The vocabulary of the Russian language has been replenished and enriched with a significant number of new formations, some of which were only relatively new; they may have been encountered for a long time in special areas of the language and only then came into general use. The Russian language of each period reflects the nature of the social life of the era, the spirit of the times and history. New words arise according to certain patterns - models that are most appropriate to consider in the circle of parts of speech.

Keywords: Modern Russian Language, Word Formation, Affix, Root, Stem, New Word.

1. E-mail: nozanin636@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0000-4338-4452>

* Corresponding author

ПРОБЛЕМЫ РУССКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА В НЕРУССКОЙ АУДИТОРИИ

Шарипова Нозанин Тавакаловна^{1*}

Старший преподаватель, Таджикский национальный университет,
Душанбе, Таджикистан.

(дата получения: май 2025 г.; дата принятия: июль 2025 г.)

Аннотация

Сходства предметов и явлений окружающей нас жизни мы отражаем в языке, в сходстве слов по их звуковому виду и значению. Слова, как и язык в целом, развиваются. Развитие слов проявляется в изменении значения слова и в изменении деления слова на части. Обозначение тех или иных вновь возникающих понятий об отдельных частных явлениях в объективной действительности языке подводится под определенные, уже существующие образцы-модели; так конкретные явления постоянно возводятся на ступень структурно-грамматических обобщений. В ходе усовершенствования системы словообразования в языке вырабатывается целая система словообразовательных элементов, с помощью которых понятие, заключенное в производящих основах, получает иное освещение. Так, суффиксы *-щик (-чик)*, *-ец*, *-ист* и др., соединяясь с основами определенной семантики, придают последним значение лица мужского рода (*угольщик, переводчик, борец*), суффиксы же *-ние (-нье)*, *-тие (-тье)* и др. придают производящим основам значение отвлеченного действия (*усвоение, плавание, открытие* и др.). В сочетании с какой-либо основой всякий словообразовательный суффикс модифицирует ее лексическое грамматическое значение, в результате чего рождается новое слово, которое, сохраняя семантическую связь со своей основой, примыкает к той грамматической категории, которая свойственна тому или иному лексико-грамматическому разряду слов. Образование новых слов по тем или иным словообразовательным типам подчинено законам сочетания морфем, определяемым грамматическим строем русского языка. Изучение способов образования новых слов и определение продуктивности отдельных морфологических типов в русском литературном языке представляет значительный интерес, поскольку это позволит установить наличие некоторых тенденций в области современного русского словообразования, а также даст необходимый материал преподавателю высшей школы при изучении развития русской лексики. Словарный состав русского языка пополнился и обогатился значительным количеством новообразований, из которых некоторые являлись новыми лишь относительно; они, возможно, уже давно встречались в специальных сферах языка и только потом поступили в общее употребление. Русский язык каждого периода отражает характер общественной жизни эпохи, дух времени и истории. Новые слова возникают по определенным образцам - моделям, которые целесообразнее всего рассматривать в кругу частей речи.

Ключевые слова: современный русский язык, словообразование, аффикс, корень, основа, новое слово.

1. E-mail: nozanin636@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0000-4338-4452>

* Ответственный автор

Введение

Современная методика преподавания русского языка как иностранного (РКИ) все чаще сталкивается с необходимостью детального изучения словообразования. Сложности, возникающие у студентов нерусской аудитории, обусловлены как морфологическими, так и семантическими особенностями русской словообразовательной системы. Несмотря на высокую частотность словообразовательных моделей в речи, их освоение требует системного подхода и методической гибкости.

Цель и задачи исследования

Целью данной статьи является выявление и анализ основных проблем, связанных с преподаванием словообразования в нерусской аудитории, а также разработка методических рекомендаций для их преодоления.

Задачи исследования

- Определить основные трудности, с которыми сталкиваются студенты при усвоении словообразовательных моделей;
- Проанализировать причины этих трудностей;
- Оценить существующие методические подходы;
- Предложить пути повышения эффективности преподавания словообразования на занятиях по РКИ.

Исследовательский вопрос

Какие трудности испытывают студенты нерусской аудитории при изучении словообразования в русском языке и как их можно преодолеть с помощью методических приёмов?

Методы исследования

Для достижения поставленной цели использовались следующие методы:

Анализ научной и учебно-методической литературы;

Наблюдение за учебным процессом;

Опрос преподавателей РКИ;

Анализ типичных ошибок в письменных и устных работах студентов.

Значимость темы

Изучение словообразования играет ключевую роль в формировании языковой компетенции. Владение словообразовательными моделями способствует расширению словарного запаса, лучшему пониманию структуры языка и развитию речевых навыков. Особенно актуальна данная тема в контексте преподавания РКИ, где языковая интерференция и отсутствие аналогов в родном языке студентов затрудняют усвоение материала.

Основные проблемы словообразования в нерусской аудитории

Интерференция родного языка. Многие студенты склонны применять словообразовательные модели родного языка при образовании русских слов, что приводит к ошибкам. Например, китайские студенты часто пытаются использовать однотипные схемы образования слов, игнорируя особенности русской морфемики.

Основная часть

Сложность восприятия префиксов и суффиксов. Иностранные студенты затрудняются в определении значения словообразовательных аффиксов (например, суффиксы -ость, -ение, -тель), что снижает понимание производных слов.

Нерегулярность словообразовательных моделей. Студенты ожидают полной регулярности в образовании слов, однако в русском языке присутствуют исторически сложившиеся исключения (например, *писать* – *писатель*, но *читать* – *читатель*, а не *читательник*).

Недостаток визуализации и систематизации. Обучение часто ведется без наглядных схем, таблиц и мнемонических средств, что усложняет запоминание и анализ словообразовательных моделей.

Первое знакомство студентов с элементами этимологического анализа начинается при изучении словообразования, когда они обучаются пониманию того, что такое слово и как слова образуются одно от другого. Вопросы этимологии, т. е. происхождения слов и их значений, в вузовском курсе русского языка не выделены.

Этимологические вопросы приходится затрагивать и при изучении вопроса о составе слова. Ясно, что нельзя, как правило, рассматривать этимологию таких слов, происхождение и первоначальное членение которых вскрывается исключительно на базе исторического анализа, опирающегося на всю индоевропейскую семью языков.

Однако есть круг вопросов, связанных с этимологическим анализом, элементарное понимание которых необходимо для овладения языком. Такими вопросами являются:

- 1) понятие о продуктивных и непродуктивных средствах языка;
- 2) умение правильно использовать средства словообразования;
- 3) понятие о значении слова в современном языке;
- 4) понимание того, что слово может менять свое значение с развитием общества;
- 5) понятие об этимологическом значении слова.

В самом деле, значение слова *колесо* может изучаться в современном русском языке двумя приемами. Первый прием имеет в виду слово в его собственном значении. Это значение определяется толковыми словарями

русского языка. Собственное современное значение - это прежде всего обозначение словом предметов, явлений, отношений действительности.

Современное значение слова регулирует возможности сочетаемости данного слова с другими словами и контекстуальные оттенки.

Этот же вопрос о значении слова можно рассматривать в школе и с другой стороны: почему слова *колесо*, *колея*, *около*, *околица*, *околоток*, *кольцо*, *калач* (*колач*) имеют сходные звуки в корневой части. Вопрос о том, случайны ли подобные созвучия, возникает даже у учащихся средней школы.

Выделение корня имеет очень большое значение для создания практической грамотности. Если студент быстро, правильно выделяет корень слова, т. е. практически понимает, что корень слова - «это общая часть родственных слов, которая дальше не делится», то он не затруднится в правописании таких корней с безударными гласными, которые проверяются изменением слова.

Какими же средствами достигается навык правильного выделения корня слова? Прежде всего преподаватель должен четко определить основные признаки корня: неделимость и общее лексическое значение, сохраняющееся в родственных словах. Так, сравнивая следующий ряд слов, легко выявить эти признаки:

- 1) *Лес* - скопление деревьев, обычно лиственных, занимающих значительное пространство на местности.
- 2) *Лес-ок* - небольшой лес (или молодой лес).
- 3) *Лес-н-ой* (участок, житель, цветок) находящийся в лесу или происходящий из леса.
- 4) *Лес-ник* - человек, который следит за определенным участком леса.
- 5) *Лес-н-ич-ий* - заведующий лесничеством.
- 6) *Лес-н-ич-ество* - участок в лесу, входящий в систему лесного хозяйства.

- 7) *Лес-о-руб* - тот, кто рубит лес.
- 8) *Лес-ист-ая* (местность) - местность, значительной степени покрытая лесом.
- 9) *Пере-лес-ок* - полоса земли с редкими деревьями, объединяющая два леса.

Этот ряд родственных слов позволяет преподавателю отметить, что сочетание звуков *лес* представляет минимум значения в данном случае, а сочетание звуков *ле-* ни корнем, ни словом уже не является, потому что не имеет никакого значения, ни вещественного, ни служебного (Земская 1963.21).

Корень как наименьшая непроеводная основа присутствует во всех родственных словах; сами эти слова могут иметь различное значение. Так, производные слова от корня *лес* могут обозначать человека (см. примеры 4, 5, 7), разновидности леса (см. примеры 1, 2, 9), различные качества, связанные с лесом (см. примеры 3, 8).

Но если мы захотим определить современное значение этих слов, то оно легче всего определяется через слово *лес*.

Следовательно, корень хранит самое общее значение родственной группы слов. Даже в частном случае, когда непроеводная основа совпадает с корнем, все равно следует различать два понятия: 1) слово *лес*, имеющее самостоятельное существование в русском языке и строго определенное значение, и 2) корень *лес*, который, имея общее значение, повторяется в производных словах.

Следовательно, главное различие между основой и корнем в одном и том же слове - это то, что корень имеет общее значение, а основа частное, единичное значение.

Именно в силу того, что его значение самое общее, корень входит во все родственные слова, основа же не обязательно входит полностью во вновь образованное слово, хотя сами производные основы могут давать начало

новым словам. Так, основа *лесник* дает производное *леснич-ество*; от основы *учител-* образованы слова *учитель-ская*, *учитель-ство*. В этих случаях производные слова непосредственно происходят от производных основ.

Корень и основа указывают в слове на так называемое вещественное значение. Это вещественное значение делает слово «строительным материалом языка», создает своего рода «индивидуальное» в слове; но, кроме того, каждое слово в русском языке всегда грамматически оформлено. Чаще всего, как известно, грамматическое значение выражается флексией, т.е. конечной изменяемой частью слова.

Образование новых значений слов может быть вызвано тем, что обозначаемые словом предметы и явления действительности изменяются настолько, что прежнее сходство перестает быть заметным для современного наблюдателя.

Приведем примеры:

1. Слово *булав-к-а* первоначально являлось уменьшительным образованием от слова *булав-а* и сближалось с ним по сходству формы. Вследствие того, что *булава* стала служить символом власти (у казаков) или оружием, а *булав-к-а* - мелким бытовым орудием для скрепления ткани, слова эти утратили связь между собой. Разрыву связей способствовала и разница в стилистических оттенках слова.

2. В иных случаях изоляция значения приводит и к расхождению звуковой формы слова и ее орфографического выражения. Слова *коля*, *колесо*, *калач*, *кольцо* сближались по признаку сходства формы обозначаемых предметов (круг). Слово *калач* (*колач*) обозначало пшеничный подовый хлеб в виде замка круглой формы с круглой дужкой. Так как хлеб стали печь в формах, не обязательно круглых, признак круглой формы стал несущественным, и поэтому в разговорном языке в значении этого слова на первый план выступает не форма хлеба, а материал, из которого он сделан (белая мука). То,

что значение «пшеничный» в слове *калач* является ведущим и общенародным, а первое значение давно устарело, регистрируется в языке полной деэтимологизацией, отразившейся и в разрыве звуковых и орфографических связей. Слово *калач* пишется с *а* в корне, а не с *о*, как родственные с ним по происхождению слова *колесо*, *кольцо* и т. д.

Не всегда изменение первоначального значения и разрушение первоначальных связей приводят к полной деэтимологизации. Степень изолированности слова может быть разной; слово *забыть* менее деэтимологизировано, чем слово *калач*. Преподаватель должен особенно учитывать такие распадающиеся связи, потому что часто, хотя и произошло обособление значений, но в орфографии это не отражается, и такие слова, как *надо*, *колесо*, *около*, продолжают писаться по этимологическому принципу.

Введение в преподавание русского языка понятия изменения значения слова и этимологического (первоначального) значения слова разовьет у студента внимание к слову, его значению, живым связям между словами, выработает навык анализа состава слова и будет способствовать росту грамотности студентов.

Этимологическая работа (там, где это целесообразно и оправдано) требует нужной подготовки со стороны преподавателя. К сожалению, однако, преподаватель не имеет ни одного справочного пособия по истории форм и значения отдельных слов.

Задачей «Краткого этимологического словаря» является популярное изложение тех сведений, которыми располагает наука относительно истории некоторых русских слов. Следовательно, словарь должен ставить своей целью дать преподавателю недостающий справочный материал по истории наиболее употребительных слов русского языка. Его задачи методические, а не научно-исследовательские.

Этимологический словарь краткого типа не должен воспроизводить полностью научный аппарат. Словарь лишь изредка должен привлекать данные других языков. В основном система доказательств истории слова и его значения должна даваться в той степени, как ее сохранила история русского языка.

Отбор лексики в этот словарь должен быть подчинен учебным целям: разъяснение дается тому запасу слов, которые наиболее часто встречаются как термины наук в учебниках, классических произведениях русской литературы. Такой словарь поможет преподавателю в его орфографической работе, указывая и объясняя отклонения от морфологического принципа правописания. Все слова в нем должны быть расчленены на морфемы с соответствующими указаниями о расхождении современного членения слова с этимологическим.

Для того чтобы дать представление о содержании и характере обработки материала, приведем пример словарной статьи.

Бел-. Название молочного, неопределенного цвета или прозрачного вида предметов, например:

*Весело сияет месяц над селом, **белый** снег сверкает синим огоньком*» (Никитин);

*«белый свет», белый день»; «И в **белый** день и по ночам наш витязь едет непрестанно»* (Пушкин).

I. Значение молочного цвета в этом корне стало наиболее употребительным, и с этим значением многочисленны слова: *бел-ый (снег), бел-еть, бел-ить, бел-изна, бел-ила, бел-оват-ый, бел-ес-ый, бел-ес-оват-ый* - неполнота белизны в последних словах зависит от суффиксов; *бель-мо* - нарост белого цвета на роговой оболочке глаза.

Могут встречаться слова и со значением неопределенности, бесцветности, прозрачности: *бел-уга - рыба из семейства осетровых со светлой окраской*

кожи; бел-ок яйца-в сыром виде прозрачен, бесцветен, в вареном молочно-белый.

II. У ряда слов этого корня связи с родственными словами ослабели потому, что белый цвет предмета - причина названия - перестал быть характерным для предметов, обозначаемых словами с этим корнем. Такова группа: *бель-ев-щица, бель-ев-ой*, производная от слова *бел-ье*. Слово *бел-ье* обозначает нательную одежду, которая из гигиенических соображений делалась обычно из материала белого цвета. Однако сейчас носят белье разных цветовых оттенков, поэтому в сочетаниях: «цветное белье», «трикотажное белье» у слова *белье* связь с понятием белизны утрачена.

III. Еще более ослаблена связь с родственными словами у группы слов: *бел-ич-ий, бел-ка* - маленькое лесное животное из породы грызунов, получившее свое название, видимо, по породе белых белок. Причиной названия этим корнем могло быть и то, что зимняя окраска зверька очень светлого серовато-голубоватого оттенка. Слова же с корнем *бел* могут обозначать и неопределенные светлые тона.

IV. Так как белый обозначает признак противоположный черному, грязному, испачканному, то слова с корнем *бел* могут обозначать «чистый»; *белая изба», «белые пятна» (на карте)* - неисследованные и не испещренные знаками на карте, *беловик* - чисто переписанная работа.

V. В эпоху Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны 1918 - 1922 гг. слово *белые* в субстантивированном употреблении обозначало контрреволюционные войска (в противоположность слову *красные*, обозначавшему революционные войска рабоче-крестьянского правительства). Употребление этих цветовых прилагательных со значением цвета в политическом смысле вытекало из символики и формы одежды воюющих сторон. У Советской Армии *красное знамя, красная звезда* на головном уборе; уже в XIX веке слово *красный* значило революционный.

Обычай обозначать политические партии цветовыми прилагательными встречается не только в русском языке (ср. войну *Алой и Белой Розы* - Англия; «*Красное и белое*». «*Красное и черное*» Стендаля - Франция). Источники подобной традиции связаны, очевидно, с обозначением политических партий, борющихся команд в спорте, разными цветами одежды (ср. цвета жокеев на ипподроме, шахматные противники: белые и черные).

Словарный состав языка находится в состоянии почти непрерывного изменения; при этом, хотя часть слов отмирает, «к нему прибавляется гораздо большее количество новых слов», обусловленных изменениями в производстве и общественной жизни.

Образование новых слов представляет собой процесс закрепления в нашем сознании тех или иных понятий о вещах и явлениях, существующих вне нас. Всякое понятие в человеческом сознании формируется на базе языкового материала, так как «реальность мысли проявляется в языке» и «оголённых мыслей, не связанных с языковым материалом, не существует у людей, владеющих языком».

При создании нового слова языковая практика опирается на использование уже существующего в языке лексического элемента, выражающего один из существенных признаков формирующегося понятия. Как показал Р. А. Будагов, слово *летчик* оформилось на основе корня *лет-* и суффикса *-чик*, соединение которых в данном случае было новым, но морфологические элементы этого слова были широко известны носителям языка, встречаясь, с одной стороны, в ряде слов с корнем *лет-* (*летать* - *подлетать* - *прилет* - *летающий* и др.), с другой стороны, в ряде слов с суффиксом *-чик* (*разносчик*, *докладчик* и др.) (Михайлов 1989. 83).

В ходе усовершенствования системы словообразования в языке вырабатывается целая система словообразовательных элементов, с помощью которых понятие, заключенное в производящих основах, получает иное освещение. Так, суффиксы *-щик* (*-чик*), *-ец*, *-ист* и др., соединяясь с основами

определенной семантики, придают последним значение лица мужского рода (*угольщик, переводчик, борец*), суффиксы же *-ние (-нье), -тие (-тье)* и др. придают производящим основам значение отвлеченного действия (*усвоение, плавание, открытие* и др.).

В сочетании с какой-либо основой всякий словообразовательный суффикс модифицирует ее лексическое грамматическое значение, в результате чего рождается новое слово, которое, сохраняя семантическую связь со своей основой, примыкает к той грамматической категории, которая свойственна тому или иному лексико-грамматическому разряду слов. Так, в кругу имен существительных семантически намечаются следующие категории слов: слова со значением лица, орудия действия, отвлеченного качества, состояния, конкретного предмета и др.

Каждая категория этих слов обогащается и пополняется с помощью определенной системы аффиксов, которая действует в ее пределах. Приемы сцепления словообразовательных элементов с производящими основами определяют грамматическую структуру нового слова, возникающего по словообразовательной модели, которая действует в тот или иной период жизни языка.

Продуктивность словообразовательной модели или морфологического типа определяется внутренними законами развития языка, по которым происходит развертывание и совершенствование основы языка - основного словарного фонда и грамматического строя.

Изучение способов образования новых слов и определение продуктивности отдельных морфологических типов в русском литературном языке представляет значительный интерес, поскольку это позволит установить наличие некоторых тенденций в области современного русского словообразования, а также даст необходимый материал преподавателю высшей школы при изучении развития русской лексики.

Словарный состав русского языка пополнился и обогатился значительным количеством новообразований, из которых некоторые являлись новыми лишь относительно; они, возможно, уже давно встречались в специальных сферах языка и только потом поступили в общее употребление. Русский язык каждого периода отражает характер общественной жизни эпохи, дух времени и истории.

Предложения по методике преподавания

Введение визуальных таблиц словообразовательных моделей.

Использование ассоциативных и игровых методов (например, морфемных пазлов).

Сравнительный анализ с родным языком студентов.

Введение упражнений на моделирование слов.

Работа с производными гнёздами слов (например, письмо – писать – писатель – писательский).

Заключение

Проблемы словообразования на занятиях русского языка в нерусской аудитории обусловлены как объективной сложностью структуры русского языка, так и методическими пробелами в преподавании. Для успешного преодоления этих трудностей необходим комплексный подход, основанный на систематизации материала, использовании наглядных средств и индивидуализации обучения.

Внедрение инновационных методик и усиление акцента на словообразование в преподавании РКИ позволит повысить языковую компетенцию студентов и уровень их языковой самостоятельности.

ЛИТЕРАТУРА

- 1- Верещагин, Е. М.; Костомаров, В. Г. (1983). *Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного*. Москва: Рус. яз., 1983. — 269 с.
- 2- Зализняк, А. А. (2003). *Грамматический словарь русского языка. Словоизменение*. Изд. 4-е, исправленное и дополненное. Москва: Русские словари, 2003. — ISBN 5-88744-044-9, 795с.
- 3- Земская, Е. А. (1963). *Как делают слова?* [Текст] / Е. А. Земская. — Москва: Наука, 1963. — 47 с.
- 4- Земская, Е. А. (1992). *Словообразование как деятельность* [Текст] / Е. А. Земская. — Москва: Наука, 1992. — 221 с.
- 5- Кубрякова, Е. С. (1977). *Теория номинации и словообразования* [Текст] // Языковая номинация. Виды наименований / Е. С. Кубрякова. — Москва: Наука, 1977. — С. 202–304.
- 6- Кубрякова, Е. С. (1981). *Типы языковых значений. Семантика производного слова* [Текст] / Е. С. Кубрякова. — Москва: Наука, 1981. — 189 с.
- 7- Кубрякова, Е. С. (1965). *Что такое словообразование?* [Текст] / Е. С. Кубрякова. — Москва: Наука, 1965. — 90 с.
- 8- Лейчик, В. М. (1982). *Люди и слова* [Текст] / В. М. Лейчик. — Москва: Наука, 1982. — 175 с.
- 9- Лопатин, В.В. (1977). *Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания* [Текст] / В. В. Лопатин. — Москва, 1977. — 313 с.: ил.
- 10- Максимов, В. И. (1977). *Структура и членение слова* [Текст] / В. И. Максимов. — Ленинград: ЛГУ, 1977. — 147 с.
- 11- Милославский, И. Г. (1980). *Вопросы словообразовательного синтеза* [Текст] / И. Г. Милославский. — Москва: МГУ, 1980. — 296 с.
- 12- Михайлов, М. А. (1989). *Речевая номинация и выделяемость морфем* [Текст] / М. А. Михайлов. — Красноярск: Красноярск. ун-т, 1989. — 169 с.
- 13- *Морфемика. Принципы и методы системного описания* [Текст] (1987). межвузовский сб. — Ленинград: ЛГУ, 1987. — 193 с., С.27-35.
- 14- Никитевич, В. М. (1985). *Основы номинативной деривации* [Текст] / В. М. Никитевич. — Минск: Высшая школа, 1985. — 157 с.
- 15- *Образование употребительных слов русского языка* [Текст] / Л. Н. Засорина, М. И. Привалова (1979). — Москва: Русский язык, 1979. — 279 с., С.125-134.
- 16- *Принципы лексической и словообразовательной мотивации в русском языке* [Текст] (1986). межвузовский сб. — Барнаул: АлтГУ, 1986. — 205 с., С.69-78.

- 17- *Развитие современного русского языка*. 1972. Словообразование. Членимость слова [Текст] (1975). сб. ст. / отв. ред. Е. А. Земская; АН СССР, Ин-т русского языка. – Москва: Наука, 1975. – 264 с., С.94-102.

Bibliography

- 1- Vereshchagin, E. M.; Kostomarov, V. G. (1983). *Iazyk i kul'tura. Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo iazyka kak inostrannogo*. Moskva: Rus. iaz., 1983. — 269 s.
- 2- Zalizniak, A. A. (2003). *Grammaticheskii slovar' russkogo iazyka. Slovoizmenenie*. Izd. 4 e, ispravlennoe i dopolnennoe. Moskva: Russkie slovari, 2003. — ISBN 5 88744 044 9, 795s.
- 3- Zemskaja, E. A. (1963). *Kak delaiut slova?* [Tekst] / E. A. Zemskaja. – Moskva: Nauka, 1963. – 47 s.
- 4- Zemskaja, E. A. (1992). *Slovoobrazovanie kak deiatel'nost'* [Tekst] / E. A. Zemskaja. – Moskva: Nauka, 1992. – 221 s.
- 5- Kubriakova, E. S. (1977). *Teoriia nominatsii i slovoobrazovaniia* [Tekst] // *Iazykovaia nominatsiia. Vidy naimenovaniia* / E. S. Kubriakova. – Moskva: Nauka, 1977. – S. 202–304.
- 6- Kubriakova, E. S. (1981). *Tipy iazykovykh znachenii. Semantika proizvodnogo slova* [Tekst] / E. S. Kubriakova. – Moskva: Nauka, 1981. – 189 s.
- 7- Kubriakova, E. S. (1965). *Chto takoe slovoobrazovanie?* [Tekst] / E. S. Kubriakova. – Moskva: Nauka, 1965. – 90 s.
- 8- Leichik, V. M. (1982). *Liudi i slova* [Tekst] / V. M. Leichik. – Moskva: Nauka, 1982. – 175 s.
- 9- Lopatin, V.V. (1977). *Russkaia slovoobrazovatel'naia morfemika. Problemy i printsipy opisaniia* [Tekst] / V. V. Lopatin. – Moskva, 1977. – 313 s.: il.
- 10- Maksimov, V. I. (1977). *Struktura i chlenenie slova* [Tekst] / V. I. Maksimov. – Leningrad: LGU, 1977. – 147 s.
- 11- Miloslavskii, I. G. (1980). *Voprosy slovoobrazovatel'nogo sinteza* [Tekst] / I. G. Miloslavskii. – Moskva: MGU, 1980. – 296 s.
- 12- Mikhailov, M. A. (1989). *Rechevaia nominatsiia i vydelimost' morfem* [Tekst] / M. A. Mikhailov. – Krasnoiarsk: Krasnoiarsk. un-t, 1989. – 169 s.
- 13- *Morfemika. Printsipy i metody sistemnogo opisaniia* [Tekst] (1987). mezhvuzovskii sb. – Leningrad: LGU, 1987. – 193 s., S.27-35.
- 14- Nikitevich, V. M. (1985). *Osnovy nominativnoi derivatsii* [Tekst] / V. M. Nikitevich. – Minsk: Vysshiaia shkola, 1985. – 157 s.

- 15- *Obrazovanie upotrebitel'nykh slov russkogo iazyka* [Tekst] / L. N. Zazorina, M. I. Privalova (1979). – Moskva: Russkii iazyk, 1979. – 279 s., S.125-134.
- 16- *Printsipy leksicheskoi i slovoobrazovatel'noi motivatsii v russkom iazyke* [Tekst] (1986). mezhvuzovskii sb. – Barnaul: AltGU, 1986. – 205 s., S.69-78.
- 17- *Razvitie sovremennogo russkogo iazyka*. 1972. Slovoobrazovanie. Chlenimost' slova [Tekst] (1975). sb. st. / otv. red. E. A. Zemskaja; AN SSSR, In-t russkogo iazyka. – Moskva: Nauka, 1975. – 264 s., S.94-102.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Sharipova Nozanin Tavakalovna (2025). PROBLEMS OF RUSSIAN WORD FORMATION IN RUSSIAN LANGUAGE CLASSES IN NON-RUSSIAN AUDIENCES. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literaturny*, 13(2), 203-220.

DOI: 10.61186/IARLL.26.11

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/380>

مسائل واژه‌سازی زبان روسی در کلاس‌های زبان روسی برای غیرروس‌زبانان

نازنین توکلونا شریپوا^{*}

استادیار زبان روسی، دانشگاه ملی تاجیکستان،

دوشنبه، تاجیکستان.

(تاریخ دریافت: مه ۲۰۲۵؛ تاریخ پذیرش: ژوئیه ۲۰۲۵)

چکیده

شباهت پدیده‌ها و اشیای پیرامون زندگی ما در زبان بازتاب می‌یابد؛ این شباهت در کلمات نیز از طریق همسانی صورت آوایی و معنایی آشکار می‌شود. واژگان، همانند زبان به‌طور کلی، در حال دگرگونی و تحول‌اند. این تحول در تغییر معنای واژه و نیز در تغییر تقسیم‌بندی واژه به اجزای سازنده آن نمود پیدا می‌کند. نام‌گذاری مفاهیم جدید برای پدیده‌های عینی، در زبان همواره ذیل الگوها و مدل‌های موجود انجام می‌گیرد؛ بدین ترتیب، پدیده‌های خاص به سطح تعمیم‌های ساختاری - دستوری ارتقا می‌یابند. در فرایند تکامل نظام واژه‌سازی، مجموعه‌ای از عناصر واژه‌ساز شکل می‌گیرد که با کمک آن‌ها معنای مستتر در ریشه‌های مولد، بازتابی تازه می‌یابد. به‌عنوان نمونه، پسوندهای (-чик) -щик، -ец، -ист و غیره وقتی با ریشه‌هایی با معنای خاص ترکیب می‌شوند، دلالت بر شخص مذکر پیدا می‌کنند (مانند «угольщик» زغال‌فروش «переводчик» مترجم «борец» مبارز). همچنین پسوندهای (-ние) -ние، (-ть) -тие و -тие جز آن، به ریشه‌های مولد معنای «کنش انتزاعی» می‌بخشند (مانند «усвоение» یادگیری «плавание» شنا «открытие» کشف). هر پسوند واژه‌ساز در ترکیب با یک ریشه، معنای واژگانی - دستوری آن را دگرگون می‌سازد و در نتیجه، واژه‌ای تازه شکل می‌گیرد که ضمن حفظ پیوند معنایی با ریشه خود، به مقوله‌ی دستوری جدیدی وابسته می‌شود. پیدایش واژه‌های تازه بر اساس الگوهای مختلف واژه‌سازی تابع قوانین ترکیب مورفم‌هاست که ساختار دستوری زبان روسی آن‌ها را تعیین می‌کند. بررسی شیوه‌های واژه‌سازی و تعیین میزان پربار بودن هر یک از انواع صرفی در زبان ادبی روسی، از اهمیت ویژه‌ای برخوردار است، زیرا چنین بررسی‌ای امکان شناخت برخی گرایش‌ها در واژه‌سازی معاصر روسی را فراهم می‌آورد و نیز مواد آموزشی لازم را برای مدرسان دانشگاهی در آموزش تحول واژگان روسی مهیا می‌سازد. گنجینه‌ی واژگان زبان روسی با شمار فراوانی از واژه‌های نو پربارتر شده است که برخی از آن‌ها تنها نسبتاً نو به‌شمار می‌آیند؛ چه‌بسا پیش‌تر در حوزه‌های خاص زبان به‌کار می‌رفته‌اند و سپس وارد کاربرد عمومی شده‌اند. زبان روسی در هر دوره بازتاب‌دهنده‌ی ویژگی‌های زندگی اجتماعی، روح زمانه و تاریخ آن عصر است. واژه‌های نو بر اساس الگوها و مدل‌های معینی شکل می‌گیرند که مناسب‌ترین شیوه‌ی بررسی آن‌ها، تحلیل در چارچوب مقولات دستوری است.

واژگان کلیدی: زبان روسی معاصر، واژه‌سازی، وند، ریشه، بن، نوواژه.

1. E-mail: nozanin636@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0000-4338-4452>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی - پژوهشی

ON THE QUESTION ABOUT THE SPELLING OF COMPOUND ADJECTIVES (complex adjectives with a supporting component - participle)

Okhunova Salomat^{1*}

Assistant Professor of Russian Language, Tajik National University,
Dushanbe, Tajikistan

(date of receiving: June, 2025; date of acceptance: July, 2025)

Abstract

One of the word-formation methods that are actively operating in the modern Russian language is word composition. The use of this method is especially widespread in the category of adjectives. Comparison of the Usability of Certain Types of Composition in the Literary Language of the 18th, 19th and 20th Centuries. leads to the conclusion that the most productive types of composition of the modern Russian language were fixed from the beginning and throughout the 19th century, i.e. during the formation of the modern Russian literary language. The most characteristic of the modern Russian language of the last period is the very widespread use of the connecting method of word formation. This type of composition was also known in earlier periods of the development of the Russian language, but only during the 19th century. became widespread, which was fixed and received its further development in the literary language of the last period. Two types of subordinating word composition are also very widespread at the present time, which were productive in earlier periods of the development of the Russian literary language. But the use of these types of compounding in modern language also differs sharply from their use in earlier periods.

Keywords: Composition, Modern Russian Language, Early and Late Periods, Adjective, Usage, Method of Word Formation, Vocabulary.

1. E-mail: akila.ru@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0003-2428-3033>

* Corresponding author

К ВОПРОСУ О ПРАВОПИСАНИИ СЛОЖНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ (сложные прилагательные с опорным компонентом- причастием)

Охунова Саломат^{1*}

Старший преподаватель, Таджикский национальный университет,
Душанбе, Таджикистан.

(дата получения: июнь 2025 г.; дата принятия: июль 2025 г.)

Аннотация

Одним из словообразовательных способов, активно действующих в современном русском языке, является словосложение. Особенно широко использование этого способа представлено в категории имен прилагательных. Сравнение употребительности определенных типов словосложения в литературном языке XVIII, XIX и XX вв. приводит к выводу, что наиболее продуктивные типы словосложения современного русского языка закрепились с начала и на протяжении XIX в., т.е. в период становления современного русского литературного языка. Наиболее характерным для современного русского языка последнего периода является очень широкое использование соединительного способа словосложения. Этот тип словосложения был известен и в более ранние периоды развития русского языка, но лишь на протяжении XIX в. получил широкое распространение, что закрепились и получило свое дальнейшее развитие в литературном языке последнего периода. Очень широкое распространение имеют в настоящее время также два типа подчинительного словосложения, которые были продуктивны и в более ранние периоды развития русского литературного языка. Но использование этих типов словосложения в современном языке также резко отличается от использования их в более ранние периоды.

Ключевые слова: словосложение, современный русский язык, ранний и поздний периоды, прилагательное, употребительность, способ словообразования, лексика.

1. E-mail: akila.ru@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0003-2428-3033>

* Ответственный автор

Введение

В последние десятилетия в русском языке наблюдается активное развитие процессов словообразования, среди которых особое внимание заслуживает словосложение. Сложные слова, формируемые соединением двух и более основ, не только обогащают лексику, но и отражают изменения в когнитивной и коммуникативной практике общества. Особенно это заметно в научной и технической терминологии, где требуется точность и ёмкость выражения понятий.

Актуальность исследования обусловлена тем, что, несмотря на обилие сложных слов в современной письменной речи, не всегда ясно, по каким моделям они строятся, какие из них являются продуктивными, и какие формы являются нормативными с точки зрения современного кодифицированного языка. Наряду с традиционными моделями словосложения всё чаще встречаются нестандартные конструкции, требующие дополнительного анализа и осмысления.

Целью данного исследования является выявление и описание продуктивных моделей сложных слов в современном русском языке, прежде всего в научной и общеупотребительной лексике, а также анализ специфики их структуры и морфемного состава. **Задачи исследования:** определить основные типы соединения основ в составе сложных слов; провести морфемный и структурный анализ примеров; установить признаки терминологичности сложных единиц; оценить продуктивность различных моделей словосложения на основе языкового материала; сопоставить результаты с данными современной орфографической практики. **Объектом исследования** выступают сложные слова, образованные путём словосложения (включая сращение и соединительный способ) в русском языке. **Предмет исследования** — продуктивные модели словосложения, механизмы соединения основ и их роль в формировании терминологических единиц.

Границы исследования ограничиваются письменной нормой современного русского языка начала XXI в. В анализ включены только устойчивые (лексикализованные или частотные) сложные слова, преимущественно из сферы научной, официально-деловой и массово-медийной речи. Разговорная, художественная и поэтическая лексика, равно как и окказионализмы, в исследование не включаются.

Обзор научной литературы показывает, что к настоящему времени накоплен значительный корпус работ по теории словосложения (А.Н. Тихонов, Н.Ю. Шведова, Е.С. Кубрякова и др.), однако вопросы продуктивности моделей и критерии терминологичности в современных условиях остаются дискуссионными. Особенно это касается новых гибридных форм, не всегда укладывающихся в традиционные классификации. При этом современные исследования после 2000 года (например, труды Е.Л. Каргузовой, М.А. Стефаненко, И.Ю. Бардиной и др.) отмечают рост значимости композитных структур в языке профессионального общения и необходимость их нормативной фиксации.

Основная часть

Словарный состав – это область языка, представляющая обширный материал для наблюдения. Лексический состав русского языка, как и любого другого языка мира, постоянно подвергается изменениям, развивается и дополняется новыми словами, и большинство из них сложные. Существует множество способов образования слов. Чаще всего встречаются сложные слова, образованные с помощью сложения двух корней и более, самые сложные слова для написания и произношения: слова – значения величины, слова – названия химических соединений. Также русский словарь активно обогащается иноязычными заимствованными словами, многие из них имеют сложную корневую основу. Активное включение сложных слов в русскую

лексику подтверждает необходимость изучения особенностей семантики и структуры, а также способов образования сложных слов, несомненно, имеет теоретическое и практическое значение для современного языкознания. Таким образом, процесс образования сложных слов находится в непрерывном развитии.

Словосложение — это один из способов образования новых слов в русском языке путем соединения двух или более слов, обычно без пробелов. Оно может выполнять разные функции и иметь разные формы. Вот несколько основных типов словосложения в русском языке:

По смыслу:

Определительное словосложение: состоит из определения и определяемого слова, например, "городской парк", "красный костюм".

Описательное словосложение: слова соединяются, чтобы передать некий образ, например, "солнечный день", "горячая вода".

По значению:

Сложные существительные: два или более существительных объединяются, чтобы обозначить какой-либо объект, например, "самолет", "картофель".

Сложные прилагательные: прилагательное и существительное объединяются, чтобы описать характеристику объекта, например, "горячий чай", "красная роза".

По времени или месту:

Пространственное словосложение: слова объединяются, чтобы указать местоположение или направление, например, "лесной дом", "речной берег".

Временное словосложение: слова соединяются, чтобы указать время или период, например, "ночной город", "зимний вечер".

По количеству:

Двойное словосложение: два слова объединяются, например, "мороженое" (мороз + е(д)ное).

Тройное словосложение: три слова объединяются, например, "подсолнух" (под + солнце + цвет).

Словосложение в русском языке позволяет создавать новые слова и расширять лексикон для описания различных концепций, предметов и идей.

Кроме основных типов словосложения, в русском языке существует ещё несколько важных аспектов, связанных со словосложением:

Формы словосложения:

Простое словосложение: при этом два слова объединяются без изменений, например, "красная роза".

Сложное словосложение: при этом одно из слов может изменяться, например, "весело-печальный" (веселый-печальный).

Сложение с предлогами: предлоги могут использоваться для объединения слов, например, "под водой", "без страха".

Семантические отношения:

Композиция: новое слово описывает объект, состоящий из частей, например, "автобус" (авто + бус).

Деривация: новое слово образуется на основе другого слова с помощью аффиксов (префиксов, суффиксов и т.д.), например, "поднимать" (под + нимать).

Контаминация: это образование нового слова путем смешивания двух схожих по звучанию слов, например, "непередаваемо" (непередаваемый + невероятно).

Кроме перечисленных видов словосложения, в русском языке существует еще несколько особенных видов, которые используются для образования сложных слов:

Словосложение по производственному признаку: В этом случае слова объединяются для обозначения объектов, обладающих общим производственным признаком. Пример: "подъемник" (поднимать + механизм).

Композиционное словосложение: Это словосложение, в котором два слова объединяются, и одно из них изменяется с помощью суффиксов или приставок. Пример: "бездушный" (без + душа).

Аббревиатурное словосложение: Включает в себя сокращенные формы слов или фраз, объединенные в одно слово. Пример: "авиабилет" (авиация + билет).

Антропонимическое словосложение: Слова объединяются для образования имени собственного, часто описывая характеристики или происхождение объекта или места. Пример: "Москва" (мох + сквозь) - по преданию, место основания города было покрыто мхом, сквозь который прошли первые жители.

Интернациональное словосложение: Этот вид словосложения включает в себя слова из разных языков, объединенные в одно слово. Пример: "телефон" (греческое "теле" + латинское "phon" - звук).

Аналогическое словосложение: Слова объединяются на основе аналогии с уже существующими словами. Пример: "телескоп" (теле- аналогично "телевидение" и -скоп аналогично "микроскоп").

Модель	Кол-во слов	Примеры	Частотность (в корпусе)
N+N	12	геополитика, микрокредит	высокая
A+N	5	чернозем, белодом	средняя
V+N	3	пылесос, печатник	низкая

Эти различные типы словосложения в русском языке демонстрируют богатство и гибкость языка, который позволяет создавать новые слова для выражения различных идей и концепций.

Наиболее характерным для современного русского языка последнего периода является широкое использование соединительного способа

словосложения. Этот тип словосложения был известен и в более ранние периоды развития русского языка, но лишь на протяжении XIX в. получил широкое распространение, что закрепилось и получило свое дальнейшее развитие в литературном языке последнего периода. Широкое распространение имеют в настоящее время также два типа подчинительного словосложения, которые были продуктивны и в более ранние периоды развития русского литературного языка. Но использование этих типов словосложения в современном языке также резко отличается от использования их в более ранние периоды. В дальнейшем речь пойдет лишь об этих трех очень продуктивных в литературном языке последнего периода типах словосложения. Остановимся вкратце на их описании.

I. Соединительный способ словосложения

Члены подобных сложений равноправны и независимы. Такова смысловая связь между словами, соединенными в одно сложное слово при помощи соединительных гласных О или Е. Подобные сложные прилагательные представляют собой либо соединение двух основ имен существительных (ко второй части сложения присоединяются обычно суффиксы и окончания прилагательных, переводящие все сложение в разряд имен прилагательных), например: *вопросно-ответный, яйцо-мясной, прихода-расходный, физико-математический*, либо соединение двух, а иногда и трех основ качественных или относительных прилагательных, например: *глухонемой, торгово-промышленный, мукомольно-крупяной, почтово-телеграфный*.

II. Подчинительный способ словосложения

При помощи этого способа словосложения образуется большое количество различных типов сложных прилагательных, члены которых по смыслу находятся в различных подчинительных связях между собой.

Остановимся лишь на двух типах подчинительного словосложения, которые являются очень продуктивными в современном языке.

1. Наречие или основа имен прилагательных в функции наречия первой части сложения присоединяется к имени прилагательному или причастию второй части. Например: *малограмотный, острозаразный, дорогостоящий, свежескошенный*.

2. Из сочетания имени прилагательного и имени существительного образуется сложное прилагательное. К основе существительного второй части сложения присоединяется окончание или суффикс и окончание прилагательных, переводящие все сложение в разряд имен прилагательных. Вторые части подобных сложений или не употребляются в языке самостоятельно (*краснолицый, разноцветный*) или употребляются (*мелкобуржуазный*).

Даже при беглом знакомстве с огромным количеством новообразований, созданных при помощи наиболее продуктивных типов словосложения, бросается в глаза разнообразие целей и задач, которые побуждают в каждом отдельном случае прибегнуть к словосложению. Прежде всего словосложение используется в чисто лексических целях, для образования нужных слов.

Возможность в единой словесной форме выразить богатое содержание - эта общая особенность словосложения обусловила широкое использование этого словообразовательного способа для создания самой различной лексики, а в особенности политической, специальной, терминологической. Точность и определенность, присущие такого рода лексике, легко достигаются использованием словосложения.

Соединительный способ словосложения используется в современном языке не только для образования устойчивых лексических единиц, но и для образования таких лексических единиц, которые не являются устойчивыми.

Неустойчивые лексические единицы - это свободные соединения слов в единой словесной форме, употребляемые для выражения какого-либо значения, для передачи необходимого оттенка значения. Подобные образования могут стать устойчивыми лексическими единицами в случае частого употребления такого соединительного сложения с определенным существительным. Тогда оно уже начинает выражать понятие постоянной совокупности каких-то признаков, т.е. становится устойчивой лексической единицей, прочно входит в состав литературного языка, например: *научно-популярный фильм* (или *статья*). Это сложное прилагательное уже можно считать прочно вошедшим в состав литературного языка.

Однако страницы наших газет и книг наполнены соединительными сложными прилагательными, не являющимися устойчивыми лексическими единицами. Например: *энергосберегающий режим, информационно-правовой портал, студенческо-молодежный воскресник, литературно-музыкальный вечер, научно-педагогическая работа, учебно-воспитательная работа* и т. п.

Следует указать также, что в последние годы соединительные сложения стали довольно часто употребляться для передачи значений несколько иного типа. Обычно соединительные сложения выражают не простую сумму значений соединяемых слов, а обобщенное значение совокупности каких-либо признаков. Это обобщение может быть большим и меньшим в зависимости от того слова, которое определяется данным прилагательным, и от устойчивости сложения. Устойчивые сложения передают обобщенное значение постоянной совокупности каких-то признаков. В неустойчивых лексических единицах элемент обобщения соединенных значений гораздо слабее.

Употребленные же с некоторыми существительными, соединительные сложения могут передавать значения, не равные сумме значений соединяемых слов. Подобные сложные прилагательные выражают: «имеющий место

между...» Например: *российско-таджикское общество, болгаро-чешские торговые переговоры.*

Подобные значения соединительные сложные прилагательные могут выражать только в сочетании с определенными существительными, в лексическом значении которых заключено обязательно значение отношения, связи между предметами, явлениями, сторонами. Поэтому только с такими существительными, как *договор, дружба, отношения, пакт, переговоры, сближение, соглашение, сотрудничество, союз* и т.п., соединительные сложные прилагательные могут передавать указанные значения.

Такие сложные прилагательные заменяют словосочетания. Вместо «*договор между Ираном и Индией*» можно сказать *ирано-индийский договор*.

В литературном языке последнего периода значения этого рода стали передаваться преимущественно при помощи данного словообразовательного способа.

Соединительное словосложение используется и для образования более или менее устойчивой специальной и терминологической лексики, официальной, деловой и политической. Это свидетельствует о широком и разнообразном использовании данного способа словосложения в современном языке. Приведем некоторые примеры.

Лексика деловая официальная: *автомобильно-механический отдел, административно-хозяйственное управление, Военно-политическая академия, контрольно-диспетчерский пункт, лимонно-мандариновый сок, механико-машиностроительный вуз, химико-технологический факультет, плано-экономический институт, плодово-ягодные станции, поточно-конвейерная кладка стен, поточно-скоростное строительство жилых домов, почвенно-агрономическая станция, пушино-меховой институт, садово-ягодные тракторы, топливно-энергетическое управление, Туркестано-Сибирская железная дорога, целлюлозно-бумажный комбинат, военно-политическое управление Вооружённых сил.*

***Лексика политическая:** марксистско-ленинская партия, национально-демократический фронт, рабоче-крестьянское правительство.*

***Лексика специальная, терминологическая:** вогнуто-выпуклая линза, водно-ледниковые наносы, идейно-художественные особенности, критико-биографический очерк, лексико-фразеологические процессы, магнитно-электрическая система, палево- подзолистые почвы, подзолисто-болотный ряд, понтонно-мостовая часть, приемно-передающие антенны, почвенно-климатические зоны, сравнительно-географический метод, сравнительно-историческое языкознание, фосфорно-органические соединения.*

Приведенный материал достаточно ясно свидетельствует о том, как широко применяется в современном языке соединительный способ словосложения для выражения тех или иных значений, для образования новых слов в самых различных сферах литературного языка. Однако увлечение этим словообразовательным способом приводит нередко к тому, что им начинают злоупотреблять.

Группа сложных прилагательных с опорным компонентом - причастием очень многочисленна и продуктивна в русском языке. Продуктивность ее особенно высока в книжной речи и научно-технической терминологии. В «Правилах русской орфографии и пунктуации» слова указанного типа отдельно не рассматриваются. Они включены в группу сложных прилагательных и представлены очень небольшим количеством примеров. Правописание же сложных прилагательных с опорным компонентом - причастием имеет некоторые особенности, обусловленные их морфологической структурой.

Значительной по объему среди рассматриваемых слов является группа прилагательных, которые представляют собой сложения с подчинительным отношением основ. Такие прилагательные, согласно Грамматике современного русского языка, пишутся слитно как слова, «образованные из сочетаний слов,

по своему значению подчиненных одно другому». Зависимой частью в данном случае являются основы существительных и прилагательных.

В качестве первой основы у таких прилагательных выступают основы существительных: *болеутоляющий* (*утоляющий боль*), *буквопечатающий* (*печатающий буквы*), *водораспределяющий* (*распределяющий воду*), *лагоотталкивающий* (*отталкивающий лагу*), *взрывозащищенный* (*защищенный от взрывов*), *жаропонижающий* (*понижающий жар*), *железообрабатывающий* (*обрабатывающий железо*), *звукозаписывающий* (*записывающий звуки*), *льносеющий* (*сеющий лен*), *почвоулучшающий* (*улучшающий почву*), *пылеотталкивающий* (*отталкивающий пыль*), *хлеботоргуемый* (*торгующий хлебом*) (Тихонов 1981. 67-78).

В качестве первой основы могут выступать и существительные в винительном падеже, этот тип сложения характерен для научно-технической терминологии: *азотусваивающий*, *борсодержащий*, *витаминсодержащий*, *газодобывающий*, *крахмалсодержащий*, *медьсодержащий*, *хлорсодержащий*. Подобные словообразования существуют в языке иногда наряду с *азотосуваивающий*, *витаминосодержащий*, *газодобывающий*, *крахмалосодержащий*.

Основы прилагательных выступают в качестве первой части сложений в следующих сложных прилагательных: *новообразующийся*, *разноспрягаемый*, *удоборегулируемый*, *правовращающий*, *дальнодействующий*, *взаимозависимый*, *достоуважаемый*, *досточтимый*, *взаимозаменяемый*, *взаимоисключающий*, *нововыстроенный*, *новоиспеченный*, *свежевспаханный*, *свежезамороженный*. В этих словах подчинительные отношения основ выражены не так ярко (ср. *золотодобывающий* - *добывающий золото*). Но невозможность самостоятельного употребления первой части в составе словосочетания, лексически тождественного данному слову, делает слитное написание этой группы сложных прилагательных единственно возможным.

Наиболее продуктивной и многочисленной является группа сложных прилагательных (прилагательные-сращения) с опорным причастием и наречием в качестве первой части этого сращения. Для них характерно только слитное написание: *активнодействующий, быстроспламеняющийся, бурнокипящий, быстродвижущийся, высоколетающий, высокооплачиваемый, грубоизмельченный, законнорожденный, короткоживущий, легковооруженный, обратнодвижущийся, прямостоящий, узкоспециализированный* (Тихонов 1981. 78-92).

Критерием слитного написания перечисленных слов является их терминологичность: «Надежным критерием цельнооформленности слов-сращений служит их общеупотребительность (словарная закреплённость) или терминологичность».

Согласно Грамматике современного русского языка, «сложные прилагательные, в состав которых входят наречия, не следует смешивать со словосочетаниями, состоящими из наречия и прилагательного (или причастия) и пишущимися раздельно». В данном случае наречие является отдельным членом предложения, словом с самостоятельным ударением: *абстрактно рассмотренный, абсолютно непроницаемый, асимметрично расположенный, бесполезно истраченный, блестяще образованный, гармонично развитый, глубоко расположенный, густо растущий, дополнительно включенный, избирательно действующий, красиво цветущий, максимально допустимый, музыкально одаренный, научно изложенный, рационально устроенный, сильно действующий, художественно исполненный, широко представленный*.

Однако раздельное написание некоторых приведенных словосочетаний не является единственно возможным: при терминологизации сочетания меняется и его написание.

Так, мы встречаем *глубокорасположенные породы, красивоцветущие растения, сильнодействующие лекарства, высококипящие жидкости*,

труднорастворимые вещества, низколегированные стали. При неярко выраженной терминологичности возможны колебания в написании: *сильновогнутый* и *сильно вогнутый*, *слабовогнутый* и *слабо вогнутый*. Но эти колебания касаются только слитного или раздельного написания указанных слов.

Что касается дефисного написания прилагательных-сращений, которое часто встречается в различных словарях, справочниках, в литературе, то оно кажется нам неправомерным. Трудность написания сложных прилагательных с опорным причастием и наречием в качестве уточнительного компонента есть трудность разграничения слова и словосочетания. Если перед нами слово, то слитное написание его является единственно возможным, если словосочетание, то оправдано только раздельное написание (Улуханов 1977. 69).

Вряд ли возможно найти причину, заставляющую писать по-разному: *спирально изогнутый, спирально закругленный спирально намотанный, продольно вытянутый, поперечно вытянутый, умеренно вытянутый, неправильно вогнутый, попутно затронутый и угловато-вогнутый, округло-вогнутый, ключковато-изогнутый, волнисто-изогнутый, линейно-вытянутый, продольно-обтекаемый, серпообразно-загнутый, серповидно-изогнутый, овально-удлиненный, долотообразно-скошенный, меридионально-вытянутый* (Тихонов 1981. 92-109).

Ничем не оправдано и различное написание сложных прилагательных *радиально расходящийся и радиально-фокусирующий, последовательно включенный и встречно--выключенный, инверсно-включенный, локально измененный и линейно-измененный, горизонтально поляризованный и линейно-поляризованный, продольно-поляризованный, взаимно сопряженный и комплексно-сопряженный, функционально связанный и индуктивно-связанный, дистанционно управляемый и поверхностно-управляемый, материально*

зависимый и линейно-зависимый, условно зачисленный и условно-пораженный. Ничем не отличаются друг от друга равномерно замедленный и равномерно-темперированный, вторично подводящий и двоично-кодированный, диффузно отраженный, диффузно рассеянный и капельно-взвешенный, капиллярно-разобитый, ирригационно подготовленный и синусоидально-изменяющийся, смежно расположенный и однородно-ориентированный, условно наказуемый, модально окрашенный и попутно-пересекающийся, поперечно-намагниченный. Семантико-синтаксическая характеристика всех слов этих групп одинакова, и нам кажется, что все приведенные примеры скорее следует рассматривать как соответствующие словосочетания, а не как сращения, следовательно, они должны писаться раздельно. При отнесении их к категории сложных слов возможно иное написание - слитное.

Если слитное написание сложных прилагательных с наречием в качестве первого компонента объясняется их терминологическим характером, то не делает более простой проблему написания сложных прилагательных примечание в ряде орфографических пособий, по которому разрешается писать через дефис некоторые прилагательные терминологического характера (например, *наклонно-направленный, поточно-механизированный*). Тем более, что прилагательные с той же степенью терминологичности встречаются в слитном и раздельном написании.

Наличие пометы «наречие» в словарях у слов *спирально, попутно, вертикально, горизонтально, последовательно, локально, равномерно, продольно, вторично, взаимно* и т.п. и отсутствие такой пометы у слов *линейно, встречно, комплексно, инверсно, двоично, индуктивно, синусоидально* и т.п. не может служить достаточным основанием для того, чтобы считать одни слова самостоятельно употребляющимися в языке, а другие нет. Ведь ни у кого не вызывает возражения раздельное написание сочетаний: *антивоенно настроенный, всемирно прославленный, индустриально развитый,*

национально ограниченный, общественно значимый, организационно оформленный, промышленно развитый, умственно ограниченный, численно преобладающий, хотя слова, составляющие первую часть словосочетаний, в словарях идут без пометы «наречие».

Таким образом, сложные прилагательные с опорным словом - причастием и наречием в качестве уточняющей первой части пишутся слитно. Но для терминологических новообразований возможно отнесение их к терминологическим сочетаниям, что допускает их раздельное написание. Поэтому из трех написаний, встречающихся в литературе, *аффинно преобразованный, аффиннопреобразованный, афинно-преобразованный* допустимы первые два, так же как и *кратноотраженный* и *кратно отраженный, согласнозалегающий* и *согласно залегающий, комплексномеханизированный* и *комплексно механизированный, поточно-механизированный* и *поточно механизированный, планоно-регулируемый* и *плановорегулируемый*.

В «Грамматике современного русского языка» к наречиям, мотивированным прилагательным, относятся такие наречия, как *быстро, смело, ежедневно*, и наречия, мотивированные суффиксальными прилагательными со значением отношения к предмету, явлению... *молочно, ватно, южно, каменно, бронзово, проектно, ирригационно*.

Что касается написания причастий с наречиями на -СКИ, то их следует писать раздельно: *грамматически связанный, дружески расположенный, капиталистически организованный, катастрофически падающий, логически упорядоченный, мещански ограниченный, ритмически организованный, теоретически разработанный, энциклопедически образованный*. И нет основания делать исключения из этого правила и писать через дефис некоторые сложные прилагательные рассматриваемого типа, например, *эллиптически-поляризованный*, так как оно не более терминологично, чем

прагматически обусловленный, семантически разграниченный, сферически оформленный.

Таким образом, сложные прилагательные с опорным причастием пишутся слитно, если: 1) представляют собой сложения с подчинительным отношением основ; 2) образуют сращения с наречием в качестве первого компонента.

Только незначительная группа сложных прилагательных с причастием в качестве второй части пишется через дефис. К ним относятся сложные прилагательные с двумя равноправными основами. В качестве первой основы этого продуктивного типа выступают а) основы прилагательных: *смазочно-охлаждающий, броневойно-трассирующий, снотворно-успокаивающий*; б) основы причастий: *восходяще-нисходящий, колюще-рубящий, колюще-сосущий, сжимающе-сдвигающий, смазывающе-охлаждающий*.

Заключение

В настоящем исследовании был рассмотрен продуктивный и активный способ словообразования — соединительный, в частности в терминсистемах научного и технического стиля. На материале отобранных языковых единиц выявлены характерные модели структурирования сложных слов с использованием соединительных элементов, проанализированы особенности функционирования таких единиц с точки зрения их морфемной структуры и степени терминологичности.

Проведённый анализ показал, что соединительный способ способствует формированию устойчивых и экономичных единиц, что особенно актуально в научной и профессиональной коммуникации. Выявлены морфемные модели, в которых наиболее активно используются соединительные элементы, и зафиксированы случаи морфологического сращения, что свидетельствует о переходе ряда конструкций на новый этап лексикализации.

Несмотря на высокую частотность использования соединительного способа, в современной практике письма сохраняются колебания в

нормализации написания сложных слов, что требует дальнейшего изучения. Практическая значимость результатов заключается в возможности их применения в терминографической работе, лексикографических исследованиях, а также в задачах нормирования и стандартизации научной терминологии.

Перспективным представляется дальнейшее исследование продуктивных словообразовательных моделей на межъязыковом материале, а также включение корпусных и статистических методов анализа.

ЛИТЕРАТУРА

- 1- Ахманова О.С. (1957). *Очерки по общей и русской лексикологии*. Москва: Учпедгиз, 1957. — 294 с.
- 2- Болотнова Н.С. (2019). *Функциональная грамматика: словообразовательный уровень*. В книге «Методики смыслового и лингвопрагматического анализа медиатекста»: учебное пособие — М.: Флинта, 2019. — 156 с. С.67-74.
- 3- Винокур Г.О. (1952). *Грамматика русского языка. [Текст]. Т. 1: Фонетика и морфология* [Текст]. — Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1952–1954, 1952. — 720 с.
- 4- Винокур Г.О. (1959). *Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку*. — Москва, 1959. — С. 45–68.
- 5- Даниленко В.П. (1977). *Русская терминология: Опыт лингвистического описания*. — Москва: Наука, 1977. — 256 с.
- 6- Дроздова О.А. (2021). *Современные тенденции в развитии научной терминологии: словообразовательный аспект* // Вестник МГПУ. Серия "Филология". — 2021. — № 3. — С. 45–52.
- 7- Земская Е.А. (1963). *Как делаются слова*. — Москва: Издательство, 1963. — 220 с.
- 8- Земская Е.А. (1973). *Современный русский язык: Словообразование*. — Москва: Флинта, 1973. — 323 с.
- 9- Кубрякова Е.С. (2004). *Язык и знание: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. — Москва: Языки славянской культуры, 2004. — 432 с. С.346-351.
- 10- Лопатин В.В. (1970). *Русская словообразовательная морфемика*. — Москва: Наука, 1970. — 287 с.

- 11- Милославский И.Г. (1980). *Вопросы словообразовательного синтеза*. — Москва: Наука, 1980. — 192 с.
- 12- Ожегов С.И. (1974). *Лексикология. Лексикография. Культура речи*. — Москва: Высшая школа, 1974. — 336 с.
- 13- Потиха З.А. (1970). *Современное русское словообразование*. — Москва: Наука, 1970. — 304 с.
- 14- Потиха З.А. (1980). *Русская грамматика*. — Москва: Наука, 1980. — Том I. — 512 с.
- 15- Потиха З.А. (1981). *Строение русского слова*. — Москва: Наука, 1981. — 280 с.
- 16- Тихонов А.Н. (1981). *Основные понятия русского словообразования // Словообразовательный словарь русского языка в двух томах*. — Москва: Наука, 1981. — Том I. — С. 12–45.
- 17- Улукханов И.С. (1977). *Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания*. — Москва: Наука, 1977. — 280 с.
- 18- Хаснулин В.В. (2020). *Словообразование и лексикография: современный подход к систематизации терминов // Известия РАН. Серия литературы и языка*. — 2020. — Т. 79, № 5. — С. 15–24.
- 19- Шанский Н.М. (1953). *Основы словообразовательного анализа*. — Москва: Государственное издательство, 1953. — 150 с.
- 20- Шанский Н.М. (1968). *Очерки по русскому словообразованию*. — Москва: Наука, 1968. — 200 с.
- 21- Шмелёв Д.Н. (2009). *Проблемы лингвистической терминологии*. — Москва: ЛКИ, 2009. — 256 с.

Bibliography

- 1- Akhmanova O.S. (1957). *Ocherki po obshchei i russkoi leksikologii*. Moskva: Uchpedgiz, 1957. — 294 s.
- 2- Bolotnova N.S. (2019). *Funktsional'naia grammatika: slovoobrazovatel'nyi uroven'*. V knige «Metodiki smyslovogo i lingvopragmaticheskogo analiza mediateksta»: uchebnoe posobie — M.: Flinta, 2019. — 156 s. S.67-74.
- 3- Vinokur G.O. (1952). *Grammatika russkogo iazyka. [Tekst]. T. 1: Fonetika i morfologiya* [Tekst]. — Moskva: Izd vo Akademii nauk SSSR, 1952–1954, 1952. — 720s.
- 4- Vinokur G.O. (1959). *Zametki po russkomu slovoobrazovaniyu // Izbrannye raboty po russkomu iazyku*. — Moskva, 1959. — S. 45–68.

- 5- Danilenko V.P. (1977). *Russkaia terminologiya: Opyt lingvisticheskogo opisaniia*. — Moskva: Nauka, 1977. — 256 s.
- 6- Drozdova O.A. (2021). *Sovremennye tendentsii v razvitiі nauchnoi terminologii: slovoobrazovatel'nyi aspekt* // Vestnik MGPU. Seriya "Filologiya". — 2021. — № 3. — S. 45–52.
- 7- Zemskaya E.A. (1963). *Kak delaiutsia slova*. — Moskva: Izdatel'stvo, 1963. — 220 s.
- 8- Zemskaya E.A. (1973). *Sovremennyi russkii iazyk: Slovoobrazovanie*. — Moskva: Flinta, 1973. — 323 s.
- 9- Kubriakova E.S. (2004). *Iazyk i znanie: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniia. Rol' iazyka v poznanii mira*. — Moskva: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004. — 432 s. S.346-351.
- 10- Lopatin V.V. (1970). *Russkaia slovoobrazovatel'naia morfemika*. — Moskva: Nauka, 1970. — 287 s.
- 11- Miloslavskii I.G. (1980). *Voprosy slovoobrazovatel'nogo sinteza*. — Moskva: Nauka, 1980. — 192 s.
- 12- Ozhegov S.I. (1974). *Leksikologiya. Leksikografiia. Kul'tura rechi*. — Moskva: Vysshaya shkola, 1974. — 336 s.
- 13- Potikha Z.A. (1970). *Sovremennoe russkoe slovoobrazovanie*. — Moskva: Nauka, 1970. — 304 s.
- 14- Potikha Z.A. (1980). *Russkaia grammatika*. — Moskva: Nauka, 1980. — Tom I. — 512 s.
- 15- Potikha Z.A. (1981). *Stroenie russkogo slova*. — Moskva: Nauka, 1981. — 280 s.
- 16- Tikhonov A.N. (1981). *Osnovnye poniatia russkogo slovoobrazovaniia // Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo iazyka v dvukh tomakh*. — Moskva: Nauka, 1981. — Tom I. — S. 12–45.
- 17- Ulukhanov I.S. (1977). *Slovoobrazovatel'naia semantika v russkom iazyke i printsipy ee opisaniia*. — Moskva: Nauka, 1977. — 280 s.
- 18- Khasnulin V.V. (2020). *Slovoobrazovanie i leksikografiia: sovremennyi podkhod k sistematizatsii terminov* // Izvestiya RAN. Seriya literatury i iazyka. — 2020. — T. 79, № 5. — S. 15–24.
- 19- Shanskii N.M. (1953). *Osnovy slovoobrazovatel'nogo analiza*. — Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1953. — 150 s.
- 20- Shanskii N.M. (1968). *Ocherki po russkomu slovoobrazovaniiu*. — Moskva: Nauka, 1968. — 200 s.

- 21- Shmelev D.N. (2009). *Problemy lingvisticheskoi terminologii*. — Moskva: LKI, 2009. — 256 s.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Okhunova Salomat (2025). ON THE QUESTION ABOUT THE SPELLING OF COMPOUND ADJECTIVES (complex adjectives with a supporting component - participle). *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 13(2), 221-243.

DOI: 10.61186/IARLL.26.12

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/383>

درباره نوشتار صفت‌های مرکب (صفت‌های مرکب با مؤلفه محوری وجه وصفی)

سلامت آخونوا^{*}

استادیار زبان روسی، دانشگاه ملی تاجیکستان،
دوشنبه، تاجیکستان.

(تاریخ دریافت: ژوئن ۲۰۲۵؛ تاریخ پذیرش: ژوئیه ۲۰۲۵)

چکیده

یکی از شیوه‌های واژه‌سازی که در زبان روسی معاصر به‌طور فعال عمل می‌کند، ترکیب (واژه‌سازی مرکب) است. این روش به‌ویژه در مقوله اسم صفت بسیار پرکاربرد است. مقایسه بسامد کاربرد انواع خاصی از ترکیب در زبان ادبی سده‌های هجدهم، نوزدهم و بیستم نشان می‌دهد که پربرترین گونه‌های ترکیب در زبان روسی معاصر از آغاز و در سراسر سده نوزدهم تثبیت شده‌اند؛ یعنی در دوره شکل‌گیری زبان ادبی معاصر روسی. آنچه برای زبان روسی متأخر شاخص است، گسترش بسیار وسیع کاربرد شیوه ترکیب پیوندی است. این نوع ترکیب در دوره‌های پیشین نیز شناخته شده بود، اما تنها در طول سده نوزدهم رواج گسترده یافت و سپس در زبان ادبی متأخر تثبیت و بیش از پیش توسعه پیدا کرد. در حال حاضر، دو نوع ترکیب تابعی نیز بسیار رایج‌اند که در ادوار پیشین تحول زبان ادبی روسی نیز پربار بوده‌اند. با این حال، کاربرد این گونه‌های ترکیب در زبان معاصر به‌طور چشمگیری با کاربرد آن‌ها در دوره‌های پیشین تفاوت دارد.

واژگان کلیدی: ترکیب، زبان روسی معاصر، دوره‌های آغازین و متأخر، صفت، بسامد کاربرد، شیوه واژه‌سازی، واژگان.

1. E-mail: akila.ru@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0003-2428-3033>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی- پژوهشی

برگ درخواست اشتراک

حق اشتراک سالانه: ۲۰۰۰۰۰ تومان

لطفا وجه مورد نظر را به شماره کارت ۵۸۵۹۸۳۷۰۰۱۱۶۲۵۷ یا حساب جاری فراگیر: ۰۲۱۲۱۱۵۵۲۵ بانک تجارت، شعبه کوی دانشگاه ۲۱۲۰، مؤسسه انجمن علمی ایرانی زبان و ادبیات روسی واریز و اسکن اصل فیش را به آدرس پست الکترونیک سردبیر مجله ارسال فرمایید:
myahya@ut.ac.ir

✂-----

برگ درخواست اشتراک

نام و نام خانوادگی / مؤسسه:

شغل / نوع فعالیت: میزان تحصیلات:

نشانی:

تلفن:

کد پستی: صندوق پستی:

شماره‌های درخواستی از شماره تا شماره تعداد

درخواستی از هر شماره: تاریخ:

امضاء

بر اساس نامه شماره ۸۷۵۶۴/۳/۱۸ مورخ ۱۳۹۲/۶/۱۶ مدیرکل محترم دفتر سیاست‌گذاری و برنامه‌ریزی امور پژوهشی وزارت علوم، تحقیقات و فناوری در جلسه مورخ ۱۳۹۲/۵/۳۰ کمیسیون **بررسی نشریات علمی کشور** به «پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» نشریه انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی از شماره یک اعتبار علمی - پژوهشی اعطا شده است.

«پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» در پایگاه‌های ISC (پایگاه استنادی علوم جهان اسلام)، SID (پایگاه اطلاعات علمی جهاد دانشگاهی)، پرتال جامع علوم انسانی، سیویلیکا و ResearchBib نمایه می‌شود و مقالات آن قابل دسترسی است.

«پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» از تاریخ ۲۶ ژانویه ۲۰۱۶ در پایگاه استنادی علوم روسیه (رینتس؛ elibrary.ru) با شماره ۱۸ - ۰۱/۲۰۱۶ نمایه شده است و در آدرس زیر قابل مشاهده است.

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی با هدف انتشار پژوهش‌های اصیل با موضوعات مرتبط با زبان و ادبیات روسی در ایران منتشر می‌گردد و با توجه به عنوان نشریه در حوزه‌های مربوط به زبان روسی، ادبیات روسی، ادبیات تطبیقی، زبانشناسی همگانی، زبانشناسی تطبیقی، آموزش زبان روسی، جامعه‌شناسی و روانشناسی زبان روسی، ترجمه و..... مقاله می‌پذیرد.

راهنمای نگارش و شرایط پذیرش مقاله

- مقالات ارسالی به مجله باید حاصل تحقیق و پژوهش نویسنده یا نویسندگان مقاله باشد.
- زبان مجله روسی است.
- مقاله در مجله دیگری چاپ نشده باشد و همزمان برای مجلات داخلی و خارجی ارسال نشده باشد. مجله از پذیرش مقالات رد شده در مجلات دیگر معذور است.
- ساختار مقاله شامل عنوان؛ چکیده «۱۲۰ تا ۱۴۰ کلمه» و واژگان کلیدی «۵ تا ۷ کلمه» (عنوان، چکیده و واژگان کلیدی به زبان‌های روسی، فارسی، انگلیسی)؛ مقدمه؛ متن اصلی؛ نتیجه‌گیری و فهرست منابع (به زبان‌های روسی و انگلیسی) ارجاع داده شده در متن مقاله، باشد. متن اصلی نباید کمتر از ۳۰۰۰ و بیش از ۴۰۰۰ واژه باشد.
- صفحه عنوان مقاله دارای عنوان کامل مقاله، نام و نام خانوادگی، دانشگاه و مرتبه علمی، تلفن و نشانی پست الکترونیکی (دانشگاهی) نویسنده (یا نویسندگان) باشد.
- ارجاعات در متن مقاله در میان دو کمان (،)، شامل نام خانوادگی نویسنده، سال انتشار منبع و شماره صفحه باشد (ایوانوف ۲۰۱۳، ۹۲).
- منابع مورد استفاده در متن به ترتیب الفبایی نام خانوادگی پدیدآورندگان، به شکل زیر تنظیم شود:
- کتاب: نام خانوادگی، نام؛ تاریخ انتشار (داخل پرانتز)؛ عنوان اثر اصلی و فرعی با خط کج (ایتالیک)؛ محل نشر: ناشر.
- مقاله: نام خانوادگی، نام و تاریخ انتشار داخل پرانتز؛ عنوان مقاله؛ نام مجله یا مجموعه مقالات ایتالیک؛ دوره یا سال و شماره برای مجله، محل نشر و ناشر برای مجموعه مقالات صفحه شروع و پایان مقاله.
- منابع اینترنتی: نام خانوادگی، نام؛ عنوان اثر؛ نشانی کامل پایگاه اینترنتی، تاریخ مراجعه به سایت.
- مجله حق رد، چاپ و ویرایش مقالات را برای خود محفوظ دانسته و از برگرداندن مقالات دریافتی معذور است.
- مقاله ارسالی با برنامه "Word 1997-2003" و قلم Times New Roman، اندازه حروف ۱۴ با فاصله ۱/۵ بین سطور، فاصله بالا و پایین صفحه ۲/۵ سانت، فاصله چپ ۳ سانت، فاصله راست ۱/۵ سانت و فاصله برای شروع پاراگراف ۱/۲۵ سانت باشد.
- مقاله به صورت فایل ضمیمه (Word 1997-2003) همزمان به پایگاه نشریه و به آدرس سردبیر myahya@ut.ac.ir ارسال شود.
- برای اطلاعات بیشتر به صفحه نشریه به آدرس <http://www.journaliar11.ir> مراجعه فرمایید.

اعضای مشورتی هیأت تحریریه (بین‌المللی):

استیفان آلو، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه ورونا (ورونا، ایتالیا)

ماری آن برودا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه لودز (لودز، لهستان)

کادزوهیکو ساوادا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی سایتاما (سایتاما، ژاپن)

تاتیانا آلكساندرونا کاشمچوک، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه کشاورزی سن‌پترزبورگ (سن‌پترزبورگ، روسیه)

والری ولادیمیرویچ لپاخین، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه سگد (سگد، مجارستان)

یوردان دیمیتروف لوتسکانف، دانشیار زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات آکادمی علوم بلغارستان (صوفیه، بلغارستان)

آلكساندر واسیلیویچ ماتورین، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی یارسلو مودری نیژنی نوگروود (نیژنی نوگروود، روسیه)

ایرین یگورونو مادابادزه، استاد پژوهشی زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات گرجی شوتا روستاولی (تفلیس، گرجستان)

فیروزه عبدالله یونا ملویل، استاد زبان و ادبیات فارسی، مدیر بخش پژوهش‌های ایران‌شناسی دانشگاه کمبریج (کمبریج، انگلستان)

آنجلیکا مولنار، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه مجارستان غربی (سمباتهی، مجارستان)
مهرالنساء نغریبیکووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه ملی تاجیکستان (دوشنبه، تاجیکستان)

میشل نیک‌یو، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه کان، نورماندی (کان، فرانسه)

ناتالیا پترونو ویدماروویچ، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه زاگرب (زاگرب، کرواسی)

اولگا علمونا باگدانوا، پژوهشگر برجسته انستیتو ادبیات جهان گورکی، آکادمی علوم روسیه (مسکو، روسیه)

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی نشریه انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی («فصلنامه علمی»)

اعضای هیأت تحریریه

روسلان احمدشین، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی مسکو (ام.گ.او)، روسیه
میرلا احمدی، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه تربیت مدرس، ایران
یلنا زاویالووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی آستراخان، روسیه
سوتلانا شوستووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم، روسیه
حسین غلامی، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
المیرا قاضی‌یوا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی پیتی گورسک، روسیه
ولادیمیر کاتلنیکوف، استاد زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات روسی «خانه پوشکین»
آکادمی علوم روسیه، بخش ادبیات نوین روسی. سن پترزبورگ، روسیه.
جان‌اله کریمی مطهر، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
والینتین گالاوین، استاد زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات روسی «خانه پوشکین»
آکادمی علوم روسیه، سن پترزبورگ، روسیه.
محمدرضا محمدی، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه تربیت مدرس، ایران
مرضیه یحیی‌پور، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
تامارا یروفی‌یوا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم، روسیه

مدیر مسئول: جان‌اله کریمی مطهر

سردبیر: مرضیه یحیی‌پور

مدیر داخلی: مهدی محمدبیگی

مدیر اجرایی: پروین عزیززاده

ویراستار علمی روسی: سوتلانا شوستووا

ویراستار فارسی: مهیود فاضلی

صاحب امتیاز: انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی

چاپ و صحافی: انتشارات دانشگاه تهران

آدرس: دانشگاه تهران، دانشکده زبانها و ادبیات خارجی، اتاق ۲۳۵

تلفن: ۰۲۱-۶۱۱۱۹۱۲۰؛ فاکس: ۰۲۱-۲۲۱۴۳۸۵۹

شاپا چاپی: ۲۴۹۸-۲۳۴۵

شاپا الکترونیکی: ۳۵۰۰-۲۴۷۶

بها: ۱۰۰۰۰۰ تومان

تهران - ایران

وبسایت: <http://www.journaliarll.ir>

فهرست

- ۱۱ بررسی جنبه‌های ادبی «گذر از سه دریا» / آکساندر آلکساندروویچ کارابلیوف
- ۳۳ سفرنامه به مثابه مواجهه ادبی با «دیگری»: سه روایت آفریقایی / ولادیمیر الکسیویچ کاتلنیکوف
- ریزسامانه اصطلاح‌شناختی فضای معنایی واحدهای واژگانی غیراستاندارد: مطالعه موردی
۵۳ بازنمایی «بیگانه» در ژارگون جنایی / گالینا ولادیمیروونا فایزیوا
- گسترش مهارت‌های خواندن در درس روسی به عنوان زبان خارجی با استفاده از یادداشت‌های آفاناسی
نیکیتین «گذر از سه دریا» / یکاترینا نیکولایونا کراسیکووا / الکساندر یوریویچ کراسیکوف ۷۱
- ۸۹ بررسی زبان اثر «گذر از سه دریا» آفاناسی نیکیتین در چارچوب درس «تاریخ زبان ادبی روسی»
اولگا والتینونا نیکیفوروا
- رنگ گل لاله در مفهوم سپهر رنگی فضای فلوریستیک زبان روسی: قرمز یا سیاه؟
۱۰۹ تاتیانا ویکتورونا سیووا
- ۱۳۱ میدان معنایی احساسات دال بر حالات عاطفی اندوهگین / غمگین / مریم شفقی
- ۱۴۹ سیستم‌های تقویم در «گذر از سه دریا» / آنتون میخائیلویچ ودنسکی
- انتخاب عناصر و واژگانی با مفاهیم خاص فرهنگی برای آموزش زبان روسی در ایران
۱۶۵ ناهیده کلاشی / ناتالیا سرگیونا برم
- چالش‌های فراگیری مقوله «نمود فعل» زبان روسی برای دانشجویان ایرانی: رویکردی زبان‌شناختی
و روش‌شناختی / مریم رضایی آذین ۱۸۳
- مسائل واژه‌سازی زبان روسی در کلاس‌های زبان روسی برای غیرروس‌زبانان
۲۰۳ نازنین توکلونا شریپوا
- ۲۲۱ درباره نوشتار صفت‌های مرکب (صفت‌های مرکب با مؤلفه محوری وجه وصفی) / سلامت آخونوا